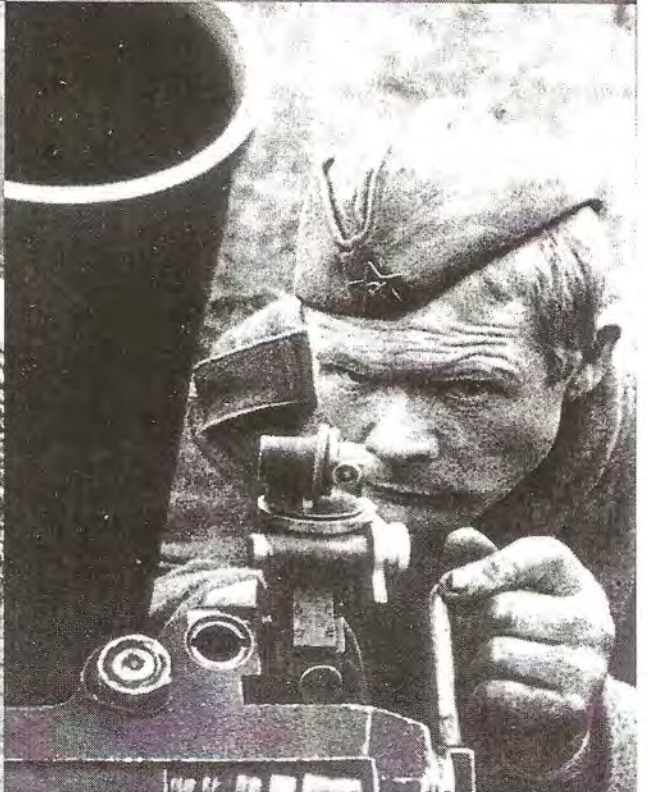

УРАЛЬСКИЙ
снегоньим
5 • 2002

Тайна ордена «Победа»

Конец 1943 года. В Великой Отечественной войне уже наметился перелом в нашу пользу. В Москве нормализуется жизнь. Моссовет принял постановление о возобновлении деятельности многих предприятий, в том числе ювелирно-часовой фабрики. Вскоре поступил заказ государственной важности: изготовить орден «Победа». Заказ исходил от Сталина. Причем Главнокомандующий особо подчеркнул: сделать орден из отечественных природных материалов.

В создании ордена «Победа», на который пошло драгоценных металлов и камней на общую сумму полмиллиона рублей, участвовало очень много людей. В их число входил И. Ф. Казеннов (1889-1969), известный ювелир-художник, мастер высочайшей квалификации. Заготовки для ордена вырезал П. К. Казеннов — однофамилец Ивана Федоровича.

Самодельной ручной дрелью были высверлены в золоте и платине гнезда под бриллианты и рубины. Огранку красных самоцветов производил Н. И. Турчанов, начальник гранильного цеха фабрики.

Вот с рубинами-то вышла заковыка. Сталин приказал использовать только отечественные самоцветы. И хотя И. Ф. Казеннов собрал рубины со всей Москвы, не то что пяти (хотя бы для одного ордена) — двух одинаковых не нашлось. Все природные камни ощутимо различались по цвету. Что делать? Известно, чем грозило человеку невыполнение воли вождя...

Недаром Иван Федорович слыл смельчаком. Он принял единственно верное решение: использовать синтетические вернейлевские рубины, из которых можно было нарезать неограниченное количество заготовок одинакового цвета. Правда, эту тайну И. Ф. Казеннов хранил всю жизнь, лишь незадолго до смерти открывшись одному из своих учеников.

Орден «Победа» экспонируется в Кремле на выставке Алмазного фонда. Им награждены выдающиеся полководцы, приблизившие День Победы.

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.2
Иван ФЕТИСОВ «Девять мгновений войны»	стр.3
Зинаида ШИПАНОВА «Здравствуй, милая Маруся!»	стр.7
Юрий ВЛАДИМИРОВ «Шаньга, Труда и Залко»	стр.12
Людмила ФЕДОРЕНКО «Солдаты Танкограда»	стр.14
Татьяна СУВОРОВА «Лечение душ»	стр.22
Петр ПАВЛОВ «Больницы времен войны»	стр.27

Великая Отечественная отгремела на планете более чем полстолетия назад. Но она не отболела в сердцах и памяти россиян, не остыла и не ушла в прошлое в душах уральцев.

Наш край в те трагические годы оказался прифронтовой полосой, тем близким и надежным тылом, который питал армию живой силой и техникой — стал гигантским заводом, арсеналом оружия, кузницей кадров. В уральских КБ — как местных, так и прибывших из оккупированных районов страны — создавались новые виды вооружений; в госпиталях возвращались к жизни многие тысячи раненых бойцов. Многие из них потом продолжали свою борьбу с фашистами в тылу, на трудовом фронте, помогая женщинам и детям.

А сколько наших земляков ушло на войну и погибло в ее огне! Они вложили в победу все, что смогли — свои жизни.

Нет на Урале семьи, на судьбе которой так или иначе не отразилась бы Великая Отечественная.

С праздником Победы, дорогие ветераны, солдаты фронта и тыла!

Здоровья Вам и счастья!

Ученые утверждают, что в центре Бермудского треугольника — одной из самых загадочных точек планеты — спрятана гигантская подводная пирамида, которая является ключом к разгадке тайны исчезновения здесь кораблей, самолетов и людей. Американское гидрологическое судно обнаружило пирамиду на дне в самом центре Треугольника. По размерам это сооружение в три раза больше пирамиды Хеопса. Судя по характеристикам эхо-сигналов, отражающихся от ее поверхности, грани пирамиды сложены из материала, похожего на стекло или полированную керамику. Они абсолютно чистые, гладкие, что совсем не характерно для объекта, находящегося на дне океана. Не видно никаких блоков: создается впечатление, что акустическая волна отражается от сплошной идеальной плоскости.

Несколько лет назад разведка ВМС США установила, что в этом районе часто наблюдаются взлеты различного вида НЛО с подводного положения, а также вход НЛО в воду. При выходе НЛО из глубин в атмосферу на поверхности воды сначала возникает газовая полусфера диаметром в несколько десятков метров, сквозь которую НЛО и взлетает. Армия США и спецслужбы вынуждены признать, что в прибрежных водах Пуэрто-Рико, НЛО регулярно следят за запусками космических аппаратов США и маневрами подводных лодок в этом районе Бермудского треугольника. Речь идет о работе силового энергетического комплекса пришельцев, в котором обнаруженная пирамида составляет основную часть. Подобный комплекс в виде нескольких светящихся сооружений найден и около южной части Чили на глубине 6000 метров (впадина Беллинсгаузена).

Отметим также, что знаменитый ясновидящий Эдгар Кейси (умер в 1944 году) за несколько десятилетий до создания лазеров на основе кристаллов синтетического рубина говорил о том, что в глубокой древности атланты с помощью кристаллов делали смертоносное лучевое оружие. Кроме того, большие кристаллические блоки использовались ими для получения энергии огромной разрушительной силы. Кейси утверждал, что атланты спрятали эти кристаллы на дне моря к западу от острова Андрос, входящего в Багамскую группу островов. Более того, Кейси предупреждал об опасности судоходства в этом районе, так как губительная энергия действует и в наши дни.

*Николай Зайцев,
действительный член Русского
географического общества.*

Иван ФЕТИСОВ, г. Екатеринбург

Восемь МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ

*Далекое время нам кажется близким,
Да, нет очень многих друзей среди нас.
Пути отмечая, стоят обелиски,
Ведут о боях молчаливый рассказ...*

Иван Степанович Фетисов родился и вырос в поселке Атиг Нижнесергинского района, откуда ушел мальчишкой на фронт. Был участником сражений на Сталинградском, Юго-Западном, 1-м Украинском фронтах в составе 1-й Гвардейской армии. С 1945 по 1956 год, будучи командиром стрелкового взвода, служил в Прибалтике, где участвовал в борьбе с бандитизмом. Награжден орденом Отечественной войны первой степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Рядовой Величко

Воинский эшелон приближался к фронту. На железнодорожной станции предстояла короткая остановка, чтобы раздать бойцам пищу, набрать воды и сменить посты. Бойцы-караульные тихо переговариваются:

— Говорят, фашисты после Сталинграда здорово огрызаются.

— Ничего-о, не сорок первый год, — замечает ефрейтор Смирнов с медалью «За отвагу» на груди.

— Главное не дрейфить. Это вот Сашок первый раз на фронт. Что, страшновато, Величко?

Рядовой Величко молчит, слушая бывалых фронтовиков. Его послужной список — всего полгода. Родился и вырос в сибирской деревне, город впервые увидел из вагона поезда, когда ехал в воинскую часть.

В первое время после призыва в армию ему давали не очень ответственные задания, но сегодня рядовой Величко назначен на пост по охране Красного знамени воинской части.

— Подъезжаем к станции! — крикнул Петров, наблюдая в окно.

— Приготовиться к смене постов! — командует разводящий.

Бойцы разбирают оружие и ожидают остановки поезда. Эшелон медленно останавливается. У кухни выстраивается очередь. Разводящий быстро меняет посты. Третий от паровоза — штабной вагон, сюда и заступает на пост Величко.

— Немецкие самолеты! — кричат наблюдатели.

— Ложись! В укрытие!

Воздушный налет был неожиданным. Черные силуэты «юнкеров», круто разворачиваясь, вошли в пике на станцию. Земля дрогнула, взметнулось пламя. Откуда-то по самолетам ударили зенитки, с эшелона застрочили спаренные пулеметы. Белые облачка разрывов преградили путь остальным самолетам.

Вдруг одна из бомб рванула рядом со штабным вагоном, и он загорелся. Пламя быстро разрослось, лизнуло дверь и крышу. Загорелись шкафы с документами. Величко бросился к огнетушителю, направил струю пенной жидкости в огонь. Пламя бушевало, все заволочило едким дымом. Через горящую дверь еще можно выйти. «А знамя?! — думает Величко. — Боевое Красное знамя гвардейского полка! Что будет с ним?!» Александр бросается к знамени, ломает древко. Сквозь дым и огонь пробирается к окну и выбрасывает полотнище на перрон. Силы оставляют его, выбраться из горящего вагона Величко уже не смог.

К вагону бежали бойцы во главе с дежурным офицером. Шинелями, песком сбили с двери пламя. Солдаты вбежали в вагон, в дыму и чаду с трудом отыскали Величко, вынесли и положили на землю. Подоспевший фельдшер с санитарной сумкой через плечо, встав на колени, пытался делать искусственное дыхание, но скоро убедился, что не поможет. Бойцы обнажили головы...

«Посмотри, какая игрушка...»

По улицам освобожденного города бесконечным потоком движутся советские войска. А из окрестных лесов, оврагов и болот идут в город жители, спасшиеся от рабства, от гибели — старики и женщины. На плечах — котомки, на руках и об руку — дети.

Вот старик, сгибающийся под ношей, сняв головной убор, в низком поклоне приветствует воинов. Их повсюду радушно принимают горожане. Скуден запас продовольствия, утаенного от грабителей-захватчиков, но хозяева угощают красноармейцев последним. И, радуясь свободе, наперебой спешат рассказать, как мытарились и как ждали прихода освободителей. Старик Мирончук со слезами на глазах сообщает о том, что в пригородном озере гитлеровцы уничтожили несчетное множество беззащитных людей. Это был особо изуверский способ казни. Палачи садились на плечи своих жертв, гнали в воду и топили их.

Антонина Мазай, как о неслыханном кошмаре, рассказывает о казни, очевидцем которой, находясь в укрытии, она была. Сначала расстреляли всех взрослых из ее дома. Потом в яму на трупы родителей фашисты начали толкать детей. Худющие ручонки обхватывали ноги убийц и просили: «Дядя, не надо!..» Гитлеровец наклонился к одному спутавшему его ноги ребенку, сказал, коверкая русские слова: «Посмотри, какая игрушка», — и выстрелил в лицо... Кто может забыть все это?..

Случай на посту

Историю, приключившуюся со мной в воинской части, я рассказал замполиту своей роты. Спустя несколько дней в очередном номере дивизионной многотиражной газеты «Советская гвардия» об этом была напечатана его заметка. Мою фамилию почему-то он сменил.

«Шел второй год войны. Ефрейтор Иван Карпов только что вернулся из госпиталя, что в уральском городе Лысьве, и через посыльный пункт был направлен во вновь формирующуюся воинскую часть, о чем он сразу же сообщил в кратком письме домой. Иван зачислен в роту автоматчиков. Опять служба на полевых занятиях, болит перебитая и не совсем еще зажившая кость левой руки, кружит и ломит голову от фронтальной контузии.

Однажды Карпова назначили в наряд — часовым на контрольно-пропускной пункт. Воинская часть располагалась на окраине города, в старинных казармах.

Заступил на пост ровно в час ночи. Крепко

морозило. Темнота — хоть глаз выколи. Кругом выла на разные голоса пурга. Огромные снежные вихри играли, словно в танце. В январе здесь суровая зима. В добротном полушубке и валенках Ивана все-таки морозило. Больше мерзла раненая рука. Лицо горело. Глазам было трудно смотреть.

В два часа прошли последние запоздавшие офицеры. Были проверяющие из караула. Потом прошел еще кто-то из военных. Все та же темнота и ветер. Сквозь пургу Иван опять видит на дороге какой-то силуэт. Только это не военный — военных сразу определишь по уверенной походке.

— Стой! Кто идет?

Но никто не отзывался. А фигура двигалась.

— Стой! Стрелять буду! — приказал ефрейтор, но незнакомец не остановился. Иван подумал, что кто-нибудь заблудился или по ошибке идет к нему. Пока не стрелял, но автомат держал наготове.

— Зачем вы сюда идете? — спросил Иван, различая приближающуюся женщину. «Вот еще ходят здесь по ночам», — подумал он, глядя в темноте на одетую в шубу и укутанную пуховой шалью женщину с большой котомкой за плечами.

— Мне Карпова надо. Мать я его, — тихо сказала женщина.

— Кого? — не дослышав, спросил Иван.

— Карпова, говорю, Ивана. Здесь он служит, точно узнала, — уверенно промолвила женщина.

— Я Карпов Иван, — еле проговорил часовой.

— Сыночек, родненький, — рыдала мать. — Вот и встретились. Два года не виделись. А дядя Александр погиб. От Виктора тоже ни слуху ни духу.

Сказала и умолкла. Ей было тяжело. Еле сдерживал слезы Иван. Такая встреча!

— Подожди, мама. Скоро меня сменят с поста, — сказал Иван, успокоившись.

На снимке: И. Фетисов, Н. Ленков, В. Певцов перед отправкой на фронт.

Остаток ночи мать с сыном провели на контрольно-пропускном пункте. Мать, исхудавшая и раньше своих лет поседевшая, угощала сына домашними пирожками, другой снедью».

Судьба солдата

Стояли мы в боевом охранении с пожилым солдатом Кононовым. Стал он прикуривать, ударял, ударял кресалом по труту, высекая искру, сбил весь пепел. Просит меня: «Ты, сынок, молодой. Доскочи до окопа к Аркашке Елисееву. Прикури, и обратно. А то меня, пока туда-сюда, фриц и кокнуть может».

Жаль мне его стало — пожилой, нервничает, а покурит — успокоится. Взял его папиросу, автомат и — броском в окоп друга. Тот раскурил папиросу, ползу обратно. Вдруг — сильный взрыв. Фрицы вели методический обстрел. Это самое неприятное на войне: не знаешь, когда и откуда прилетит «подарок». Подождал, пока улеглись комья земли, делаю последний рывок и — останавливаюсь...

Мина угодила прямо в окоп, где оставался мой напарник. Смутно помню, что было дальше...

Высшая мера

Однажды, проходя мимо политотдела дивизии, увидел я картину (до сих пор перед глазами стоит). Шла на передовую рота. Ее остановили, вывели из политотдельской землянки стриженного молоденького паренька, поставили перед строем, прочитали приговор: за трусость и невыполнение приказа приговаривается к высшей мере... Солдатик упал на колени, обхватил ноги у читавшего приговор, умолял. Что-то кричал... Двое конвойных подхватили его под руки, пытались поставить на ноги — не смогли. Подошел офицер и выстрелил из нагана в затылок. Все!

— Рота, направо! Шагом марш!

И рота, заряженная страхом, пошла исполнять свой воинский долг.

Всякие смерти я знал, эта — самая страшная.

Муж приходит домой...

1943 год. С тяжелыми боями Первая гвардейская армия от Сталинграда продвигалась на Запад. Юго-Западный фронт. Передовая. Здесь нужно каждую секунду быть готовым отразить внезапное нападение врага.

Недавно встретил Володю Певцова — школьного товарища. С ним мы с первого класса сидели за одной партией. Вместе учились в военном училище. На фронте — в разных подразделениях, а тут

вдруг встретились.

... Дни и ночи проходили в труде и напряжении. Были непрерывные бои. Брели деревни и безмянные высоты. Теряли боевых друзей. На ходу пополнялись и снова двигались на запад. Люди исхудали, но не унывали...

Двигались в колонне. Напряженные спало, настроение бодрое, в рядах идут солдатские разговоры. Слышу веселый голос Шестакова:

— Муж приходит вечером домой. У него выбит глаз и рука в гипсе.

— Коля, что с тобой? — спрашивает жена.

— Да я сегодня в пивной с одним мужиком на глаз поспорил, что он мне руку не сломает.

Бойцы смеялись:

— Сашка, что-нибудь про любовь.

Шестаков продолжил:

— «Если ты мне откажешь, — сказал он, — я умру». Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.

Опять смех. Какая сила в народе! Никакие трудности не смогут его сломить. Чуть отошел человек от боя, и вот уже — побаски и смех.

Яловые сапоги

Отделению сержанта Колдышкина приказано ночью доставить боеприпасы на передовую. По дороге встретил атигского парня Николая Ленкова. Вместе учились в Тюмени, в военном училище. Он был командиром отделения. На фронте автоматчик.

Попутно зашли в медсанбат, где лежал командир взвода, раненный в руку.

— Скоро вернусь, — сказал лейтенант.

Нашли рядового Бабенко, наводчика первого расчета. Он находился в одной из палат и встретил нас слабой улыбкой. Его нога лежала под прово-

Иван Фетисов

лочным каркасом, одеяло вздувалось над ним горбом. У Бабенко уже нет ступни — ему ее ампутировали. Рядом с кроватью стояли яловые сапоги. Сержант попросил Бабенко обменять сапоги на ботинки Шестакову. Но Бабенко не поддавался на уговоры.

— Не надо, сержант, — сказал Шестаков...

Фронт и тыл

Несколько километров отделяли нас от передовой.

... Женщину мы увидели, когда она оказалась совсем рядом. Маленькая, худенькая, в черной косынке, подвязанной по-крестьянски под подбородком, она на зеленом фоне травы и деревьев выглядела как из другого мира. Шла она медленно, по тропинке, которая пересекала нашу поляну. Нас будто не замечала.

— Далеко ли, мамаша, путь держишь?

Она остановилась, и мы увидели в ее руках узелок.

— Сын письмо прислал: утром мимо проезжал. Думала, повидаяюсь, а поезд не остановился.

— А где он у тебя?

— Воюет...

Голос у нее был спокойный, негромкий.

— Не расстраивайся, еще увидите! Скоро войне конец. Жаль только, гостинец передать не удалось. Соскучился он, наверное, по домашней стряпне...

— Какая уж это стряпня, — тихо сказала женщина и посмотрела на нас долгим печальным взглядом. — Что сами едим, то и ему принесла. Другого нету. Возьмите.

И она протянула нам узелок, который бережно держала в руках.

Мы развернули узелок и увидели глубокую тарелку, на которой лежало что-то круглое темно-серого цвета.

— Что это, мать?

— Лепешки...

— Лепешки? А из чего они?

— Из картофельной шелухи, и немного муки, чтоб не распадались.

Мы несколько минут смотрели то на лепешки, то на женщину.

И вдруг на ее исхудалом лице увидели паутину морщин, плотно сжатые губы чуть завалены внутрь, словно прикрывая беззубый рот. Подума-

Семья Фетисовых (1939 г.)

лось: эта женщина уже очень давно не улыбалась.

— И... это вы едите?

— Слава богу, что это есть...

— Погоди, мать, не уходи, — произнес сержант и приказал ефрейтору:

— Мигом на батарею. Понял?

Ефрейтор вернулся с внушительным свертком:

— Вот, — опустил он его на землю, — старшина дал. Я все объяснил ему.

Сержант развернул газету. В нее были завернуты булка черного хлеба, сахар, кусок колбасы и банка консервов.

— Возьми, мать. Это тебе.

Женщина побледнела, в глазах вспыхнул испуг. Она даже отшатнулась от свертка, спрятала руки за спину:

— Что вы, сынки, что вы? Такое богатство... Не возьму...

— Бери, мать, — стали мы ее уговаривать.

Сержант снова все завернул, положил сверток ей в руки:

— А теперь можешь идти домой.

Но женщина не шелохнулась. Она будто замерла. И только губы ее в испуге шевелились:

— Как же так, сынки? Как же так? За что мне такое?.. Не возьму...

Сержант обнял ее за плечи и подтолкнул:

— Иди, мать. И за сына не беспокойся. Все идет хорошо.

Но она продолжала стоять, прижав к груди сверток и потрясенно повторяя:

— Как же так, сынки?.. Такое богатство...

Зинаида ШИПАНОВА, г. Уфа

Здравствуй, милая Маруся!..

*...Я хочу забыть свою пехоту,
Но забыть пехоту не могу,
Беларусь — промерзшие болота,
Мертвые шинели на снегу.*

Юлия Друнина

Пролог

Нет, меня в это пекло никто не посылал. Я сама придумала себе такую жизнь. С детства, еще со школы мечтала о путешествиях, приключениях и подвигах, не подозревая, что мои детские мечты могут осуществиться так скоро. В начале июня 1941 года я окончила семь классов средней школы города Уфы, а 22 июня началась Великая Отечественная война. И было все — и путешествия, и приключения, и подвиги. Теперь, с высоты прожитых лет вспоминая о своей боевой юности, я до сих пор не знаю, горевать мне об этом или радоваться. Ведь с годами мировоззрение меняется. Иногда кажется: поступи я иначе — в молодости всегда есть выбор — жизнь сложилась бы лучше (по мудрым житейским меркам).

Но ведь молодежь моего предвоенного поколения, прямо сказать, презирала благополучную, легкую жизнь. Считала ее уделом слабых. Нас тянуло в неведомую романтическую даль, за линию горизонта, на край пропасти, где живут самые смелые люди. Хотелось посмотреть, какие они. Может, причиной тому была жажда подвига, что живет в каждом молодом сердце.

Земля сухая и твердая напоминала раскаленную сковородку, на которой куском тающего масла плавало солнце. Оно уже изжарило все. Вышло влагу из почвы и растений, превратив стебли кукурузы в белые, длинные палки, натканные вдоль полевой дороги. Даже голубой воздух будто застыл, сделался стеклянным. Ничего живого вокруг. Все замерло, затаилось от зноя, лишь какое-то серое, пыльное облако перемещается по дороге. Это движется по ней наша стрелковая рота. Молча, с плотно сомкнутыми ртами (чтобы не дышать пылью), с автоматами на груди. Солдаты стараются

не сильно топтать, чтобы не вздымать сапогами густую, волнистую пыль на дороге. Только напрасно. Сухая пыль с удивительной легкостью взлетает вверх при малейшем прикосновении и серым облаком стелется над колонной.

Солнце поднимается все выше, и зной становится нестерпимым. Мне начинает казаться, что вот в какой-то момент закипит единственная в этом пекле жидкость — кровь в жилах людей, и все мы бездыханными трупами останемся в чужом румынском поле.

Ужасно, как хочется пить. И в эти минуты я ни о чем другом, кроме висящей на моем ремне алюминиевой фляжки с остатками теплой воды на донышке, думать не могу. Хотя бы один глоток. Я, конечно, понимаю, что жажды он не утолит, и вода тут же испарится через поры тела. Но сдержаться просто невозможно. Так хочется почувствовать то мимолетное блаженство, когда металлическое горлышко фляжки коснется сухих губ, и влага, пусть даже теплая, на мгновение освежит иссохший рот.

Я шагаю в первой шеренге правофланговой и исподтишка поглядываю на идущих рядом со мной бойцов, которые почему-то могут сдерживать себя и не прикалываются часто к своим фляжкам. Но я не могу. Я мысленно признаюсь им в своей слабости и прошу у них за это прощения. Когда мне кажется, что солдаты, погруженные в свои мысли, на меня не смотрят, я украдкой снимаю с ремня флягу и выпиваю заветный глоток теплой воды.

Когда пехотинцы идут на марше, отмеривая километры пути, они всегда с надеждой смотрят вперед, на горизонт. Не появилась ли там черная точка. Потом эта точка, с каждым шагом пехотинца, станет все увеличиваться, разрастаться, превращаясь в большое, темное пятно. А это значит, что впереди маячит населенный пункт, деревня или

город, где будет короткий отдых, а может, и черпак горячих щей из котла полевой кухни. Солдату неизвестны маршруты его пути. Это дело командиров, а его удел — шагать, как прикажут. Но в разлившемся вокруг кукурузного поля солнечном мареве горизонта не видно, и сколько нам еще шагать, неизвестно.

Впереди, справа по обочине дороги, шагает старшина роты Назаров. Невысокий, худощавый, с приподнятыми плечами, в своем зеленом, еще не успевшем выгореть обмундировании и в хромовых сапогах с высокими голенищами, которые блестят даже сквозь осевшую на них пыль, он похож на полевого кузнечика. И кажется, что вот сейчас он подпрыгнет, взлетит и скроется из глаз в кукурузном поле. Я только удивляюсь, как равномерно, словно автоматически, шагает старшина. Как будто совсем не устал, не чувствует этой убийственной жары.

Будто уловив мои мысли, старшина вдруг оборачивается к строю своим темным, усталым, с глубокими морщинами лицом, на котором чистыми капельками воды сверкают его небольшие, светлые глаза и хрипло командует: «Запевай!»

Если бы в этот момент из кукурузного поля вдруг выскочили немцы или разорвался снаряд, то это вызвало бы меньшее удивление и негодование, чем такая нелепая команда. «Он что, с ума сошел, этот старшина Назаров? — со злостью думаю я. — Заставить утомленных длинным маршем и зноем людей петь?!» Мои товарищи-пехотинцы, что идут в колонне, тоже недовольны, им сейчас хочется одного: скорее бы дойти до какого-нибудь местечка, где можно будет вдоволь напиться холодной водички и упасть в тень под деревом хотя бы на пять минут отдыха.

Нет, никого не обрадовала эта команда старшины. Иное дело, когда где-нибудь во втором эшелоне, на переформировке, идешь строем в столовую или по улице города, где на тебя смотрят люди. Тут и впрямь хочется петь. А здесь, в поле, для кого петь? И рота упрямо молчит, продолжая свой путь по дороге. И тогда старшина снова командует: «На месте — шагом марш!» Ну вот, так он наказывает нас за невыполнение его приказа, за то, что мы не желаем петь.

И сколько тыни возмущайся и ни негодуй на несправедливость приказа, тебе все равно придется его выполнять — потому что в армии все держится на дисциплине, и приказы не обсуждаются, а выполняются.

Рота топаёт сапогами на месте, в пыли, но теперь уже все ждут меня, потому что я — запевала

роты. Я и на военных курсах в Уфе слыла запева-лой. У нас там была художественная самодеятельность и хор. Помкомвзвода, немолодая уже, по моим тогдашним понятиям, толстая женщина-старшина по фамилии Эфрос, услышав, как я пою в хоре, назначила меня запева-лой роты. Нас тогда каждую неделю водили строем в чернышевскую баню. И когда мы шли по улицам Уфы, то пели строевые песни. Когда старшина Эфрос командовала: «Шипанова, запевай!», я, глотнув морозного воздуха, звонким голосом начинала:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...*

Рота будущих военных поваров чистыми женскими голосами подхватывала:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война...*

На улице с тротуаров на нас смотрели прохожие, останавливались, пропуская военный строй, трамваи и автобусы. А мне казалось, что все люди смотрят только на меня — такую юную, счастливую запевалу роты.

Топая по пыльной дороге на одном месте, я лихорадочно вспоминала все известные мне строевые песни, выбирая, какую из них могли бы запеть вместе со мной эти усталые, немолодые уже солдаты. И неожиданно мне вспомнилось мое недавнее детство в деревне на Волге. Однажды вернулся с финской войны наш односельчанин, солдат Харитонов, дом которого стоял как раз через дорогу от дома моей бабушки Натальи. Вечером у Харитоновых были гости, и мы, деревенские дети, из темных сеней через дверь, открытую в освещенную керосиновой лампой комнату, с любопытством наблюдали, как гуляли гости. За большим столом, уставленным угощениями, сидели хмельные от вина и радости люди, наши односельчане, и пели песни. В центре стола в своей красивой военной форме, на которую мы, дети, смотрели с завистью, сидел сам Харитонов со счастливым, румяным лицом и, обнимая за плечи свою черноглазую красавицу-жену, запевал известную всем в деревне песню: «Здравствуй, милая Маруся!»

И здесь, в пыльном румынском поле я поняла, что именно эта песня будет сейчас к месту, придется по душе этим терпеливым, молча тоскующим по своему дому мужчинам. Решительно вскинув голову в слепящее небо, я как могла весело и громко крикнула:

*Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик золотой...*

Пятьдесят охрипших мужских глоток подхватили:

*Мы приехали обратно
С Красной армии домой...*

Под аккомпанемент солдатских сапог, мысленно грозя пальчиком неизвестной мне Марусе, я продолжала:

*А ты думала, Маруся,
Что погиб я на войне...*

Стук сапог о сухую землю: раз, два, и печальные голоса:

*Что зарыты мои кости
В чужой дальней стороне...*

И уже вся рота в один голос громко и уверенно подхватывает:

*Нет, нет, милая Маруся,
Не погиб я на войне,
Пуля острая задела
Шинель серую на мне...*

Ах, как им всем, моим братьям-пехотинцам, хотелось, чтобы было именно так, хотелось выжить и вернуться домой к своей жене, к своей Марусе, как поется в той простой, но близкой сердцу каждого солдата песне!

И с этой песней мы входим в село, утопающее в густой зелени высоких ореховых деревьев. Старшина Назаров подает желанную команду: «Разойдись! Привал пятнадцать минут!» О, что это значит — пятнадцать минут на войне! Сколько всего можно успеть сделать за эти пятнадцать минут!

Роту словно волной смывает с пыльной дороги. Солдаты торопятся в тень деревьев, к домам, к колодцу, из которого через мгновение, звеня цепью и покачиваясь от напряжения, выскакивает железное кованое ведро с такой чистой, такой холодной водой, что просто не верится, что это чудо может быть на белом свете.

Блаженно прикрыв глаза, обливаясь, солдаты по очереди припадают к ведру и долго пьют, словно стараются запастись водой на будущее. Умытые, освеженные лица бойцов светятся от простых житейских радостей.

Я, завернув воротник гимнастерки, прошу бойца полить мне на голову из ведра. Вода очень холодная, ну просто ледяная. И я с веселым визгом смываю пыль с моих длинных, непослушных волос. С мокрой головой влетаю в деревенский дом через распахнутую дверь и на мгновение замираю — мне показалось, что я вбежала в дом к моей бабушке Наталье в Красной поляне, что под Тетюшами на Волге. Те же белые занавесочки на окнах с цветущими гераньками в глиняных горшочках. В простенке — большое зеркало в раме, украшенное белым кружевным полотенцем. В переднем углу, на киоте — темные иконки с ликами Николая Угодника и Богородицы с горящей перед ними лампадкой. И тут я делаю открытие путешественника, что все крестьяне на земле живут одинаково.

На меня с нескрываемым любопытством смотрят две черноволосые и черноглазые женщины, видимо, хозяйки этого дома. Одна из них постарше, вторая совсем молодая. Наверное, это мать и дочь, заключаю я. Они одинаково одеты в белые кофточки с короткими рукавами и черные длинные юбки. Я не знаю ни слова по-румынски и на всякий случай говорю им по-русски: «Здрате». Женщины в ответ улыбаются. Они, конечно, впервые видят русскую девушку-солдата. Еще вчера

Ноктюрн. Фото Я. Халипа, 1942 г.

здесь были немцы. Они ушли из села ночью, как сообщили нам разведчики, появившиеся в селе раньше нас. Немцы теперь прячутся где-то на холмах, в лесных массивах, и ночью будут вырывать-ся из окружения, в котором неожиданно оказались. Только вряд ли им это удастся. 2-й Украинский фронт, развивая успех, за несколько дней наступления ушел далеко вперед — даже выстрелов, звуков боя не слышно. Часть наших войск, в том числе и наш батальон капитана Каратаева, оставили для ликвидации окруженной Яссо-Кишиневской группировки противника.

Старшая женщина, увидев, что у меня мокрые волосы, принесла белое полотняное полотенце, которым я вытираю голову, поглядывая на себя в зеркало на стене.

Ух! Как давно я не смотрелась в зеркало! Неужели задорная, загорелая девушка с санитарной сумкой через плечо — это я, недавняя уфимская школьница?

Расчесывая свои длинные волосы, я думаю, что надо бы их обстричь, обрезать, потому что ухаживать за ними нет возможности. В армии — все просто и строго. Ничего лишнего, что могло бы мешать бойцу выполнять его обязанности. А на войне — тем более. Тут и умываться-то приходится не каждый день.

Конечно, в комендантском взводе, где я недавно служила, горячую воду можно было брать из котла полевой кухни; а здесь же, в батальоне, — вся вода во фляжке на твоем ремне.

Но как мне постричь волосы? И я неожиданно решаю попросить вот этих женщин. Обращаюсь к ним, проводя двумя пальцами, как ножницами, вокруг головы: «Чик-чик». Кажется, старшая поняла меня. Она подходит к окну и показывает рукой, объясняя по-своему, в каком доме у них парикмахерская или живет парикмахер. Но я останавливаю ее: «Нет-нет, — говорю я ей, — мне некогда ходить по парикмахерским». На пальцах показываю: «У меня всего пятнадцать минут». Женщины сочувственно улыбаются и пожимают плечами. Но я не отступаю: «Ну, что вам стоит, — убеждаю их я, — мне ведь не надо, чтобы было красиво. Вы только обрежьте волосы сзади, которые мне очень мешают».

Кажется, до них дошел смысл моей просьбы. Старшая скрывается за занавеской и выходит, держа в руках огромные ножницы. Я весело смеюсь, опять вспомнив свое детство. Ну, точно такими же ножницами у нас в деревне стригли овец. Для нас, детей, бабушкиных внуков, это было целое событие. Мы смотрели, как сначала ловили большую

Эта мечта осуществилась лишь для немногих...

овцу во дворе. Потом под ее жалобное блеяние связывали ей ноги и клали на расстеленный на чистом дворе брезент. Приглашенный бабушкой односельчанин, долго и старательно поскрипывая большими ножницами, состригал с овцы шерсть — всю в репьях и колючках. После чего овцу отпускали. И она, ставшая вдруг маленькой и смешной, ошалело бегала по двору, мотая головой, удивленная неожиданной легкостью своего тела.

Глядя на большие ножницы, у которых было совсем другое назначение, чем стрижка женских волос, я спросила: «Неужели у вас нет других, поменьше?» Женщина поняла вопрос и покачала головой: «Нет».

Делать было нечего. Я села на прочную табуретку посреди комнаты, как раз перед большим зеркалом. Женщина, угрожающе пощелкивая ножницами, подошла ко мне сзади. «Режьте!» Вряд ли ей когда-нибудь приходилось заниматься подобным делом. Она осторожно захватывает одной рукой мои пышные локоны, за которые в детстве меня дразнили цыганкой, и, лязгнув зубьями ножниц, срезает их. Я мотаю головой, как та деревенская

овечка, довольная приятной легкостью. Румынки улыбаются, видимо, довольные, что угодили мне, выполнив такую необычную для них работу.

Натянув свой форменный берет со звездочкой, я выбегаю из дома на улицу. А там уже идет построение. Подошла еще одна рота батальона во главе с комбатом Каратаевым.

И вдруг я вижу совсем неожиданное: неподалеку, сверкая на солнце золотом медных труб, стоит военный духовой оркестр. Оказывается, его прислал политотдел дивизии, чтобы мы прошли с ним по первому освобожденному от немцев румынскому селу.

Я становлюсь на свое место в строю. Вижу, какими серьезными стали лица бойцов. Они прихорашиваются, поправляют гимнастерки под ремнем, застегивают пуговицы у воротника. Понимают: предстоит нечто необычное, важное. Наш молодой комбат Каратаев (ему всего двадцать четыре года), как всегда аккуратный и подтянутый, с ослепительно-белым подворотничком и орденом Красного знамени на груди, строго осматривает внешний вид бойцов. Потом возвращается к голове колонны и становится между оркестром и первой шеренгой строя.

«Смирно!» — звучит высокий фальцет комбата. Батальон замирает, послушный команде. «Шагом марш!» И тут грянул оркестр. Его чистые звуки раскололи тишину, заполнили собой небо и землю.

Под звуки мелодии «Молдаванеску», видимо, специально выученной оркестром к этому моменту, шагают бойцы батальона по широкой улице села. Наверное, впервые за годы войны так громко и свободно звучит под этим синим небом народная мелодия. На зов ее выбегают из домов жители села. Они стоят возле дороги, улыбаются и что-то говорят по-своему. Мы не понимаем их языка. Но нам понятны их добрые, радостные улыбки на лицах. Они видели в нас своих освободителей.

На следующий день точно в таком же селе две румынские женщины спасут раненого русского сержанта-артиллериста по фамилии Бойко. Ночью через это село пройдут прорывающиеся из окружения немцы и расстреляют весь артиллерийский расчет, остановившийся там на ночлег. Живым останется только Бойко. Румынки сделают ему самодельную перевязку из полотенец и спрячут в подвале своего дома. Утром, когда наш батальон войдет в село, румынские женщины найдут меня, и я отвезу раненого сержанта в медсанбат. Румынки положат в повозку две большие пуховые подушки: чтобы было полегче в пути.

Как хорошо, легко шагать в строю под звуки оркестра! Так бы и идти с ним до самого Берлина. Мои ноги, обутые в легкие парусиновые сапожки, пошитые батальонным сапожником из старой плащпалатки, упруго ступают по твердой земле. И от сознания того, что каждый мой шаг вперед — это метр освобожденной земли вот для этих людей, что стоят возле дороги и с надеждой смотрят на нас, мое сердце наполняется гордостью за нашу страну, за советскую армию, которой выпала доля освобождать народы Европы от фашизма.

С гордо поднятой головой я шагаю в солдатском строю и ловлю на себе восхищенные взгляды еще вчера незнакомых мне людей-иностранцев. И среди них мне улыбается молодой, чубатый парень в расшитой, красивой безрукавке, с белыми, ровными зубами, похожими на плотные зерна кукурузы на початках. И, надо сказать, — это мне приятно. Потому что я — первая. Первая русская девушка, которая с отрядом солдат-освободителей вошла в село (оно три года было под немецкой оккупацией), и торжественным маршем, с оркестром прошла по его улицам.

Потом, наверное, здесь будут и другие девушки в погонах — медсестры санрот и медсанбатов. Но первой была я. А кому в восемнадцать лет не хочется быть первой?..

Эпилог

Нет, о судьбе своей я не жалею. И если бы можно было вернуть тот год, тот единственный год моей жизни на войне, я прожила бы его так же.

А что касается богатства... Есть в моем домашнем архиве небольшой документ на гербовой бумаге — справка ВТЭК, где фиолетовыми чернилами написано: «Причина инвалидности (я — инвалид второй группы) — ранения, полученные в боях при защите СССР». Вот это и есть мое богатство...

Солдатский труд. Фото И. Озерского, 1944 г.

Юрий ВЛАДИМИРОВ, г. Екатеринбург

Шаньга, Труба и Залко

Юрий Иванович Владимиров родился в 1930 г. в Кировской области в семье агронома. Школьные годы прошли в г. Халтурине (ныне г. Орлов), расположенном на высоком берегу красавицы Вятки. После окончания Ленинградского Гидрометеорологического института молодой инженер-гидролог работал в Ленгидропроекте на изысканиях в верховьях р. Камы, на горных реках Казахстана, в Приморском крае и на Северном Урале. Последние 40 лет продолжает трудиться в Уралгидроэксспедиции, занимаясь проблемой подземных вод. Кандидат географических наук.

По примеру отца пишет мемуары, которые, по его мнению, делают жизнь более долгой и интересной. Предлагаем главу из его воспоминаний о детстве в военные годы.

Когда еще до войны наша семья переехала в город Халтурин, здесь, у всех ребят во дворе, кроме самых младших и самых старших, были прозвища, имена редко звучали. В первые же дни «окрестили» и меня. А было это так.

Однажды ребята постарше полезли на сеновал, чтобы обсудить свои секретные дела. А нас, младших, не пускают. Я говорю, жалуясь: «Чего вам залко-то!» Все засмеялись, и Миша Измestьев говорит: «Ну, вот тебе и новое имя — Залко!» Я обиделся еще больше. А Леша Трубчиков успокаивает: «Чего ты обижаешься? У всех прозвища. У меня «Труба», у Миши «Шаньга». Знаешь, твое даже знаменитое. Есть венгерский революционер Мате Залко». Так я и оставался Залко класса до пятого.

Так вот, тогда у сеновала я, обиженный на всех, решил подслушать, что за тайна у старших ребят. Оказалось, они договаривались ночью сделать набег на соседний сад Двиняниных за крупными яблоками. Полный жажды мести, я пошел к Двинянину и по большому секрету предупредил о готовящемся набеге. Он обещал меня не выдать, а вечером готовиться к встрече гостей.

Весь день я ходил в муках сомнений — правильно ли сделал, что выдал своих?

И вот наступил вечер. Старшие ребята готовят мешки, одежду. Мне пора спать. Лежу дома на кровати около раскрытого окна и тревожно ловлю ночные звуки: стрекочут кузнечики, в городском саду на танцах, играет духовой оркестр, вот гудок с реки — это прибыл пароход. Закончилась музыка, слышу стук тупфелек по деревянному тро-

Река Вятка у города Орлова.

туару — это красивая девушка, что живет на углу, идет с танцев. Вслушиваюсь напряженно в темноту ночи. Все уснули. Незаметно уснул и я.

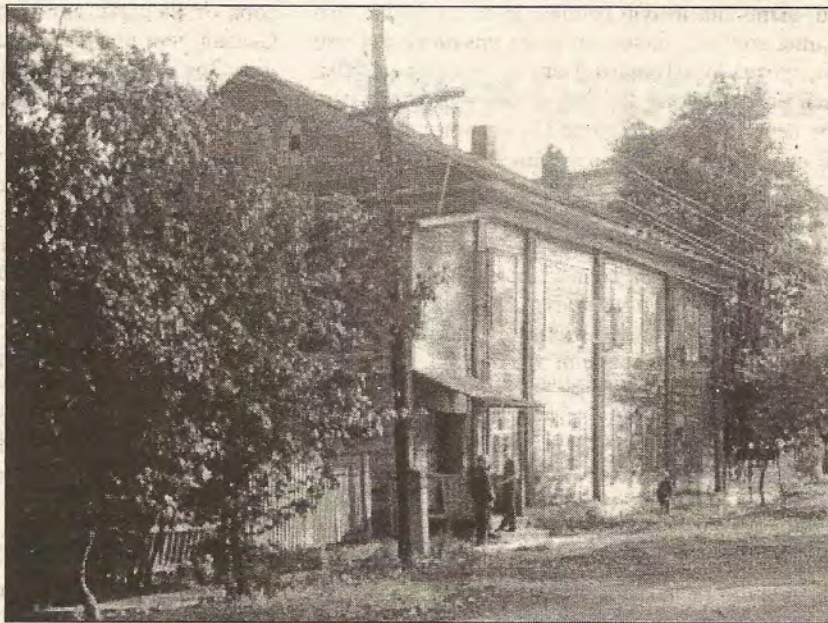
Рано утром выбегаю во двор. Никого. Постепенно стали выходить старшие ребята с таинственными лицами. Кто ссадину показывает, кто красный след от крапивы. Оказывается, полезли они в сад, когда стало совсем темно. Только залезли на яблони и стали их трясти, как поднялся шум, крики, засветились фонари. Ребята побежали обратно к забору, а их хворостинами и крапивой стали стегать. У Шаньги все лицо изжалено, да еще кепку потерял. Так я им отомстил.

Хозяева сада меня не выдали. Никто из ребят не узнал о моем предательстве. Но с этого момента начались мои душевные муки, заговорила совесть. Это была расплата за предательство. Смотрю ли кино, книгу ли читаю, где действуют презренные предатели, шпионы — я весь сжимаюсь в комок и терзаюсь мыслью: это про меня, я тоже предатель. Только никто не знает.

Постепенно впечатление это ослабло, забылось, но след в душе остался. Несколько раз я хотел рассказать ребятам, но не сделал этого. Боялся: а как они встретят мое признание?

Пришла война. Сводки Информбюро по радио с каждым днем становились все тревожнее. Уже воевали на фронте наши старшие товарищи Юра Шамов и Филя Измestьев. Призвали в армию и наших соседей — отцов семейств: Фадея Ситникова и Ивана Седельникова. В первые месяцы войны пришла первая похоронка — на Юру Шамова. Весь дом притих, когда слышал плач его матери Нины Федоровны. Отец с потерей единственного сына постарел за несколько дней. Затем пришли похоронки в семьи Ситниковых и Седельниковых. Все соседи, как могли, утешали и помогали им. Тяжело было проходить мимо их дверей.

В начале 1942 года получили повестки школь-

Наш дом на улице Республиканской, 97.

ники 9-10-х классов: Миша Измestьев и Алексей Трубчиков. Их, как грамотных, направили сразу одного в танковое, другого в артиллерийское училище. Алексея после училища послали на Дальний Восток, где вот-вот могла начать войну Япония. А Мишу — сразу на фронт в танковые войска. Вскоре его мама получила письмо из госпиталя, а через несколько месяцев он снова ушел воевать.

Где-то в конце 1943 года пришло письмо. Писала медсестра из госпиталя: Миша тяжело ранен, обгорел в танке, контужен и потерял память. Написала ему мать письмо и меня попросила — как товарища детства. Я рассказал о жизни в тылу, что гордимся им как героем. И в конце написал: «Шаньге от Залко».

Только через несколько месяцев пришло мне ответное письмо Миши. Миша уже сам писал, что поправляется, что сделано много операций... А эти смешные прозвища... Как окно распахнули в не-далекое детство и в родные места.

Вернулся Миша уже в 1944 году — отправили домой на поправку.

В первый день его мама никого к нему не пускала. На следующий день просит зайти. Приоделся я, и захожу с волнением. Миша сидит на кровати в белой исподней рубашке и кальсонах. Встал. Обнялись. Я удивился. Ожидал увидеть всего израненного, больного. А на лице — ни царапины. Только

к печке прислонены костыли. Какой он стал красавец, вырос на целую голову, куда-то делись его большие толстые щеки, лицо из круглого (за что его и прозвали «Шаньга») стало продолговатым. И весь он — совсем другой, очень мужественный. Такое пережить за два года! Он говорит, что меня тоже не узнать, совсем взрослый, что, наверное, уже за девушками бегаю.

Посадил он меня на стул, на его спинку военный китель накинут. Орденов-то сколько и медалей! Да, думаю, за два года столько наград! Миша присел на кровать, придвинул табуретку. На ней бутылка водки, стаканы и немного закуски на тарелке. Для военного времени это богато. Налил по стакану. Выпили за встречу. Это я впервые выпил водку, да еще так много. Но по такому случаю иначе нельзя. Опьянел сразу. Спросил его про ранения.

Поднял Миша рубаху, спустил кальсоны и повернулся. Живого места нет! Спина вся обгорела, на теле много следов ранений и операционных швов. А лицо не задело. «Под Курском было. Товарищи вытащили из горящего танка. Контузило от взрыва, ничего не помню». Просил его рассказать побольше о войне. Но сказал он немного: «Долг свой выполнил. За чужие спины не прятался. Главная награда — живой вышел из пекла». Больше о войне не хотел вспоминать, а разговорами все возвращался в детство. Меня расспрашивал. И тут решил я поведать ему свою тайну. Рассказал, как я предал, когда они в соседний сад лазили. Миша хохотал до слез. Потом говорит: «Да, какие еще дети были, а прошло ведь совсем немного времени».

Я почувствовал, что прощен, и снимается с меня этот тяжкий груз.

Вскоре приехала к Мише молодая, очень симпатичная женщина невысокого роста. Мать Миши рассказала соседям, что она — военный врач, познакомилась с ним, когда он лечился в госпитале после первого ранения. У них маленький сын — показывала фотографию. Врачиха звала к себе в Новосибирск, к сыну. Там большая квартира. У них в семье все врачи. Но Миша ехать не хотел, хотя мать его уговаривала. Женщина плачет

и говорит, что натерпелась тогда в госпитале позора от начальства и от всех... Зашел я к нему. Сказал, что врачиха очень понравилась, культурная. Зря он не едет. Миша был нервный и злой. Сказал: «Помогать буду, но жениться не хочу. Не уживусь у них. Интеллигенция. Все сю-сю, пожалуйста да извините. Была фронтовая любовь. Никто никому ничего не обещал». Был он недоволен матерью, что рассказала соседям.

Миша после контузии болел нервами. Я слышал за стенкой его скандалы с матерью. Через несколько месяцев он оставил костыли, ходил с палочкой, стал работать воспитателем в детской колонии. После войны женился на той красивой девушке, что жила на нашей улице, на углу. Родился у них ребенок. Но вскоре Миша все бросил и уехал в город Киров. Жена навещала мать Миши, говорила, что он — настоящий псих и ни с кем не уживется, к тому же пьет.

Так покалечила его война. Ушел Миша на фронт лет в 18, а вернулся инвалидом в 21...

Алеша Трубчиков служил на Дальнем Востоке. В 1945 году воевал с японцами в Манчжурии. Ранен не был. Демобилизовался и уехал в город Томск, куда к этому времени переехала семья его родителей. Закончил институт и осел там.

Вот такая судьба у старших ребят нашего двора.

А для меня то предательство в детстве было тяжким уроком. Больше в жизни я никого не предавал.

Ребята с нашего двора. Апрель 1939 г.

Людмила ФЕДОРЕНКО, г. Челябинск

Солдаты Танкограда

*...В пороховой окутываясь запах,
Идет на запад наших танков вал.
И сам Урал подвинулся на запад,
Придвинул пушки к западу Урал.
Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом,
Победу назовут они Уралом,
И мужество Уралом назовут.*

Михаил Львов

Проходят годы, но не ослабевают память о войне.

Мой отец, Федоренко Сергей Васильевич, бывший во время войны начальником конструкторской группы по вооружению танков и самоходных установок, много рассказывал нам, своим детям и внукам, о Ленинграде, об эвакуации в Челябинск, о работе над конструированием и производством танков на ЧТЗ во время войны.

У него остались дневниковые записи предвоенных и военных лет.

Помнить о тех, кто приближал победу советского народа в Великой Отечественной войне — наш долг, и об этих людях мой рассказ.

После окончания Ленинградского политехнического института в 1930 году моего отца направили на завод «Красный путиловец», позже переименованный в Ленинградский Кировский завод, в отдел технического контроля тракторного производства, где он работал с опытными инженерами, прошедшими дополнительную подготовку в США. В 1937 году он стал начальником специального конструкторского бюро по артиллерийскому вооружению, где трудилось более 50 инженеров-конструкторов. Руководитель конструкторской группы, начальник КБ, а затем и заместитель главного конструктора — таков был производственный путь С. В. Федоренко в годы работы в СКБ-2. Об его успехах говорят награды: в 1942 году медаль «За оборону Ленинграда», в 1944-м — орден «Знак Почета», а в победном 1945-м — Красной Звезды.

В 1938 году к ним на завод пришел Жозеф Яков-

левич Котин, прославленный впоследствии генерал-лейтенант, генеральный конструктор по танкам.

Отец рассказывал, что в то время Котин был еще молодым военным инженером, окончившим Академию бронетанковых войск. Вскоре он стал начальником специального конструкторского бюро по танкам — СКБ-2. Конструкторское бюро по артиллерийскому вооружению было включено в состав этого бюро.

Стиль работы Котина — непрерывное напряжение сил всего конструкторского коллектива. Отец говорил, что они почти никогда не бывали в отпуске, так же, как и сам Котин.

Работали почти без выходных — и зимой, и летом — всегда сверхурочно. Приходили домой в 9-10 часов вечера. Нередко были ночные вызовы, особенно во время изготовления опытных образцов машин.

После финской войны многие члены коллектива получили правительственные награды. В Таврическом дворце в Ленинграде, куда прибыл М. И. Калинин, состоялось вручение орденов и медалей. Тогда Ж. Я. Котина наградили орденом Ленина. Получил и отец свою первую медаль «За трудовую доблесть».

В 1940 году отца вместе с бригадой специалистов командировали в Челябинск. Предстояло помочь ЧТЗ в освоении производства танков «КВ». В отделе главного конструктора завода в то время было создано специальное конструкторское бюро по танкам, которое возглавлял молодой талантливый инженер-конструктор М. Ф. Балжи.

Это КБ было сформировано из инженеров-конструкторов местных и Ленинградского завода имени Ворошилова. В состав бюро временно включились и инженеры-конструкторы ЛКЗ М. Н. Ижевский, П. И. Кремнев и мой отец. Технологи ЛКЗ Миркин и Шамшур вошли временно в службу главного технолога ЧТЗ. Позднее с ЛКЗ прибыла группа рабочих-сборщиков танков под руководством мастера Жуковского.

Сборка танков на ЧТЗ проходила под руковод-

ством начальника производства И. Г. Злотника. Главным технологом был Александр Юлианович Божко. Отец рассказывал, что находился с ним в дружеских отношениях. Божко тоже был ленинградцем, человеком высокой культуры, талантливым инженером и мастером золотые руки — даже дома у него была маленькая мастерская.

В своих дневниках отец писал: «В 1940 году Божко жил в трехэтажном доме напротив нынешнего Главпочтамта. Будучи у него в гостях вместе с инженерами-ленинградцами с ЛКЗ, я впервые увидел домашний холодильник, который он вместе с женой-американкой привез из США. На его автомобиле мы объездили окрестности Челябинска — у него была «Эмка», которую в 1941 году мобилизовали, личные машины во время войны забирали у всех, а в Ленинграде во время блокады мобилизовывали также велосипеды и мотоциклы. Божко был одним из тех инженеров ЧТЗ (Глазунов, Ленкова и др.), которые были командированы в США (в Детройт и т. д.) для проектирования будущего ЧТЗ, что они впоследствии с успехом и выполнили».

Первый танк «КВ» был собран накануне нового, 1941 года и проходил обкатку на участке от заводууправления до гостиницы «Южный Урал» по булыжной мостовой улицы Спартак, а ныне проспект им. В. И. Ленина.

В новогоднюю ночь 1941 года в клубе завода состоялся банкет, на котором заводчане во главе с директором Соломоновичем и гости, командированные с ЛКЗ, отмечали общую победу — выпуск первого тяжелого танка «КВ» на уральской земле.

В феврале 1941 года отец и остальные ленинградцы уезжали к своим семьям. Думалось, больше не придется возвращаться в Челябинск. Но время распорядилось иначе...

Из записей отца: «В воскресенье 22 июня 1941 года я мирно отдыхал на даче со своей семьей в поселке Вырица, в 60 километрах южнее Ленинграда. По приемнику услышали выступление Министра т. Молотова о вероломном нападении на нас фашистской Германии. Через час я уже мчался на пригородном поезде в Ленинград, к месту работы. Навстречу мне неслись товарные поезда, переоборудованные под солдатские теплушки — в них к линии фронта ехали новобранцы в летних гражданских рубашках — форму и оружие они должны были получить в пути».

В тот же вечер началось затемнение города, и прозвучала первая воздушная тревога.

В сентябре 1941 года начались бомбежки, а затем артиллерийский обстрел. Каждый из нас, уходя на рабо-

ту, не был уверен, что возвратится домой живым и застанет дом, не разбитый бомбами.

Над городом стали поднимать на тросах аэростаты заграждений.

Мы, конструкторы, дежурили и работали ночь дома, другую — на заводе. В ночь, когда я находился дома, разбомбили наше КБ.

Утром, придя на работу, мы застали печальную картину: на той стороне здания, где взорвалась бомба, все окна вместе с рамами были вырваны и отброшены к противоположной стене. Все чертежные столы и кульманы были изломаны и прижаты к стене, противоположной окнам. Чертежные доски — то, что от них осталось — были покрыты впишимися в них стеклянными осколками. Всюду холодный ветер гонял обрывки разорванных чертежей. Были ранены. Тяжело ранен был инженер Н. М. Синев (впоследствии заместитель главного конструктора. — Примеч. авт.) — взрывной волной и обломками его ударило в грудь. Нашли его без сознания под обломками. Но богатырское здоровье взяло верх, и после больницы он встал в строй.

Генерал Котин во время взрыва был в коридоре и отделался царапинами.

Один из дежурных инженеров, находящийся на улице, видел спускающуюся на парашоте бомбу и принял ее за парашютиста. Взрывной волной его перебросило через гребень крыши, и он отделался контузией.

Наши семьи (работников ЛКЗ) были эвакуированы специальным поездом на Восток. Мы работали под обстрелом и бомбежкой.

Было принято правительственное решение о переброске основного коллектива сборщиков танков и конструкторов-танкистов в Челябинск, на ЧТЗ».

В середине октября 1941 года, рассказывал отец, коллектив эвакуировали в Челябинск.

В серый день со снегопадом поднялись в воздух около десятка камуфлированных самолетов. Над Ладозским озером летели на бреющем полете. Благополучно проскочили под носом у немцев. Ленинград уже окружили — выход был только через озеро.

В Тихвине, где их высадили, сразу стало многолюдно — в тот день прибыли кировцы: танкисты, рабочие-сборщики, конструкторы, технологи и другие специалисты.

Что их больше всего обрадовало в Тихвине — это сытный мясной обед без всяких ограничений (были бы деньги).

Из записей отца: «В Тихвине нас усадили в холодные товарные вагоны эшелона, двигавшегося на

Восток по северной дороге на Киров, Свердловск, Челябинск.

В Челябинске нас разместили сперва в заводоуправлении опытного завода, затем — на подселение к местным жителям. Местные челябинцы восприняли наплыв эвакуированных в общем радушно.

С дружеской улыбкой принял нашу семью технолог ЧТЗ Иосиф Израилевич Баргштейн и его жена Софья Степановна Дергачева. У них была семья из пяти человек. В их двухкомнатную квартиру с проходными комнатами втиснулись и мы четвером.

После войны у Баргштейнов родился третий ребенок, и у нас родилась третья дочь.

Мы еще долго жили вместе, и сейчас, через много лет, у нас сохранились дружеские отношения (апрель 1985 г. — Примеч. авт.), так было и во многих других семьях.

Началась военная трудовая жизнь и напряженная творческая работа.

Наши машины становились все мощнее, устаревшие образцы заменялись новыми, некоторые

типы машин стали выпускаться на бывшем тракторном конвейере.

В особо напряженные периоды переходили на казарменное положение, то есть вообще не уходили с завода».

Отец рассказывал, что Челябинск военный резко отличался от Челябинска мирного, который ему приходилось видеть во время его полугодовой командировки в 1940 году. Прежде всего, это чувствовалось на заводах (ЧТЗ и другие крупные заводы города), где ему приходилось работать и бывать по долгу службы. Стало многолюднее, шумнее. Массы людей утром и вечером двигались на смену на перегруженном транспорте, вплоть до крыш трамваев. Нескончаемые потоки вливались в заводские проходные. В толпах рабочих можно было увидеть и узбекские халаты, и солдатские шинели, много женщин и подростков, часто слышалась нерусская речь. Экипажи танкистов-солдат принимали участие в сборке машин, на которых они отправлялись в эшелонах на фронт.

Всю эту армию рабочих, инженеров, служащих и их домочадцев нужно было расселить, накормить,

Танкоград, 1942 год. Сборка боевой машины

одеть, обеспечить медицинской помощью, детей — школами, не говоря об яслях и садиках, а многие школы были превращены в госпитали для раненых или в больницы.

Не хватало магазинов (очереди тогда были раздельные — для женщин и для мужчин). В городе ощущался недостаток электроэнергии — в поселке ЧТЗ (так называемый седьмой участок), где наша семья жила на уплотнении, был установлен график подачи электроэнергии в жилые дома.

Жили и работали дружно, мелкое, личное затевалось грозными отзвуками войны. Тарелка репродуктора доносила в каждую квартиру голос Левитана, и сообщения Совинформбюро живо отражались на общем настроении.

Отец говорил, что с ним работал инженер Александр Иванович Василенко. Высокий, красивый, он был блестящим конструктором и не менее талантливым международным обозревателем — послушать его возле географической карты с длинной указкой в руке в обеденный перерыв собиралась целая толпа — причем всю информацию он преподносил с собственными комментариями, с явным удовольствием и без всякого принуждения со стороны.

Из воспоминаний отца: «Главная проблема жизни эвакуированных, кроме работы, которая стояла прежде всего, была проблема питания. Мы жили и работали при карточной системе. На белую булку могли рассчитывать только больные. Я поню, как в случавшиеся редкие командировки в Москву привозил белые батончики, как лакомство, детям.

Основной продукт, который мы добывали сами, была картошка. Картошку сажали все. Наши конструкторские огороды были далеко за кислородным заводом — сейчас там раскинулись корпуса Северо-Запада, а раньше там был плодороднейший чернозем, с которого мы собирали богатый урожай. Урожай привозили домой на «Лайбе» — это был стисанный танк Т-34, с которого была снята башня, и над корпусом возвышалась обширная стальная платформа, на которую грузилась гора мешков с картошкой, на них усаживалась трудовая армия конструкторов с лопатами и пр.

Наш конструкторский коллектив работал всегда сверхурочно, почти без выходных дней, без отпусков, а в особо напряженные периоды — на казарменном положении: были в КБ установлены койки, где можно было вздремнуть и опять приниматься за работу».

Из дневников отца: «14.12.43. Челябинск, Кировский завод, ОГК ТП, 20.00. Сижу на четвертом этаже заводоуправления ЧТЗ. Ежедневно мы

работаем до половины двенадцатого ночи. В 12 часов ночи после сытного ужина идем домой. Дома сейчас лежит больная Галя (моя старшая сестра. — Прим. авт.). Бедняжка исхудала и побледнела. Я боюсь, что она заболевает туберкулезом. Наташа (моя мать, Федоренко Наталья Николаевна. — Прим. авт.) тоже похудела и сильно постарела. Да и я потерял свою прежнюю неутомимость. Частенько после обеда засыпаю за рабочим столом».

В тяжелых трудовых буднях отец и его сотрудники оставались людьми, которым ничто человеческое не было чуждо. Они были молодыми мужчинами в возрасте от 30 до 40 лет, и никакие обстоятельства не могли убить в них любовь к жизни.

Из дневников отца: «16.04.44 г. 14-го я стрелял из пушки на испытаниях. Это занятное ощущение — когда все рядом с тобой содрогается от мощного взрыва. Возвращались в Челябинск перед надвигающейся грозой. Все небо впереди было изрезано вспышками и зигзагами молний. В страшно грохоте несущегося танка Духов (впоследствии генерал-лейтенант, трижды Герой социалистического труда. — Прим. авт.), сидя рядом со мной, молча повторял рукой зигзаги молний со свойственным ему юмором. Смеялись так, что не слышно было грохота танков».

Отец рассказывал, что питались они в заводских столовых — были такие, где при входе каждый получал скрученную алюминиевую ложку, а при выходе ее возвращал.

Конструкторы, в зависимости от квалификации и отдачи, питались в столовых заводоуправления литеры «А», литеры «Б» (между собой их называли «Акеры», «Бэкеры» и без литеры — «Кое-какеры»), где на специальном пропуске делалась отметка, что ты уже пообедал.

Те из конструкторов, которые работали до глубокой ночи, получали (по инициативе генерала Котина) дополнительный ужин в 11 часов вечера. Наиболее активным давали продуктовые премии.

Из записей отца: «Мне случалось получать премии «Лучшего начальника цеха» из 24 предметов. Туда входили: бутылка водки, пачка табаку, плитка шоколада (США), 2-3 коробки американской тушенки и т. п. Водку и табак жена, которая тоже работала на заводе, меняла на базаре на мясо, которым мы кормили детей. Питаясь в столовой литеры «Б», я имел портативную жестянку, какие имели многие конструкторы, в которых мы помещали второе блюдо и относили его домой полуголодным ребятам.

Последние партии наших инженеров, прибывших из Ленинграда, молодые ребята, имели жсал-

кий вид — некоторые были опухшие от голода в блокаде, но постепенно к ним вернулись и здоровье, и красота.

В качестве официанток в нашей столовой работали некоторые молодые артистки Ленинградского драматического театра, которые не нашли применения своим талантам в сложившейся обстановке».

В таких тяжелых условиях отец оставался заботливым сыном. В блокадном Ленинграде остались его отец и мать.

Из письма отца: «Челябинск. 2.02.42 г. Дорогие мама и папа, не знаю, получите ли вы это письмо и посылку, которую я посылаю с товарищем. До Москвы дойдет, а дальше не знаю. Для улучшения своего питания продайте все мои и Наташины вещи за любую цену или обменяйте их на продукты. Здесь с питанием тоже очень тяжело. Я получаю 800 граммов хлеба, Наташа и дети по 400 грамм. Сахар почти не дают. Выдаваемые нам карточки отовариваются процентов на 25. На рынке молоко стоит 25 рублей (меняем хлеб на молоко), мясо 90-130 рублей кило. Жиров почти нет. На деньги почти ничего не продают, процветает обмен».

Посылка не помогла, а может, и не дошла. В конце февраля 1942 года наш дед Федоренко Василий Константинович, ученый-историк, погиб в Ленинграде от дистрофии.

В это время на фронтах шли бои, а с конвейеров ЧТЗ сходили новые модели танков.

К концу войны отец получил два ордена и три медали. Но его оценка своих заслуг была очень критической.

Из дневников отца: «13 августа 44 г. Десятого августа узнал о том, что я награжден орденом «Знак почета». Для меня это третья правительственная награда. Знакомые поздравляют меня. Из газет о моем награждении узнают многие из знающих меня за пределами Челябинска. Награда скромная, но, пожалуй, заслуженная».

Он всегда занимался критической самооценкой и ставил перед собой нравственные цели.

Из дневников: «3 февраля 1946 г., воскресенье. Основное на сегодня у меня — это нехватка времени. Семья, партийная работа, работа на заводе, чтение самого важного, что необходимо прочесть, съедают все время без остатка. Не пишу о фактах — они сложны и тяжелы, важно другое — в воздухе пахнет весной, а мне скоро пойдет 40-й год».

Тевелев (инженер-конструктор ЛКЗ. — Примеч. авт.) 31-го поздравил меня с орденом «Красной звезды».

Делаю небольшую работу для Каплана. Он создал здесь целую лабораторию. Что создал я? Каплан моложе меня на год, а имеет мировое имя. Пора поставить цель в мечтах.

Примерно так: я — инженер с широким кругозором, танкист-вооруженец, профессор в своей и родственных областях. Прекрасный организатор, старый член партии, имею работы в области экономики СССР и философии, поэт и художник и т. д.».

Отец был художественно одаренным человеком. Писал стихи, хорошо рисовал, причем владел стилем шаржа. Секунда — и дружеский шарж готов. Применял этот свой талант в воспитании детей. Вместо нравучений за провинности и шалости я получала дружеский сюжетный шарж, над которым громко плакала, как если бы меня выпороли.

Из дневников: «17 августа 44 г. Сегодня на улице мне пришла в голову странная, но простая мысль: самое главное в нашей жизни — это дети и то, что мы им даем при нашей жизни и оставляем после нашей смерти. Что оставляю я? Этот вопрос стал меня частенько беспокоить. Пока больших дел мною не сделано».

Суровые военные будни продолжались.

Из записей отца: «Почти всю войну я являлся начальником конструкторской группы по специальному оборудованию (вооружению) танков и самоходных установок».

Много разработок было сделано руководимой мною группой инженеров-конструкторов всех рангов и лично мною почти для всех типов машин, которые проектировались в КБ.

Как известно, на заре танкостроения многочисленные ранения получали танкисты в глаза при наблюдении из танка через смотровые щели. Ранения эти вызывались свинцовыми брызгами (пули плавилась при ударе в броню) из-за несовершенства и недостаточной герметичности смотровых приборов.

Наша группа занималась установкой и испытаниями разнообразных смотровых приборов, прицелов и т. п., совершенствованием танковой оптики. Новые приборы испытывались у нас снайперским обстрелом. Там, где должны быть глаза танкиста, в башенке укреплялся тонкий лист бумаги.

При недостаточной герметичности прибора на бумаге получались просечки от свинцовых брызг — мелких осколков.

Случалось и мне брать в руки трехлинейку для обстрела своих и чужих конструкций смотровых приборов и прицелов.

Различные установки самых разнообразных

пушек, пулеметов, зенитных пулеметов и т. п. для машин семейства ИС также проектировались и испытывались инженерами нашей группы.

Одно время я был старшим инженером новой машины КВ-12. Машина прошла испытания, но по различным соображениям не была поставлена на производство.

В обязанности нашей группы входило также проектирование разнообразных механизмов для вертикального и горизонтального наведения оружия. Башни танков у нас крепились на шариковой опоре (так называемый погон). При ударе снаряда по башне она могла слететь с машины. Чтобы этого не происходило, существовали так называемые захваты, которые работали неудовлетворительно.

В ноябре 1943 года мною была предложена новая конструкция погона, воспринимающего одним рядом шариков, без всяких захватов, радиальные и аксиальные нагрузки.

Леонид Семенович Духов сразу оценил преимущества новой конструкции и приказал в течение пяти дней изготовить новые чертежи погонов для всех танков семейства ИС (эта конструкция погонов была принята на всех отечественных танках).

Впоследствии мне пришлось заниматься под руководством инженера Григория Андреевича Манилова доводкой огнететных танков типа КВ-8 и КВ-8С.

После того, как СКБ-2 было разделено на два бюро (под руководством Котина и под руководством Духова), я принимал участие в бюро Духова в разработке и испытаниях танка ИС-4, значительно превосходившего хваленый немецкий «Королевский тигр».

Суровый и неустроенный быт не уменьшал героического труда этих людей.

Из рассказов отца: «Плохо было с одеждой. Ботинки изнашивались, и пришлось их подкреплять вязальной проволокой. Впоследствии завод решил пошить нам в массовом порядке форму (куртка и брюки). Мне достался костюм оранжевого цвета, моим товарищам — салатного. Позднее мне выдали ватные солдатские штаны и фронтовой белый полушубок, который пришлось сменять на масло для ребят, а я ходил в солдатском ватнике защитного цвета. Аналогичным образом одевались и все остальные мои товарищи. В конце войны я получил ордер на отрез черного добротного сукна «серт», но пришлось отдать его жене и дочерям, которые начали ходить в школу.

Чертежи на кульманах мы прибавляли гвоздиками, кнопки были дефицитом. Американские иностранные проспекты (их в отделе было очень много) почти все конструкторы использовали — делали из них тетрадки для детей-школьников».

Я задумываюсь над тем, что же давало этим людям силы. И прихожу к выводу, что прежде всего — глубочайший патриотизм, ответственность за судьбу страны, высокие нравственные цели.

Из дневника отца: «2 июня 1944 г. Сегодня началось наше наступление за Ленинградом. Взят город Териоки — 224 орудия сделали 20 залпов. Война идет к концу. «Жизнь нужно дожить», — написал я в своем календаре.

Сегодня на станке я увидел надпись: «Грузить в Ленинград». П. Т. Сосов и Г. Я. Горбульский (инженеры-конструкторы. — Прим. авт.) уезжают в Ленинград.

Сейчас мне 37 лет. К этому времени большие люди обычно имеют уже карьеру. Я ее не имею. Руководитель маленькой конструкторской группы на большом заводе. С чем я кончу жизнь? Не знаю. С чем бы я хотел кончить жизнь? Постараюсь ответить.

1. Я хочу, чтобы моя страна победила.

2. Я хочу иметь хорошее здоровье, закаленное спортом.

3. Я хочу иметь здоровую семью.

4. Я хочу иметь приличное материальное обеспечение.

5. Я хочу иметь свободное время для того, чтобы наслаждаться красотой природы и творчеством человека.

6. Я сам хочу творить культурные и материальные ценности.

7. Я хочу, чтобы мое творчество было оценено моим народом и моим правительством.

8. Я не хочу больше войны и нужды.

25.08.44. Сегодня объявлено о взятии Люблина — 90 км. до Варшавы. В Германии после покушения на Гитлера большие беспорядки. Война, видимо, идет к концу. Наша страна окрепла в боях, но хозяйство разрушено, массы обнищали. Я сам вошел в войну мальчишкой, а выхожу из нее стариком. Седина блестит на висках. Как-то сложится наша жизнь — жизнь средних интеллигентов? Опять беспросветный труд и нужда.

Трудовой путь моего отца был еще очень долгим.

Из записей отца: «... Помню в 1951 году командировку в ГДР, в составе бригады специалистов

Министерства транспортного машиностроения. Мы занимались модернизацией парка машин. В апреле 1951 года наш поезд пересек границу. Это было в воскресенье утром, в открытые окна вагона доносился звон церковных колоколов.

Началась обычная напряженная работа на заводах среди солдат и немцев-рабочих, которые трудились рядом (были среди них и враги). Только через год возвратился на Родину, к семье. В 1957 году расстался с заводом: назначили главным конструктором одного из управлений Челябинского совнархоза. Работа очень сложная: техническое шефство почти над двумя десятками КБ различных заводов. Позже некоторое время работал заместителем главного конструктора Челябинского радиозавода, а в 1961 году перешел в институт на кафедру гусеничных машин, заведовал кафедрой».

Отец закончил свою трудовую жизнь в 1986 году, в звании доцента кафедры гусеничных машин ЧПИ, с общим стажем 53 года. Утром пошел в институт, прочитал лекции, а вечером умер.

... Так жили и работали в Танкограде наши отцы и деды.

Закончить этот очерк мне хочется словами из дневника отца.

«28 июня 1943 года, Челябинск. Буйное лето заканчивается в пыльном Челябинске. В далекой Европе горят немецкие «Тигры». В воздухе, мне кажется, пахнет концом войны.

Германия выдохлась — она уже не способна наступать с успехом. Наши силы растут с каждым днем. Я вижу в недалеком будущем капитуляцию Италии, занятие англо-американскими войсками Югославии, Греции, Норвегии. Выход из войны Финляндии. Свободная Франция вышвырнет немцев со своей территории, и Гитлер должен будет уйти со сцены или пустить себе пулю в лоб.

Не скоро еще успокоится кипящая наша Родина, но страстно хотелось бы дожить до светлых дней международного могущества нашей Родины, дней нового подъема наших колоссальных мирных сил. Я хочу сохранить свою жизнь, свои силы и жизнь своих близких, чтобы снова с гордостью строить великое здание культуры на нашей могучей Родине.

Но если я погибну, найдутся тысячи и миллионы мыслящих, честных, сильных, здоровых, красивых людей, которые пронесут в веках все лучшее, что представляет собой ЧЕЛОВЕК».

Челябинские танки перед отправкой на фронт.

Татьяна СУВОРОВА

Лечение душ

Областной психоневрологический госпиталь для ветеранов войн... Его пациентов невозможно вылечить одними лекарствами — для этих людей жизненно необходимо гораздо большее, чем горсть таблеток или глоток микстуры. Да, само собой, и обычные методы лечения им тоже нужны. Но — недостаточны.

И именно поэтому коллектив госпиталя, возглавляемый Семеном Исааковичем Спектором, постоянно занимается массой дел, очень нетипичных для российской медицины. Именно об этих, нетрадиционных, но отлично работающих способах исцеления людей, мы и хотим вам рассказать.

«Психотерапия» — термин, который приходится слышать достаточно часто. Но, к сожалению, на самом деле для нашей страны эта врачебная профессия еще является экзотической. Подготовленных кадров почти нет, а вот нужда в ее методах — огромна. Как же быть? На кого возложить это серьезнейшее медицинское направление? Как и из чего создать для него материально-техническую базу, какой статус выработать для тех людей, которые будут заниматься духовным оздоровлением и воспитанием больных? В итоге решения всех этих проблем, после десятков встреч и собеседований с кандидатами впервые в мировой медицинской практике, на уральской земле целям психотерапии

стали служить концерты и показы кинофильмов, социально-культурные мероприятия и книги.

Странно? Да, мы как-то привыкли не слишком серьезно относиться к тому, как на нас влияет литература, видеофильмы и те повседневные дела, которыми мы заняты. Мы привычно не замечаем, что вот этот артист поднимает нам настроение, а после выступления другого как-то меньше хочется жить. Мы просто отбрасываем неприятную нам книгу, выключаем давящий на нас фильм. И через пять минут нас уже полностью захватывают обычные домашние заботы, мы приходим в норму. Или наоборот: мы чувствуем прилив сил, воодушевление — а через полчаса после этого ругаемся в транспорте с кондуктором, и все полученное нами от искусства бесследно испаряется.

Но так происходит в быту. А что, если сделать такие процессы управляемыми и постоянными? Тогда они станут мощнейшими инструментами влияния на пациентов. В госпитале хорошее воздействие на человека можно повторять, повторять и повторять, закрепляя его результаты. В итоге пациент получит силы для борьбы со своим недугом, обретет чувство уверенности и покоя — что особенно важно для людей, чьи нервы разрушены любой из войн.

Именно для этих, лечебных целей и был создан

в госпитале огромный, дорогостоящий социально-культурный центр. В его появлении принимали активное, доброжелательное участие губернатор Свердловской области Э. Э. Россель и председатель Правительства Свердловской области А. П. Воробьев. Его трудно назвать аналогом процедурного кабинета или перевязочной. Но... Вот, например, выступает в нем узбекский танцевальный ансамбль «Ширин» (г. Навои). А часть из сидящих в зале — это те больные, которые испытывают хронический стресс из-за распада СССР. Их родственники теперь живут за рубежом, а в газетах и журналах идет настоящая лавина плохой информации о ситуации в Ближнем зарубежье... Кто-то из больных давно не может повидаться с родственниками, кто-то под давлением всех событий просто решил, что все идеи о братстве народов — чушь, и на самом деле люди не могут не враждовать... В любом из этих случаев психика людей — даже здоровых — испытывает огромное, неблагоприятное давление. А на узбекском концерте этот стресс частично снимается: люди начинают видеть, что далеко не все порвано и разбито окончательно. Что и в Средней Азии жизнь не такая уж кошмарная, как расписывают некоторые газеты. Резко уменьшается груз горя, неверия в окружающий мир — и выздоровление облегчается. А ведь кроме этого, есть еще и воздействие красоты танца, музыки... Насколько это все сильно действует — скажет любой более менее грамотный врач. У больного всегда надо лечить не только тело, но и поддерживать его истрадавшуюся душу.

Грамотная психотерапевтическая работа с пациентами способна дать очень много — и не только на чисто медицинском уровне. Она способна помочь в решении важнейшей социальной задачи. Речь идет ни больше ни меньше как о полноценной интеграции больных людей в общество. Конечно, можно свалить эту проблему на плечи социальных институтов — но тогда (если учитывать реальное положение вещей) она не будет решена.

Так что остается одно: работать над этой проблемой прямо в больнице. Благо, что ее решение и улучшение состояния пациентов связаны между собой так же тесно, как две стороны одной медали.

Но вернемся к конкретике. Одна из самых тяжелых проблем ветеранов, сильно пострадавших во время войн — ненужность, неспособность делать что-либо полезное обществу. В наше циничное время принято говорить, что такие потребности у людей отсутствуют — но на деле это не так. В реальности любой выброшенный из жизни человек стра-

дает от ощущения своей неполноценности, и уже от одного этого можно очень серьезно заболеть. А ветераны — в том числе и молодые ребята — не могут найти работу, не могут поверить в то, что они способны работать, не могут иметь нормальных денежных доходов, болеют еще больше... Это клубок, в котором одно вызывает другое. И единственный реальный способ его распутать, помочь такому человеку — вернуть ему веру в себя, в то, что он хоть что-то может делать. Да, пусть он и не сможет зарабатывать себе прибавку к пенсии (хотя кое-кто наверняка и сможет) — тем не менее, он начнет относиться к себе с большим уважением. И в итоге — он будет меньше болеть, его не потянет к водке и прочим «средствам от горя».

И именно эту огромную, далеко выходящую за больничные стены сдвоенную функцию духовного оздоровления-социальной реабилитации и выполнения работниками Областного госпиталя для ветеранов войн. Тут все желающие пациенты во время своего лечения могут участвовать и в легком, общественно-полезном труде. Конечно, специфика ряда заболеваний накладывает на эту работу свой отпечаток: например, больных ограничивают в пользовании острыми, режущими инструментами (а вдруг, например, в самое неподходящее время произойдет спазм, и человек получит травму?). И не хватает мастеров-инструкторов. Далеко не каждый профессионал подойдет для работы с больными, согласившись при этом на очень небольшой оклад... Как же выйти из этого положения?

Вариантов несколько. С одной стороны, можно не спеша набирать штат нужных специалистов — а с другой стороны сделать «учителями» некоторых пациентов. Например, в госпитале не так давно появилась идея: снабдить всех пациентов «бэйджами», которые будут висеть на спинках их кроватей. Удобно! Работа не сложная, постоянно требующаяся. Многие больные смогут подключиться к этому делу — так же, как и к рисованию любых других нужных табличек, объявлений, графиков. И не беда, что у кого-то наверняка будет получаться лучше, а у кого-то — хуже. Главное, что безликое, отпечатанное на принтере объявление — это все-таки совсем не то, что написанное живой рукой. И, кстати, уже сейчас во 2-ом, 16-ом, 17-ом отделениях можно видеть красивые самодельные таблички на дверях палат и процедурных кабинетов. И на информационных стендах тоже висят написанные от руки объявления. Их созданием занимается один из регулярно лечащихся в госпитале больных — дизайнер Борис Федорович Кичигин. Он оборудовал себе скромный «цех» на неиспользуемой ле-

Один из главных переходов между корпусами госпиталя.

стничной клетке. Краски, материалы купил сам.

Мало того: недавно появилась идея, что больные художники (например, тот же Борис Федорович) могут во время лечения организовывать художественные мастерские и обучать в них рисованию как других пациентов, так и детей работников госпиталя. Представляете, насколько это может поднять дух больных? Мало того, что такая практика помогает разбить традиционную стенку между больными и персоналом, превращая всех их в единую, сообща работающую над уничтожением болезни команду. Она еще и дает детям понимание того, сколько полезного может сделать даже больной человек. А самое главное: пациенты-учителя будут чувствовать себя очень полезными людьми (возможно, впервые за много лет...)

Да, сейчас госпиталь уже украшает немало картин, подаренных его бывшими пациентами. Но разве не найдется места для новых? И разве это не мощнейший элемент лечения — жить в уютных, украшенных товарищами по несчастью помещениях? А еще уже сейчас можно погулять около высаженных руками больных и врачей кедров, подышать их целебным ароматом... Эти 180 медленнорастущих, очень полезных деревьев потихоньку приживаются. И больных уже однажды поили удивительным, очень полезным чаем: с кедровыми хвоинками...

А в планах уже намечена разбивка участков для выращивания лекарственных трав, создание пасек. Скоро в госпитале, наряду с сохранением эффективных методик традиционного лечения и синтетических препаратов, будут использоваться и народные способы исцеления: лекарственные травы, продукты пчеловодства — в том числе и полученные с тех самых грядок и пасек. Также будет применяться и гирудотерапия (пиявки). Ведь древние, веками передающиеся из поколения в поколение секреты оздоровления многими больными воспринимаются с большей уверенностью в конечном результате, чем препараты, созданные всего несколько лет назад. Но самое главное здесь вот что: благодаря всему этому пациенты будут приобретать навыки самостоятельного поддержания своего здоровья.

Желающие больные могут укреплять свои организмы ежеутренней зарядкой — или, если им ее не хватает, просто ходить по лесу. Такие пешие «марафоны» постоянно проводит группа по социальной реабилитации больных. Она же обучает ветеранов основным принципам здорового образа жизни, который уменьшает вредные нагрузки на организм, объясняет. Как много сил и энергии может получить человек, правильно общающийся с окружающей его природой, со своим организмом и обществом...

Это одна из целей коллектива госпиталя: привлечь самих пациентов к работе как над своим собственным выздоровлением, так и над выздоровлением других. Почему? Это дает не только отвлечение от своих бед (что само по себе ценно): это дает ощущение власти над болезнью, способности жить вопреки ей. А то, насколько мощным может быть эффект от этого, говорит история: в Средние века чумой реже всего болели работники чумных барakov...

Конечно, все делающееся в госпитале очень нетрадиционно. И требует совершенно нового подхода к больным. Отсюда — и уже упоминавшаяся проблема кадров. Учебные заведения сейчас выпускают достаточное количество грамотных специалистов — но, к сожалению, обычно эти молодые медики обучены только обращению с лекарствами и приборами. А как же люди, пациенты? И вот приходится этих знающих, неплохих ребят уже на рабочем месте обучать самому главному — человечности, умению понимать чужую боль. А на такое обучение надо время. И не все могут выдерживать те огромные психологические нагрузки, которые им приходится испытывать при восприятии не безликих «объектов лечения», а живых, страдающих людей. Хамства в госпитале нет — но, увы, и не всем хватает сердца для такого подлинного, неформального сопереживания...

Не менее тяжело, чем медперсонал, найти и клубных работников. От них ведь теперь требуется не просто крутить фильмы или приглашать первые попавшиеся творческие коллективы, а подобрать те киноленты и те коллективы, которые смогут передать больным заряд радости, силы, веры в жизнь и людей. Надо грамотно подбирать дизайн, реквизит... А для всего этого надо разбираться в психологии — параллельно умея следить за аппаратурой. Без нее ведь не обеспечить ни выступлений артистов, ни трансляции этих выступлений на палаты, для лежачих больных.

Особенно резко повысились требования, предъявляемые к сотрудникам главной библиотеки госпиталя. В распоряжении пациентов находится отличная библиотека, насчитывающая около 15 тыс. книг. Ходячие больные сами навещают абонемент и читальный зал, а лежачим книги и газеты приносят прямо в кровать. Есть масса спонсоров, ежегодно дарящих библиотеке подписки на периодические издания. Есть отдельные люди, просто делающие свои подарки. То есть вроде бы все благополучно.

Но любое хорошее всегда можно улучшить. Так и здесь. Недавно перед работниками библиотеки была поставлена новая цель: выдавать больным именно ту литературу, которая может помочь их выздоровлению. А для этого надо в общих чер-

Зимний сад госпиталя. Из этого растения делается знаменитый напиток «каркаде».

тах знать все, что находится в фонде. Плюс — понимать специфику заболевания каждого пациента и уметь убедительно, вежливо уговорить его взять именно нужную, полезную для него литературу. А ведь многие молодые ветераны настойчиво спрашивают то, что им далеко не полезно: детективы, штампованные ужастики... Как, не нарушив свободу выбора человека, уговорить этих людей читать не то, что возвращает

их обратно в перестрелки и кровь, а то, что может дать им силы для дальнейшей жизни? Проблема... Тем более, что в каждом отделении уже давно стихийно сформировалось по собственной, небольшой библиотечке.

И что характерно: в уже упоминавшуюся группу социальной реабилитации теперь обращаются не только больные, но и персонал. Спрашивают, как справиться со стрессами, с другими проблемами... То есть госпиталь медленно, но неотвратно превращается в одну огромную семью, где у каждого — свои функции, но цель — общая: победить болезнь и страдания людей. И именно поэтому заботе о персонале тоже уделяется очень серьезное внимание. И дело здесь не только в том, что именно человек лечит человека — а следовательно, сам целитель должен находиться в хорошей форме, иначе он принесет пользы меньше, чем он хочет и чем от него ждут. Врачи — тоже люди, а доброе отношение к человеку не может основываться на делении по профессиональному признаку. Оно либо есть, либо его нет. И именно поэтому для сотрудников госпиталя и для их родственников действует целый ряд льгот: бесплатное медобслуживание по месту работы, празднование дней рождений, юбилеев. Действует «клуб неформального общения», на котором люди лучше узнают друг друга

Вход в церковь госпиталя.

— а значит, им становится гораздо легче подружиться, гораздо проще и приятней работать вместе.

Каждое серьезное событие в жизни госпиталя снимается на видеопленку — несмотря на проблемы с поиском профессиональных операторов (все упирается опять-таки в деньги). И потом отснятые материалы идут в архив. Он, как и музей, — память госпиталя. Память, придающая и больным, и персоналу, и родственникам пациентов уверенность в себе: ведь сколько уже пройдено, сделано, со сколькими проблемами уже удалось справиться... Большинству людей гораздо легче жить, когда они видят тот фундамент, на котором стоят.

Можно сказать, что возможность лишней раз убедиться в наличии этого фундамента — еще один вид психотерапии, практикуемый в госпитале. И, что бы со временем ни добавлялось к арсеналу врачей — как к медицинскому, так и чисто к психологическому, — можно сказать одно: все происходящее, любое, самое смелое новшество здесь, по сути, является продолжением традиций. Традиций любви и уважения к человеку, традиций помощи.

Когда это сохраняется — сохраняется самое главное. И тогда все перемены достигают своей цели: эффективной работы на благо людей.

Петр ПАВЛОВ

Военные госпиталия

*Давид Григорьевич Шефер,
доктор медицинских наук, профессор,
подполковник медслужбы,
главный невропатолог и нейрохирург
Уральского военного округа в 1941-1945 гг.*

Екатеринбург в тяжелые годы Великой Отечественной войны принял десятки промышленных предприятий, приютил десятки тысяч эвакуированных рабочих, инженеров, служащих. Одновременно с этим город был центром Уральского военного округа, в котором формировались сотни воинских соединений и частей для последующей отправки на фронт. Но не менее важным, чем все вышеперечисленное, было и то, что в Екатеринбурге (тогда — Свердловск) была развернута огромная сеть эвакуационных госпиталей и других медицинских учреждений, в которых лечились десятки тысяч раненых солдат и офицеров.

С 1941 по 1946 год эта сеть насчитывала более 40 госпиталей. Каждый из них, как правило, размещался в отдельном здании. Однако в некоторых зданиях располагалось по два-три госпиталя сразу.

Главным хирургом эвакогоспиталей в г. Сверд-

ловске и Свердловской области был профессор Аркадий Тимофеевич Лидский, одновременно заведовавший кафедрой общей хирургии Свердловского медицинского института. Главным невропатологом и нейрохирургом Уральского военного округа был доктор медицинских наук профессор Давид Григорьевич Шефер. Об этих людях регулярно пишется в печати, говорится много добрых и справедливо-благодарных слов. (Так, статья о Д. Г. Шефере можно прочитать в «Уральском следопыте» № 12 за 2001 г.). Но, кроме них, фронтовиков лечила и масса других людей. К сожалению, рассказать о всех них невозможно — слишком много имен. И поэтому давайте остановимся только на нескольких.

Александр Иванович Яковлев был начальником военных госпиталей № 414 и № 1707. Первый госпиталь прибыл на Урал из поселка Кабанье Ворошиловградской области. С 1 октября 1941 г. по 1 декабря 1945 размещался на седьмом

Аркадий Тимофеевич Лидский, профессор, главный хирург эвакогоспиталей Свердловской области.

*Александр Иванович Яковлев, начальник госпиталей
№№ 414, 1707*

этаже здания «Техпромурала» (Ныне — Дом промышленности) по ул. Мамина-Сибиряка, 145. Профили этого лечебного заведения: общехирургический, терапевтический, травматологический, полостной, глазной, ушной, урологический. Одновременно в нем поправлялись 1600 человек. А что касается госпиталя № 1707, то он состоял из двух частей. Первая насчитывала всего 360 коек. Профиль — терапевтический. Находился в 4-х этажном здании школы № 11 (ныне — один из учебных корпусов Уральского государственного университета) по ул. Куйбышева, 48. Вторая его часть была гораздо крупнее — 1250 коек, и помещалась в школе № 67 по ул. Стачек, 20. Профили: общехирургический, нейрохирургический, травматологический, восстановительной хирургии.

Анна Моисеевна Есикова — пожалуй, единственная женщина, возглавлявшая в годы войны на Урале целых четыре госпиталя: №№ 1325, 1326, 1710, 3866. Огромная нагрузка! Коротко о госпиталях. № 1325 с 09 июля 1941 г. по 01 сентября 1944 г. размещался в зданиях горно-металлургического техникума (ныне — Уральский Государственный колледж) по проспекту Ленина, 28, и Свердловского педагогического института по ул.

К. Либкнехта, 9. Профиль: нейрохирургический, восстановительная хирургия. Количество одновременно лечащихся больных — 720 человек. Госпиталь № 1326 был с 22 июня 1941 г. по октябрь 1943 г. был расквартирован на третьем этаже школы № 9 (пр. Ленина, 33). Профиль: терапевтический, хирургический, психоневрологический. № 1710 с 15 июля 1941 г. по январь 1946 г. размещался в 4-х этажном здании Радиотехникума по ул. Нагорной, 12. Профиль: челюстно-лицевой, нейрохирургический, восстановительной хирургии. В нем лечилось 1400 человек одновременно. Госпиталь № 3866 с сентября 1941 г. по 01 декабря 1945 г. одновременно находился в школе № 9 по проспекту Ленина, 33, и в четырехэтажном школьном здании по ул. 9-е января, 51-а (ныне не эксплуатируется). Профиль: хирургический, полостной, легочный. На его базе 2 февраля 1946 года был создан Свердловский госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны.

Именно так был перекинут мостик добрых медицинских традиций, которые потом, через многие годы непрерывного сохранения и приумножения, продолжают спасать жизни и здоровье как ветеранов той далекой войны, так и совсем молодых ребят, пострадавших в совсем недавних боях...

*Анна Моисеевна Есикова, начальник эвакогоспиталей
№№ 1325, 1326, 17010, 3866*

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 30
Слава РАБИНОВИЧ «Три народа: русские, немцы, евреи»	стр. 31
Юрий СУХОВ Стихи	стр. 37
Алексей МЕЛЬНИКОВ Стихи	стр. 39
Сергей УСЮГОВ «Окольцованные»	стр. 41
Евгений БУНТОВ Стихи	стр. 48
Юрий КОНЕЦКИЙ «Ржевское лето»	стр. 51
Борис ТЕЛКОВ «Вечер веселого мецената»	стр. 54
Татьяна СУВОРОВА «Провокатор»	стр. 59
Новости	стр. 64

Великая Отечественная война до сих пор гремит в памяти многих людей. И хотя в живых осталось уже мало ветеранов, воевавших на ее фронтах — живы многие из тех, чье детство пришлось на те годы. А главное, продолжается эстафета памяти: дети и внуки помнят рассказы отцов и дедов, прошедших через тот-давний ад.

Сейчас уже мало кто пишет о тех далеких годах: не было большинство современных прозаиков и поэтов в тех боях. Не их это эпоха. И, наверное, воскрешать те годы легче всего поэтам — они могут работать с эмоциями, ощущениями, а не с конкретными бытовыми фактами (как то делают прозаики).

Уральскую прозу сейчас занимает мир современности: противоречивый, порой тяжелый, порой смешной. Именно в него постепенно эволюционировала Россия 40-х годов. И, наверное, в том, что он сейчас именно таков, не последнюю роль сыграли те давние бои. Их последствий все меньше и меньше видно впрямую, они уходят из глаз, как старые годовые кольца на растущем дереве. Но дерево ведь то же самое!

И боль ветеранов Афгана и Чечни не меньше, чем боль фронтовиков Второй Мировой. И матерям погибших не легче от того, что смерть косит не миллионы, а тысячи — ведь умирают их сыновья. Тут уже людям не до абстрактных числовых соотношений, отражающих количество жертв...

Мы предлагаем вашему вниманию очередную подборку произведений талантливых уральских поэтов и прозаиков — как известных, так и только-только выходящих к читателю. Кто-то из них пишет о Великой Отечественной войне, кто-то рассказывает о боях в Чечне, кто-то задумывается о современном мире...

Наверное, общим для всех них является то, что они размышляют, вглядываются в жизнь, в наше прошлое и в наше настоящее, ставшее наследником тех давних лет, той Победы... А уж какие мы наследники, что мы отбираем в багаж, а что выкидываем на свалку — это уже вопрос к каждому из нас...

Татьяна Суворова

25 мая сего года исполняется 55 лет патриарху русской поэзии, выдающемуся эпическому поэту **Юрию Валерьевичу Конецкому**, нашему большому другу и товарищу.

От всей души поздравляем этого замечательного человека и поэта! Пусть Ваше слово, как майское солнце, освещает дорогу нашей поэтической молодежи, а творческое долголетие позволит читателям познакомиться со многими новыми произведениями Юрия Валерьевича! Творческого Вам вдохновения, несокрушимого уральского здоровья. И Любви!

В 2002 году исполняется 150 лет со дня рождения замечательного русского писателя Д. Мамина-Сибиряка. В настоящее время обсуждается документ об учреждении премии Мамина-Сибиряка всероссийского масштаба. Премия будет вручаться лучшим писателям Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и других городов России.

В прошлом году в г. Нижнем Тагиле состоялся Всеуральский фестиваль молодых писателей, в котором участвовали молодые талантливые юноши и девушки из всех областей Большого Урала.

В настоящее время передан в издательство сборник лучших произведений участников фестиваля под названием «Тагильская находка». Для многих авторов этот сборник будет первым выходом в свет на таком профессиональном уровне.

Готовится к выходу подарочная книга «Приключения Морошки» для детей 1-6 классов. Она будет состоять из литературных сказок, рассказов, стихов, прибауток и загадок, написанных писателями Уральского региона. Это праздничное, нарядное издание. Составители — Александр Кердан и Владимир Блинов.

Готовится к выходу альманах «Магический кристалл». В него войдут поэтические и прозаические произведения участников литературного объединения «Горный родник» при Уральской геологической академии (руководитель — поэт Юрий Конецкий). Кроме талантливых начинающих авторов, в сборник войдут произведения ряда известных деятелей уральской культуры.

Издание этого альманаха стало продолжением добрых традиций «Горного родника». Надеемся, что выход подобных сборников и альманахов продолжится.

Слава РАБИНОВИЧ

Три народа: русские, немцы, евреи

Русские, евреи и немцы — эти три народа были сильнее всего затронуты Великой Отечественной войной. Они пострадали больше других — так как жители самой Германии тоже принадлежат к жертвам фашизма, его бесчеловечной идеологической машины, которая вела к уничтожению как миллионы «недочеловеков», так и саму «нацию господ».

И сейчас, в годы, когда на нашей планете сохраняется далеко не простая межнациональная обстановка, совсем не лишне поговорить о том, в каких же исторических взаимоотношениях находятся эти три великие нации. Что общего и что противоположного в их менталитете, где могут возникнуть очаги напряженности, а где — сотрудничества. Ибо только благодаря этим знаниям можно понять прошлое и повлиять на будущее.

Поэтому мы с удовольствием предлагаем вашему вниманию размышления поэта и переводчика Славы Рабинович. Она всматривается во все три народа и делает свои выводы — интересные, временами парадоксальные. Это — любопытный материал для размышлений.

Мой отец, Меер Ратнер, хорошо знал немецкий, и не просто знал, а любил — считал его самым логичным, стройным и красивым языком в мире. Он был переводчиком на фронте, допрашивал пленных немцев. А в это время носители этого логичного, стройного и красивого языка, часто тоже логичные, стройные и красивые солдаты вермахта, громили города и села моей страны, убивали ее людей, а уж что до евреев, так их поголовно загнали в страшные резервации (индейские рядом с теми — рай), а в 1942-м начали их поголовное физическое уничтожение с применением новейших достижений науки и техники, поскольку немцы к тому же нация с высоким ай кью, проще говоря, интеллектом.

Немцы дали миру великих ученых, писателей, философов и, что всего важнее для нашей темы, немцами были Гете и Шиллер, Бетховен и Бах, Кант и Гегель. Они говорили на том же самом языке, что и эти самоуверенные солдаты, сеявшие вокруг гибель и беду, от которых мы спаслись каким-то чудом. Представьте себе двух маленьких мальчиков (трех и пяти лет) и еще девочку малютку на руках у пугливой легконогой мамы, бегущих ле-

Редакция журнала «Уральский следопыт» сом на последний эшелон, идущий на восток. А тысячи других, не таких счастливых, исчезли с земли, как пар, не оставив даже и малюсенького следа. Вот разве тетрадь Анны Франк до сих пор поражает соседством страха и ужаса со светом любви и надежды. И весь этот голый ужас находил объяснение и, что страшнее всего, оправдание в объемистых трудах немецких философов. Какое падение, и в какую глубочайшую пропасть, пережила немецкая нация в середине окончившегося столетия! И что это было? И почему? Есть десятки, сотни объяснений, которые все-таки не могут объяснить это до конца.

И есть десятки и сотни объяснений тому, почему великая российская держава и ее народ так долго терпели не менее кровавый, чем гитлеровский, — свой, кровный сталинский террор, и не только терпели, а зачастую помогали его процветанию.

И здесь, в России, как и в Германии, все началось и кончалось евреями: «хрустальная ночь» 1938-го — камеры Освенцима и Майданека; погромы Гражданской войны — дело врачей (1953 год). А между этими смертельно острыми краями мрак и свет — страх и надежда.

Мадонна с младенцем

Отчего евреев так неотвратимо тянуло (я имею в виду лишь последние столетия) к этим двум неоспоримо великим народам, отчего они так страстно и пылко воспевали землю этих народов — в стихах и в песнях, на картинах и в книгах? Мало кто сказал о России трогательнее и прекраснее, чем Пастернак, а о Германии — лучше, чем Гейне. И никто не справлялся с евреями так жестоко и несправедливо.

Если уж на то пошло, евреям было бы куда лучше где-нибудь в Австралии или же в Аргентине. И климат хороший, и, главное, там никогда не затевались такие грандиозные и кровавые сцены мировой истории. Может быть, просто не брали их там, оттого что не нужны они были в тех в общем-то неплохих странах, неинтересны для других народов, то есть не было между ними никаких точек соприкосновения? А может, самим евреям в массе своей тоже было как-то неинтересно, пресно и пусто проживать между этими народами, не испытывая к ним и не рождая в них никаких эмоций? А может, и то и другое вместе, поскольку это две противоположные стороны одной медали.

За свою сверхдревнюю историю евреи привыкли быть сулсом в тесте, привыкли, что их любили или ненавидели, приближали или гнали от себя. Но они не привыкали и не привыкли быть для других никем и ничем. Зато легко и быстро поднимались в дорогу, пересекая границы многочисленных стран

и народов, вынашивая в головах свои странные еврейские мысли и опять, в который раз находя именно ту землю, где они в данный момент нужнее всего, где их на время зауважают и даже полюбят. И где они будут счастливы спать и рожать детей с женщинами этих народов и откуда их опять (в который уже раз!) изгонят, когда придет время бросать камни. Вечные изгои! Вечные жида! Потому что вечно в ожидании, не чуда, нет, как православные или мусульмане, а вот этого самого времени, когда надо собираться и уезжать с насиженного, уже теплого места, где успели родить детей и даже внуков, где уже образовалось их отдельное еврейское кладбище, и бежать без оглядки в страшную неизвестность.

В моем послевоенном барачном детстве была такая дразнилка: «Жид, жид — по веревочке бежит». Она говорила как бы в воздух, но каждый, кто надо, воспринимал ее порами, никогда не ошибаясь, даже если был еще мал. Мало того, что я была «еврей», что тоже звучало, как хлопок по темени, так я была еще и «жид» — я и мои братья тоже, потому что других таких, как мы, поблизости не водилось — не добежали они до заснеженных, сверху присыпанных копотью бараков Уралмаша.

Но в России все зыбко, все неоднозначно и не просто. Сегодня ты «жид», а завтра тебя погладит по головке, да еще назовет тебя умницей какая-нибудь сердобольная русская баба. И наденет на твою замерзшую синюю руку белую овечью варежку прямо с теплом своей руки (сколько жива буду, мне этого не забыть). Или вдруг простой мужик из толпы подбросит тебя в воздух и пронесет на плечах через всю Первомайскую площадь. И что с того, что они сами об этом забыли? И что с того, что с тех пор было много новых обид и тычков? Но ты то помнишь и будешь помнить, сколько живешь! Потому что русская душа, пусть по-иному, но так же эмоциональна, как и еврейская. И во время полета русской души, даже не полета, а размягчения, мы, евреи, тоже летаем. Может быть, теперь вам ясно, какая зыбкая, однако же прочная нить связует евреев и русских.

И еврейская и русская душа не знают границ. Еврейская — оттого, что народ наш с незапамятных времен не имел на земле своего, ограниченного от других народов пространства, а русская — оттого, что пространства русской земли безграничны — их не окинешь оком и не воспримешь умом. И на этих немереных просторах всегда жили во множестве какие-то иные народы и племена, то ли добровольно подчинившиеся, то ли завоеванные не ведающим границ русским человеком. Даже

то, что заключено было внутри границ, матушка-земля — и та оказалась отстраненной в разной степени и по-разному от наших двух народов.

Никто не знает точно, так давно это было — то ли евреев прогнали с благодатной земли народы посильнее и не такие задумчивые, то ли Господь Бог лишил земли своих избранников за грехи их тяжкие (в те поры Бог был к своим избранникам особенно строг — кому много дано, с того и спросится), то ли евреи сами предпочли нудному копанию в одной и той же земле бесконечные скитания по самым разным землям и странам. А может быть, было в разной степени и то, и другое, и третье.

А у русских, наоборот, земли всегда было вволю, так много, что вроде и отгораживать ее было ни к чему, и потому была она больше коллективной — то ли артельной, то ли колхозной, и еще — государственной: то ли царской, то ли дворянской. А своей родимой земельки, которая тебе на веки вечные дадена (и другой не будет), чтобы весь твой род на ней трудился и процветал, — такое в русской истории что-то трудно припомнить. Так, огороды, после — пресловутые шесть соток, чтобы с голоду не загнуться.

В общем, твердой почвы под ногами ни у русских, ни у евреев давным-давно не бывало. Оттого и бушуют русские «почвенники», оттого и злятся на евреев, что почти не встретишь сейчас настоящего «почвенного» русского человека. Оттого и разбежались крестьяне по городам, осели при заводах, легко, даже счастливо сменивши навозный дух и пар жнивья на гарь заводских труб и пар котелов. Только старух оставили умирать, которые в страдании своем и сохраняют последние остатки русской духовности, молятся еще — то во здравие, больше за упокой — по старым, чудом уцелевшим церковкам, или же в город ездят детей повидать да помолиться за них.

Правда, веры во всем мире сейчас поубавилось весьма: и в идеи, которые так красиво звучали вначале, а на деле вылились в реки крови, и в людей тем паче, потому что люди, так или иначе, все грешны, и даже в великого Творца Вселенной. Многие подозревали и подозревают: что-то тут не так, как сказано в Писании. Большинство же вообще не хотят ни о чем думать, кроме как поесть и одеться, ну еще кайф поймать, и, конечно, женщины и мужчины, то бишь основной инстинкт, к сожалению, все более слабеющий.

Нас здесь в России: и русских, и евреев, и прочих — еще принуждают обстоятельства жизни. Что правда, обстоятельства на Руси были всегда, однако же вера какая-никакая была. Мне все-таки то удивительно, как легко русский народ сдал ком-

мунистам своего Небесного Отца со всеми его причиндалами: пастырями, иконами, колоколами. И как легко принял, возлюбил и восславил нового — земного, и сколько славы ему пропел! Конечно, тут и насилия было много, но и доброй воли тоже не меньше.

Нам, евреям, тут тоже нечем похвастаться — мы своего Бога сдавали (если не сказать строже) десятки, а может, и сотни раз, и чужим богам мы молились с присущей нам страстью, да и мало чего не делали. И тут мы с русскими на равных, а может, и ниже. По-настоящему верующих среди нас — на пальцах сосчитаешь, ну, может, еще и ног. А то, что в Израиле некоторые люди не могут нажать в субботу кнопку лифта или же съесть, даже с голоду, хотя бы крошку некошерной пищи и хотят, чтоб так делали все, еще ничего не значит, то есть это значит только, что такова историческая реальность и жизненная необходимость — выварить в этом котле разнородных сообществ еврейского рассеяния единую еврейскую нацию, чтобы сохранить себя, выжить на небольшом клочке сухой и жаркой земли, выбитой у человеческого сообщества ценой шести миллионов еврейских жизней, посреди многомиллионного и враждебного мусульманского мира.

Казалось бы, на чем держаться евреям? Но есть у нас якорь, который нас держит в мятежном и буйном житейском море. И этот якорь именуется Словом, не божьим, нет, которое давно позабыли, а просто Словом, потом — словами, а уж из Слов рождается Мысль. Евреи без мыслей — все равно что щука без фарша. Вот именно этого в нас боятся русские люди. Мир мыслей — с виду эфемерный — оказывается прочным, как кремень. Он не только помогает решать проблемы, которых сейчас на дворе миллионы, но и пережить любую беду или же счастье без каких-либо тяжелых потерь. Входя в этот мир, человек входит в четвертое измерение, а люди с лишним, по сравнению с нормальными, измерением — всегда чужаки и опасны. Вот эта-то «странность» сильно роднит нас с русской интеллигенцией — вот почему бывали такие великие дружбы, как дружба Чехова и Левитана, Андрея Платонова и Василия Гроссмана, Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Вообще точнее было бы говорить о единой, почти что монолитной русско-еврейской интеллигентской среде в обеих столицах — и не только в них.

Конечно, не все евреи — интеллигенты, отнюдь. Есть среди нас свои мужики и биндюжники, свои драчуны и налетчики. Если существует народ, то должны быть все, дело только в количестве. Кроме того, я пишу об еврейской диаспоре очень круп-

ного и к тому же культурного российского города. И все-таки многие нас не любят, потому что боятся, правда, от зависти тоже. Страх же вперемешку с завистью, в зависимости от их уровня, начинаясь с простой антипатии, легкой такой аллергии, неопасной для жизни того и другого народа, способны доходить в крайних — и уже опасных — случаях до агрессивности, полного неприятия и ненависти, которые, будучи подпитаны лишениями страждущих и пропагандой обманщиков (люди, лишенные необходимого, даже в легкой склонностью к агрессии, легко и скоро внушаемы), приводят к боям и погромам. Вот чего больше всего боятся евреи в России, и многие русские тоже, а также другие народы! Возбужденная агрессивность едва различает лица. И кто там попадет под горячую руку!

И все-таки мы здесь живем и готовы жить дальше. Далеко не все по необходимости ли из корысти, многие — из-за пристрастия, то есть того же влечения, притяжения к русскому: к земле ли России, к ее небесам и березам, или же к русской душе — наверное, все это вместе. Живем, готовые ждать новых всплесков русской любви или русской ненависти. Ну, да мы же недаром зовемся «жидами».

Почему так много евреев не захотели покидать

свои дома, расположенные в опасной близости от фашистского вторжения (о войне, именно с фашистской Германией, шептались тогда многие)? Почему не побежали толпами, семьями и поодиночке (как уже столько раз бегали в своей истории) куда глаза глядят, только бы подальше? Ответ тут ясен — товарищ Сталин не терпел никакой паники. Но уже когда объявили войну, и паника все равно была, ведь были же еще у кого-то недели, даже месяцы, у кого-то — часы или даже дни, чтобы схватить детей и бежать куда-нибудь (если уже не садили в поезд), только бы на восток. Те, кто сделал так, в основном спаслись; те, кто нет, погибли почти все до единого.

То же самое случилось с нами в фашистской Германии в середине тридцатых. Тогда вообще времени для спасения было так много, что спастись могли практически все. Где был наш хваленый еврейский разум? Куда девался природный инстинкт самосохранения? «Ну что вы! — говорили об-

разованные евреи с детской самонадеянностью; — немцы — интеллигентная нация. У них же Гете, у них же Шиллер, у них же Бетховен!» А евреи попроще (среди них была и моя бабушка Хаймэра Черная) вспоминали, как в Первую мировую немецкие солдаты прикармливали местное население из своего пайка и даже гладили по головке еврейских детей. «Не могла же нация так сильно перемениться!» — разводила руками бабушка. Эх, бабушка (мир твоему праху), все в этом мире возможно! Особенно среди людей, потому что люди, большинство людей, — это взрослые дети, а детям можно внушить что угодно.

Немцы, как и русские (считайте это моим открытием), — это необычные народы, чудо-дети, которые не умеют и не желают стареть. (Народов, которые еще дети, много на земле, а вот чудо-детей — единицы). Англо-саксонское нашествие, то есть нашествие германских племен, внесло в сознание британцев толстый эзотерический слой. Весь германский эпос — это очень страшная и прекрасная детская сказка (все эти ундины, тролли, драконы, вампиры), сочиненная очень талантливым ребенком, порою — с гениальным воображением.

Вы спросите: а как же известная немецкая пунк-

туальность, страсть к порядку? А никак. Это все — черты, благоприобретенные за последнее, не столь уж долгое время, дабы хоть как-то соответствовать своим европейским соседям, поскольку счастливая судьба не забросила немцев на пустынные полудикие просторы Евразии или на крошечный знойный клочок в Палестине, а напротив, милостиво поселила их почти что в центре Европы — совершенно уникальном по доброте к людям месте на планете. Здесь солнце не печет, а греет, здесь холод не вымораживает живые души, а бодрит и закаливает, здесь ветер обдувает. А не сносит дома и землю (бывают, правда, исключения, но это так, для острастки). И потому здесь все мягче, добрее, ухоженнее, окультуренней, как на земле, так и в головах людей. Я вам точно говорю, что начиная с -25, а также с +30 градусов по Цельсию (если это длится достаточно долго) мысли начинают путаться, а иногда совсем замирают. И тогда наверх взбираются инстинкты.

Итак, мягкий климат, хорошее соседство, то есть добрый пример, а также изрядная перепутанность генов — ведь все почти что рядом. И мой знакомый немец Тео Вишнеwski носит в себе еще и польскую, еще и французскую струйки крови. И потом, мы всегда стремимся добыть то, чем нас обделила природа, или же хотим казаться такими, какими на самом деле едва ли являемся. Но вы копните поглубже, вы только посмотрите, какая необоримая потребность в кайфе! Эти немецкие пиво и сосиски, ежедневно! — это о чем-то говорит. Не буду обижать другие народы — удовольствия любят все! Но какова сила и необоримость этого желания! Только дети так не могут сопротивляться своим желаниям. Я видела немцев в Волгограде в 67-м году. Они искали там могилы своих близких. Почти старые, но в шортах, крупные и белотелые, они так страстно уплетали горячие русские пирожки, как будто это были первые и последние пирожки в их жизни. А русские, у которых в войну кто-нибудь да погиб чуть ли не в каждой второй семье, смотрели на это не только спокойно, но даже с симпатией. Всего через двадцать с лишним лет они уже все забыли, потому что дети не хотят и не умеют помнить тяжелое.

Почти то же самое я увидела много лет спустя здесь, на уральском озере Таватуй, где проходила, кажется, в 92-м году международная регата. Немцы пировали и веселились до двух-трех часов ночи (как любят говорить русские — на дурняк и укус сладок). Я — переводчица — с ног валилась от усталости, но отказать было невозможно — такие они все были милые, как дети. Наши. Еще крепче все позабывшие, ублажали их, как могли. А мой сын-филолог (долго занимавшийся высоко-

лобным английским писателем Олдосом Хаксли), побывавший пару лет назад в Цюрихе на международной выставке, где было много немцев (да и в самом Цюрихе немцев проживает немало), сказал после долгих размышлений: «Это ерунда, что немцы любят работать. Они любят пить, петь и веселиться. Что касается работы, то работать н а д о».

Схожие по силе желания забыться в кайфе есть только у русских. И как красиво они это делают! Я выросла среди русских застолий. О, какие чудные застолья устраивались в эпоху застоя даже на самых рассекретных заводах! Как заранее, иногда за месяц, закупались продукты и вина! Как вынашивались планы приготовления блюд! Какие придумывались игры и подарки! Даже при нашем скудном ассортименте товаров. Какие писались стихи и пелись песни! Запад мог тогда нас не бояться вообще. Не знаю, как начальство, а народ желал пить, есть и гулять. «эх, пить будем, гулять будем, а смерть придет — помирать будем», — поется в русской песне.

И как прекрасна и широка русская душа во время застолья! Так широка, что тебе тоже, как будто ты свой, нальют, как всем, и похлопают по плечу, и даже спросят: «Ты меня уважаешь?» И сколько я на этом спотыкалась, размягчалась, думала: «Я такая, как все», но уже назавтра наступало похмелье, и ты понимала, что это похмелье, если не в чужом, так и не в своем пире тоже. Ну и ладно. Зато как славно гуляли!

Сдается мне, вот потому (ну и не только потому) русские и немцы так давно и сильно тянулись и тянутся друг к другу. Немецких принцев просто-таки волоком тянуло в далекую заснеженную Россию, правда, сказочно богатую, но такую необустроенную, необузданную и незаконную («порядка только нет», — писал о России А. К. Толстой). А русские царевичи, которые при их богатстве и красоте могли выбрать принцесс и покрасивее, все ж таки охотно женились на немках и в основном жили с ними мирно и счастливо. Вы скажете, что интересы престола требуют. Да, конечно, но ведь и интересы престола крепко связаны с каким-то духовным ли, сердечным ли — но притяжением. А вслед за царями женились на немках или выходили замуж за немцев и русские дворяне, и великий русский писатель Антон Чехов, и великий русский певец Федор Шаляпин. И дружились с немцами крепко и надолго. Среди друзей Александра Пушкина самые преданные. Самые любимые — барон фон Дельвиг и Вильгельм Кюхельбекер — Кюхля! И учиться ездили в немецкие университеты (помните — «Он из Германии туманной привез учености плоды...»), а лечиться — в немецкий Баден-Баден. И гениальный Федор Достоевский мечтал о союзе с

Германией против Турции. Правда, в свете говорили по-французски и дамы носили туалеты по французской моде — но французское влияние было намного более поверхностным, более всего эстетическим. Согласитесь, это совсем не то, что учиться, лечиться или жениться!

И немцы, и русские всегда любили ввязываться в драки, войны, и были, и остаются, лучшими солдатами в мире (конечно, у немцев не было такого раздолья, но степень драчливости очень близкая). И какую высокую степень насилия, и какие ужасающие примеры жестокости явили миру оба этих народа, давшие миру и величайшую литературу, науку, философию, искусство, родившие для мира высочайших мыслителей и пророков, поэтов и ученых (Тютчев и Достоевский, Гете и Гофман)! Какие великие провалы, какие высокие гениальные восхождения к вершинам цивилизации и человеческого духа мы видим у обоих этих народов!

И хотя евреи за много веков своего рассеяния миновали десятки земель и народов, ничью землю и ничью душу они не воспевали так искреннее и влюбленно, как именно этих двух народов. И ни с кем другим за последние столетия у них не выходило такого страстного и долгого романа. Евреи, к сожалению, не вундеркинды, оттого что они давно уже не дети, может быть, с тех самых пор, как Моисей получил Писание на горе Синай, и евреи (еще вон какие древние!) осознали свой Долг и свою Ответственность перед Богом и перед людьми. Однако давным-давно мы тоже были вундеркиндами!

Между тем, жизнь чужаков и отщепенцев среди многих народов, превратности и страдания этой жизни делали евреев все умудреннее и старше. Отчего же их так тянуло к этим непредсказуемым, а иногда и жестоким вундеркиндам?

С одной стороны, конечно, чудо всегда привлекает внимание и возбуждает интерес. С другой стороны — к детям всегда проще приспособиться, а также повлиять на них, даже внушить им какие-либо из своих ценностей, то есть сделать свою жизнь среди них более спокойной или же просто более возможной.

Какое огромное поле деятельности тут открывается — учить (евреи ужасно любят учить и часто умеют это делать), лечить (евреи славятся и своим искусством врачевания тоже), организовывать жизнь — через экономику и торговлю (евреи часто бывают хорошими или же прекрасными организаторами), поднимать культуру (среди евреев также водятся и прохиндеи, которые, как многие евреи, часто бывают талантливы, а детей проще обмануть, чем взрослых). Это видно невооруженным глазом, что среди евреев все ж таки гораздо больше людей серьезных и положительных, к тому же активных,

старающихся внести свое «я» в жизнь того народа, в среде которого живут, — свое «я», которое они иногда ошибочно полагают необходимым внедрять в окружающий мир, дабы сделать его лучше. Написала и сама удивляюсь — в сколь многих делах, чаще хороших, а порою — неважных, преуспевают мои соплеменники. Я думаю, это потому, что они, выйдя из редкого племени вундеркиндов, остались чудо-народом, сохраняя с нарастающим от века в век опытом и знаний и прозревшей от страданий и времени душою детскую или, может быть, юношескую активность, гибкость мозговых извилин и вечную веру в чудо.

Итак, три народа — русские, немцы и евреи — возможно, самая уникальная и самая несвятая троица в мире, которую Бог то ли любит (см. высочайшие взлеты духа!), то ли нет (см. самые низменные падения и величайшие наказания Господни). Все три, каждый в свое время и на своем пространстве, желали быть мессиями, то есть лучшими среди всех других народов, отмеченными божьей печатью и потому имеющими право то ли учить другие народы, то ли повелевать ими.

Кто знает. Может, в этом и есть сермяжная истина. Однако же ни один народ не признает себя никогда ни низшим, ни худшим. Похоже, грядут времена, когда все народы, в основном обыкновенные, никакие не вундеркинды, чаще же — просто дети, используя все, что создано вундеркиндами и просто взрослыми, умудренными народами с давним самосознанием — британцами, французами, датчанами, шведами, бельгийцами, голландцами и др. (хотя последние больше работают в собственную кошелку и для своего собственного счастья), не захотят более управляться ни властью духа, знаний и опыта, ни, тем более, властью силы, а пожелают жить пусть хуже, но сами по себе, потому что стена непонимания между отдельными людьми, а тем более между различными народами выросла в XX столетии высоко-высоко и продолжает расти.

И к чему это приведет? И что даст нам новое тысячелетие: взрыв ли межнациональный войн? Рост ли гражданский войн внутри отдельных государств? И где-то когда-то разлетится наша милая планета Земля, ставшая домом для многих миллиардов людей (а еще животных, деревьев, цветов, облаков), как чудесная древняя чаша, — на тысячи осколков, которые уже никто, даже Бог, не сможет склеить? А вдруг да одумаются люди в желании жить и рожать детей, утихомирят свой жестокий нрав и станут учиться, пусть не любить, нет, но хотя бы немного понимать и уважать друг друга. «О, люди, хрупко наше бытие. Где, в чем найдем спасение свое?»

Юрий СУХОВ, р. п. Пышма

Письмо старой немке

На страницах газет неоднократно высказывалась мысль об увековечении памяти немецких солдат, погибших в годы войны на территории Советского Союза.

Мне жаль вас, фрау Марта Криц,
Как жизнь у вас перевернулась!
Ваш Отто — муж, ваш папа — Фриц
С войны с победой не вернулись.

Вы, знаю, ждали их домой
С добычею и в блеске славы.
Один остался под Москвой,
Другой зарыт у Даугавы.

Безжалостен итог войны.
Его предвидеть не могли вы.
Вы даже права лишены
Прийти на вещи могилы.

Там ни погоста, ни креста,
Лишь дурнотравья рать на страже.
И вечно скорбная верста
Туда дороги не укажет.

И нет у вас к чужим полям
Прямой дороги и окольной.
И вам, как нашим матерям,
Не меньше горестно и больно.

Но трудно вам искать среди нас
Сочувствие к своей печали.
Ведь мы тогда НЕ ЖДАЛИ вас.
Лихих гостей к себе не звали.

Скажите, фрау Марта Криц,
Когда в огне и реве стали
Они ломали грань границ,
На что вы их благословляли?

«Туда идите — на восток,
За рубикон, до края света,
Но принесите хоть кусок
От голода опухшим детям!»

Когда б таким был ваш наказ,
Когда б о жизни вы молились,
Мы, фрау, уверяю вас,
Последним с вами поделились.

Нет, волчьей алчностью горя,
Вы не такой добычи ждали,
И детские концлагеря
Вам спать спокойно не мешали.

Я в том не обвиняю вас.
И нам в глаза бесстыдно лгали,

После парада Победы. 24 июня 1945 года.

И мы в пути своем не раз
Безвинных под ноги сминали.

Да, мертвых не вернуть назад,
И Божий суд свершен над каждым.
Но тот захватчик, тот солдат
За давностью уже оправдан?

И как их можно уравнивать
В крестах и надгробных плитах:
Пришедших кров у нас отнять
И вставших грудью на защиту?

Ответа нет:
Не зачеркнуть
Пером кровавую страницу.
А кто подскажет, сколько суд
Жестокой памяти продлится?

Тыловик

День осенний хмур и мглист.
Вечер сходит на ночь.
Пашет поле тракторист
Николай Иваныч.

От восхода до темна
Пашет — дело свято.
Тяжело гремит война
На краю заката.

Навалилась широко,
В небывалой силе.
Всех могучих мужиков
Замела в России.

Долго, долго не стихать
Грозовым раскатам.
А кому поля пахать —
Бабам да ребятам?

Что-то будет бабам ждать
Под безмужним кровом?
С кем детишек нарожать
Нерожавшим вдовам?

День угас, закат остыл,
Ночь смывает краски.
Пашет пахарь, держит тыл
На своем участке.

Ночь глуха, земля сыра.
Пашет да боронит.
Здесь его передний край
Главной обороны.

Головой к рулю приник,
Отдых дал мотору.
На сто баб один мужик —
Сила и опора.

*Знамя Победы над
рейхстаном.
1 мая 1945 года.*

Алексей МЕЛЬНИКОВ

В дыму, крови, пыли

— А то делается, что и родились, и
крестились, еще не видали такого...

Н. Гоголь. «Тарас Бульба»

1.

Чечня, Чечня — как тот Афган... Сперва приказ: «Вести войска!»
За ним другой: «Кончай огонь! Вокруг же дети...»
Колонны шли — их жгли, жгли, жгли... Весь путь — в дыму, в крови, в пыли!
За эту кровь, сплошную кровь — кто, кто в ответе?

2.

Погодка — дождь, роса, туман, а в сводках — ложь, брехня, обман...
Вот, только что — комбат, комбат навывлет ранен!
Чтоб Грозный взять, в дым матерясь, глотаем пыль и месим грязь...
У нас — приказ: «Дойти, дойти — до их окраин!»

3.

Чечня, Чечня — как тот Афган... Сперва приказ: «Вести войска!»
За ним другой: «Кончай огонь! Вокруг же дети...»
Колонны прут — их жгут, жгут, жгут... В дыму, в крови, в пыли — весь путь!
За этот путь, кровавый путь — кто, кто в ответе?

4.

В Москве народ водяру пьет, икру жует — там Новый год...
И мы — когда в бреду, в бреду — поем мы, пляшем!
Пришли в себя: «У нас — приказ...» Вы, матери, не ждите нас!
Чужим свинцом — в лицо, в лицо... Мы все тут ляжем!

5.

Чечня, Чечня — как тот Афган... Сперва приказ: «Вести войска!»
За ним другой: «Кончай огонь! Вокруг же дети...»
Колоннам — течь, их жечь, жечь, жечь... В дыму, в крови, в пыли, во лжи!
За эту ложь, сплошную ложь — кто, кто в ответе?

Патруль на въезде

*Часть военных всадников бросилась рассматривать толпы народа...
Н. Гоголь. «Тарас Бульба».*

1.
Я и зёма — на въезде в патруле мы сегодня,
В тридцати метрах сзади — наш блокпост и братва.
Перед нами — бетонка, что ныряет в зелёнку,
И от нас до опушки — ну, километра два...
2.
На зелёнку глядим мы — тачка нарисовалась,
Выбралась на бетонку, наскоряк к нам пошла...
Подкатила ко въезду — мы стволы показали,
Прокричал я в бойницу: «Эй, меттах ма вала!»
3.
Голубая «копейка» враз движок заглушила...
«Ха каха'таш хуга'йта!» -я затем приказал.
Не спеша хлопнув дверцей, вылез нохча —
дед в штатском...
Я в бойницу прикрикнул: «Сегаха схаверзал!»
4.
Старый правой рукою к себе в пазуху лезет,
Припадаем к прицелам, прекращаем дышать...
Вынимает... Бумаги! Вот теперь — выхожу я,
Чтоб досмотр документов замутить, не спеша.
5.
Старый бампер подчистил, я свидетельство глянул,
Номера — цифра в цифру... «Доттага баркалла!»
На правах нашел фотку, заглянул деду в личность,
Личность с фоткой совпала: «Дика ду!» — сказал я.
6.
Старый клацкнул капотом, в пэтээс заглянул я,
Номера — буква в букву... «Баркалла доттага!»
Все бумаги вернул я, почесал себе репу,
Пару раз вдоль «копейки» взад-вперёд прошагал...
7.
Здоровенный баул я скинул с крыши на землю,
Заглянул — там джинсухи, ширпотреб, не фирма...
Две плетёных корзины, что на заднем сиденьи -
Кроме свёклы с морковкой, ни хрена в них нема...

8.
Пять мешков я с картошкой из багажника вынул,
До шестого добрался, кое-как развязал...
Заглянул — а там тесто, тесто серого цвета...
Я калаш — деду в морду, сам как псих заорал:
9.
«Меттах ма вала, сука!» Старый замер на месте...
«Мила во вогум, падла!» Тут он руки поднял...
«Вижал, вижал, сучара!» Старый махом улёгся,
Кисти рук — на затылок, и глаза — на меня...
10.
«Вызывай подкрепление, — я напарнику крикнул, —
Скажи, мол, тачка с нохчей... Мол,
не сдюжить двоим...»
Я и зёма — на въезде в патруле мы сегодня,
И не зря мы с напрягом в зелёнку глядим!

*Словарик специфических слов,
встречающихся в стихотворении:*

- Зёма** — земляк.
Бетонка — шоссейная дорога с бетонным покрытием.
Зелёнка — любой зелёный массив: лес, роща, кустарник.
Меттах ма вала! — стоять, ни с места (чеченск. искаж.).
Ха кахаташ хугайта! — Выйдите из машины! (чеченск. искаж.).
Нохча — чечен.
Сегаха схаверзал! — Предъявите документы! (чеченск. искаж.).
Доттага баркалла! — Дружище, спасибо! (чеченск. искаж.).
Дика ду! — Хорошо! (чеченск. искаж.).
Пэтээс — паспорт транспортного средства.
Тесто серого цвета — пластид, высокоэффективное взрывчатое вещество.
Мила во вогум — Руки вверх! (чеченск. искаж.).
Вижал, вижал! — Лежать, лежать! (чеченск. искаж.).

Сергей УСТЮГОВ

Окольцованные

Сегодня председатель Иван Петрович принес в сторожку бутылку водки и наливает Матвейчу. Тот не отказывается, но, выпив стопочку, отставляет, хватит, мол. Иван Петрович закуривает и ждет новой истории про Алешу. Дед не заставляет себя ждать.

Попал Алеша на этот раз в большую деревню. Большой и богатый колхоз в ней был когда-то. Потом, как везде, разваливаться начал, а потом опять подниматься стал.

Устроился Алеша в работники, работает и к людям приглядывается. Люди-то всегда интересные.

Пошел как-то раз Алеша коров хозяйских встречать и видит, в переулке трое мужиков одного парня лупят. Подбежал он к ним и давай разнимать. Но не тут то было. Мужики злющие были, досталось и Алеше. Но все равно выручил он парня, а то бы забили его.

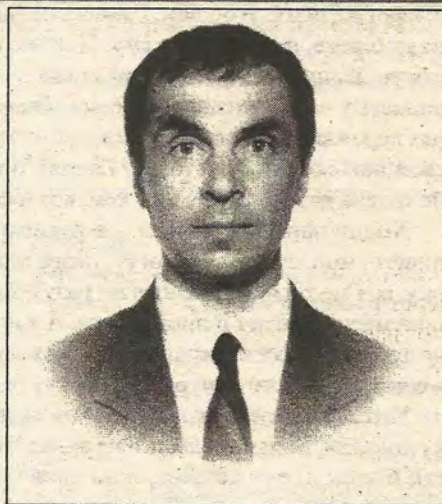
Обмылись они у колодца, и разговаривать начали. Сначала парень ничего не говорил, а потом таки понял, что если бы не Алеша, то попал бы в больницу, а то и похуже. А парень молодой видный, голос приятный.

Рассказал он, что били его за жену одного из мужиков. Похаживал он к ней, пока мужа дома не было. Прознал про то муж и подговорил дружков поучить парня. Вот и вся история.

Уже потом узнал Алеша, что мужики-то из другой деревни были. Вокруг деревни, где Алеша жил, было около десятка других, и все недалеко километрах самое большее в пятнадцать.

Подружился Алеша с парнем. Почти ровесники, чуть парень постарше Алешы. Парень-то сначала не доверял Алеше, а потом как узнал поближе, так про свою жизнь говорить начал.

Мысли у парня интересные были, но какие-то путанные и неправильные. Спрашивает как-то Алеша его, почему, мол, не женится. Тот и отвечает:

— Рано мне, Алеша, жениться. Я доброе дело делаю. Женщинам, да вдовушкам радость даю.

— Как это?

— А вот так! Живет, к примеру, одинокая баба и нету у нее никого. А мужика-то хочется. А где его взять? Негде! Мало мужиков осталось, да и те пьющие. Вот я и помогаю таким. Ей хорошо, и я доволен.

— А как же замужние?

— А что замужние? Не женщины, что ли? Да у них хоть и мужики есть, да что толку. Мужик есть мужик, никакого обхождения. А женщине что хочется? Ласки! Вот я ласку свою и даю им. Им и жить веселее.

— Да как бьют тебя.

— Ну и что. Приходится страдать за доброе дело.

Алеша, конечно, не согласен с ним был, да как таких переломишь. Бесполезно. Приехала как-то в деревню семья. По разговорам молдавские цыгане. Красавица мама и трое детей. Вдовушка, муж в катастрофе погиб.

Парень, конечно, глаз положил на молдаванку. Да ничего не получается у него. Не глядит на него молдаванка. Гоняет парень на своем мотоцикле по деревням, дарит свою ласку другим женщинам, а вот с молдаванкой, ну ни в какую. Говорил ему Алеша, отступись, да не слушал его парень, привык своего добиваться, ну и добился таки. Счастливым с неделю ходил, потом загрустил что-то. К молдаванке своей не ходит, по деревням на мотоцикле не гоняет. Случилось не иначе что-то.

Еле допытал его Алеша. А узнал и удивился,

Продолжение. Начало в № 4 за 2002 г.

бывает же такое. В общем, узнала молдаванка парня поближе, да и сделала ему. Цыгане же многое могут. Кончилась у парня мужская сила. Все. И радость у него в жизни кончилась. Он уж на коленях перед молдаванкой ползал, пусть, мол, уберет свой наговор. Да что толку. Гордая молдаванка, не хотела делить парня ни с кем, вот и сделала.

Ходил парень к бабкам, те руками разводят, ничего, мол, сделать не могут. Лишь одна сказала ему, вот месяц проживешь и ни разу о женщине не подумаешь, может и пройдет все. А как же парню не думать. Высокий, красивый, девки, да молодые женщины на него смотрят... Как тут не думать...

Пить начал парень, а потом его в командировку послали. Больше Алеша и не видел его. Вскоро сти отказали ему хозяева, и он снова по Росси-матушке пошел.

Идет Алеша по дороге и вспоминает парня.

— всю жизнь парню женщины затмили. Даже не женщины, а страсть его к ним. Ничего кроме страсти своей и не видел парень. Управляла она им, как хотела, вертела в разные стороны, пока не ударила его лбом о камень. Тут-то и задумался парень, он нет — поздно. А сейчас ведь с малолетства приучают ребятешек. Насмотрелся Алеша на газетки, да журналы с голыми женщинами. Да и книжки всякие такие продаются. С детства приучают детей. Мол, давайте, окунайтесь во все это, меньше думать будете, меньше по сторонам смотреть будете, и ничего хорошего в жизни не увидите.

По деревне поползли слухи, один другого страшнее. Особенно старался коммунист Стешин. Он пугал экспериментами, радиацией и другими не менее жуткими вещами. Федор, демократ-партиец, до поры до времени молчал. Он изучал обстановку. Он уже три раза показывался на глаза Михаилу, новому русскому — ничего. Не узнает, гад. Это хорошо. Скоро Федор определится и вот тогда... Он всю деревню в партию примет, даже детей. А с коммунистами он разберется — не в первой.

Отставной военный не выходил из избы, он дорвался до самогона. Сестра уж гоняла их, гоняла обоих с мужем, бесполезно. Пока все не выпьют, не успокоятся.

Деревня «не любит выпить». А уж если есть повод... Повод был, да еще какой. Непонятные странности творились с деревней. Ну, как за такое не

выпить. Мужская половина деревни и начала...

Дворов двести располагались на нескольких улицах, идущих вдоль небольшой речушки. Жители занимались своими делами, которых в деревне всегда много, как вдруг зазвучали выстрелы. У нас ведь как — если где-нибудь что-то стряслось, народ туда. Так и в этот раз. Порядочная толпа собралась у степановского огорода. Огород — соток восемь, был вдоль и поперек перепахан, будто по нему пронеслось стадо коров. Все оказалось проще. Миша, Колян и Степа охотились на Степанова борову. Миша, расставив ноги, командовал, а Степа и Миша были загонщиками. Они держали в руках по здоровенной жердине и прыгали и бегали за хряком. Но тот был очень уж ушлый. Всякий раз, когда Миша поднимал ружье и прикладывал к плечу, хряк делал неожиданный финт и на том месте, где он только что был, взвивался фонтанчик снега. Развлечение было просто класс! Зрители давали советы, хохотали, некоторые порывались помочь, но Маня никого не пускала в огород. Порешат еще спьяну друг друга.

Миша, точно заправский охотник тщательно выцеливал зверя, плавно нажимал на курок, и ... промахивался. Остался последний патрон.

Маня посмотрела на небо, нахмурилась и побегала в огород. Она не успела. Последним выстрелом Миша завалил хряка и направлялся уже к нему. Он хотел, как настоящий охотник поставить ногу на тушу и сфотографироваться. Будет что показать в городе. Настроение испортила налетевшая Маня.

— Ты, что гад? Зачем поросенка застрелил?

— Что ты Маня? Сама же просила.

— На небо, придурок, посмотри! День-то кончился!

— Ну и что.

— Как что? Света-то нету! Как будете раздвигать?

— Да-а-а, — озабоченно чесал в голове Степан.

Спектакль закончился, можно было расходиться, но так не хотелось. Дома делать нечего, скоро будет темно, электричества нет, телевизор естественно не работает.

Товарищи, — громкий голос заставил всех обернуться. Стоящий на скамеечке возле ворот, мужчина поднял руку с зажатым в ней шапкой.

— В наше тяжелое время... — начал он.

— Опять тяжелое...

— Сами знаем, — послышалось в толпе.

Хорошо тогда я начну с главного тезиса. Вспомните, как вы жили раньше. У вас было все и все бесплатно. А сейчас... Вы посмотрите, что делается, верха все богатеют и богатеют, а нищают и нищают.

В толпе шептались.

— Это Стешин. Грамотный собака. Ишь, как ровно чешет, как в «телевизере».

Миша, Степа и Колян уже сходили в дом и чуть-чуть отметили хряка. Они спешно готовились палить шкуру бобра и потом разделять внутренности.

Сначала Миша не обратил внимания на оратора, болтает и болтает, но потом, услышав слова «раскулачивать и ссылать», занервничал. Это что за новоявленный вожь народов выискался. Миша вышел за ворота. Ба-а-а! Да это Стешин! Вместе когда-то студенток шупали. Но что же он заливает! Послушав немного друга детства и юности, Миша подошел к нему, и стащил со скамейки.

— Ты чего?

— Слушай, плюнь на все, пошли со мной, можешь.

— Нет, Миша, мне некогда, сам видишь какой народ темный. Его учить и учить надо.

— Да брось ты! Потом закончишь. Завтра в клубе соберешь людей и прочитаешь лекцию. Пошли у нас есть, — Миша показал выразительный жест понятный всем мужчинам.

Коммунист Стешин нахмурился, нос его зашевелился, и вдруг Стешин махнул рукой и согласился.

— Товарищи! Так как сегодня очень поздно, я вас завтра приглашаю в деревенский клуб. Там я прочитаю лекцию о политическом и экономическом положении страны. Время начала лекции будет в объявлении.

Попел третий день с начала «окружения» деревни. В кабинете председателя колхоза сидели двое — сам председатель и участковый милиционер Табакеркин.

— Ну, что будем делать? — Иван Петрович покопался на телефон, как будто ждал звонка.

— А что делать? — отозвался участковый.

— Как, ты ничего не знаешь?

— Да ты понимаешь, Иван Петрович, у нас с женой годовщина свадьбы была, ну я и ...

— Ты все и пропировал?

— Да так вышло...

— Вышло... да ты посмотри, что делается... Демократ этот дерьмовой полдеревни уже в свою партию

принял. Коров да быков еще осталось... А коммунист, тот похитрее, вчера лисой ко мне подобрался. Мол, помоги, Иван Петрович, как бывший коммунист, тебе это потом зачтется...

— А что зачтется? И вообще, чего он хочет?

— Да ты понимаешь, он же придурок хочет отобрать все эти киоски и магазинчики и сделать общественными.

— А как же закон?

— Он говорит, надо воспользоваться моментом и провести эксперимент. А уж потом распространить на всю Россию.

— Да он же ненормальный!

— Вот и я говорю.... Да, чуть не забыл, военный этот, ну Нинки Молочной брат, так тот молодежь собирать начал.

— Для чего?

— Да шут его знает. Говорит, что защищать нужно деревню, но, по-моему, у него другие планы.

— Ну, у тебя, Иван Петрович, и новости...

— Подожди, вот еще Миша новый русский, пропелется, что он придумает.

— И что же мне делать?

— Да не тебе — нам... Просто ума не приложу.

Иван Петрович тоскливо уставился в окно и задумался. Как их прижать? Все по закону делают, стервцы. Никак не подкопаешься... Не вовремя, ах не вовремя уехал в отпуск глава администрации. Придется им с участковым за порядком следить.

— Не молчи, Иван Петрович, говори что делать. Может арестовать кого...

— Я тебе арестую! В такой нервной обстановке, они нас вперед арестуют... Ничего не делай, просто наблюдай и докладывай мне.

— А как мне наблюдать? Меня ведь все знают.

— Вот это и хорошо. Ты житель деревни, вот и ходи на эти собрания и прислушивайся.

— Да ты из меня шпика хочешь сделать? — стал подниматься участковый.

— Какого шпика, — свирепая, сказал Иван Петрович, — вот кончится эта заваруха, спросят тебя, — что ты делал в это время, какие меры принимал? А ты скажешь — я не хотел быть шпиком, поэтому ничего не делал. Ну и турнут тебя из органов...

— Да я что... Я ничего... Я готов, — завозился на стуле милиционер.

— Короче... Каждый вечер мне доклад. Понял?

— Понял, понял Иван Петрович, как не понять.

— Да, кстати, у тебя, как с запасами этого? Ну, водка есть?

— А-а-а... Есть немного. На прошлой неделе из горотдела приезжали, ну и прошлись по точкам. Все увезти не могли, вот мне четыре ящика и оставили, на сохранение.

— Это хорошо.

— Ты это... Иван Петрович, ящики-то на хранение оставлены. Мне же отчитаться надо будет.

— Не переживай. Спишем на обстоятельства. Сам видишь обстановка какая.

— Иван Петрович, — взмолился Табакеркин, — как я спишу, куда?

— Напишу я тебе расписку, что взял на хранение. Устроит тебя?

— Конечно, устроит. Голова ты, Иван Петрович, — успокоился участковый.

По деревне бродили два призрака. Призрак коммунизма и призрак демократии. Пока они не сталкивались, но столкновение было неминуемо. И оно состоялось.

Сошлись они у Петра Большеротого. Большеротый отмечал день рождения внучки, когда зашел коммунист Стешин. Поздравив, хозяина, он достал из-за пазухи подарок — резинового гусенка и передал имениннице. Совершенно естественно Стешин вписался в компанию. Агитировать он начал издали. Сначала прошелся критикой по современной власти, потом окунулся в прошлое. Поднаторевший на митингах, Стешин запросто завладел вниманием слушателей. Даже Большеротый молчал и только изредка его громкий голос прерывал русского Цицерона.

— Товарищи, вспомните, как замечательно мы жили. Медицина была бесплатной, образование тоже, деньги платили вовремя. Счастливы жили товарищи, без тревоги за завтрашний день... А какие праздники были... Любо-дорого посмотреть. Все равны были...

— Вот-вот! — послышался от порога голос, — все равны были.

На сцену выступил, правда, без поклона, демократ Федор. Застолье разом обернулось на Федора, а тот стал развивать инициативу.

— Все равны были. По талонам всем одинаково давали. Справедливость была. Никакой мафии не было, преступности не было...

Хозяева и гости согласно кивали выступающему. В их восторженных глазах светилось ясное понимание. Правильно говорит, совершенно правильно.

Вот только Стешин мрачнел. Он чувствовал, что где-то здесь кроется подвох. Но как он ни старался понять, его изощренный ум пробуксовывал.

— А сейчас, что творится... Народ абсолютно бесправен. Зарплату не получает месяцами, а если получает, то настолько мизерную, что еле на жизнь хватает. Мафия кругом, все воруют, беспредел... И все молчат... — Федор чувствовал, что захватил внимание, ох как захватил.

— Подниматься всем надо! Сбра-

сывать их! — азартно кричал Федор. Его палец уперся в коммуниста Стешина. — Это они во всем виноваты. Это они семьдесят лет унижали народ, морили голодом, уничтожали, наконец! Превратили людей в бессловесную скотину. В рабов, которые готовы работать за пайку хлеба. А сейчас захватили все кресла, захапали себе все и жируют, паразиты. Это они виноваты, что народ молчит. Гнать их надо поганой метлой и другую власть устанавливать! Нашу, народную, демократическую. И к черту этот Запад, с которым бывшие коммунисты заигрывают.

Колхозники сидели ошарашенные. Во дает! Как он коммунистов в хвост и в гриву. Молодец, одним словом!

Коммунист Стешин закипал. Видел он этих демократов в одном месте. Все время дороге, сволочи, перебегают.

— Слушай, да пошел бы ты со своей с... демократией, знаешь куда! — возмутился Стешин.

— Вот, вы видите! Нельзя их трогать — коммунисты! А они только оскорблять могут...

— Да пошел ты, Федька, со своей демократией. И забери своего позорного лидера. На него и так, как на клоуна смотрят!

Этого Федор стерпеть не мог. Поносить его лидера, народного спасителя... Это уж слишком!

Федор схватил валенок, стоящий у порога и запустил им в коммуниста. Да-а, если бы Федор попал, то демократия бы сразу одержала победу. Но Стешин уклонился, и кувыркаяющийся валенок, минуя противника, припечатал свою подошву ко лбу Петра Большеротого. Что тут началось... Большеротый оправдал свою кличку. Мат вперемишку с нормальными словами яростным потоком хлынул изо рта хозяина.

Смыться Федор не успел. Били его остервенело — накопилась злость у народа. Обрадованный коммунист тоже хотел помочь. Досталось и ему. Вот так. Начисто отвергла деревня и коммунизм и демократию. А что осталось? А ничего... Бардак остался.

Председатель опять у Матвейча, привык он уже слушать его байки. Матвейч заваривает чай, подмешивает в него каких-то трав и начинает рассказ.

Идет Алеша далее. По полям, по лугам, мимо больших городов, мимо рабочих поселков, только в деревни и заходит. Вот подходит он к речке. Речушка небольшая, мелкая, по дну рыбешка стаями бегают. Перешел Алеша по мосту речку, и деревня на холме показалась. Церквушка куполами в небо смотрит, домишки разбросаны там и сям, собаки по улицам бегают. А людей не видать, на работе, наверно. Алеше не привыкать, постучался он в первый попавшийся дом и попросился в работники. Взяли, конечно, он парень молодой, здоровый. Ему кроме еды, да одежды ничего и не надо. А признают за тронутого, ну и ничего.

Попал он, однако в такую семью, что и врагу не пожелаешь. Шум и гам, да ссоры постоянные в семье той были. А заводилой все время мужик был. Чуть не по нему и даже за просто так, орать начинает. Орет на всех, никого не жалеет. До того кричит, бывало, посиңеет весь. Дети, что постарше огрызаются, а малым достается. Жена, правда, редко голос подавала, смирилась наверно. Бил он их всех, и Алеша не стеснялся, правда, Алеша один раз заступился, дак сам не рад был. Вся семья на него поднялась. Решил он больше не вмешиваться, нравится, значит им такая жизнь.

Хозяин и на Алешу покрикивает, пробовал даже побить его, но Алеша, на что тихий, тихий, а так посмотрел на хозяина, что тот отступился сразу.

Вот живет Алеша в деревне, старикам бедным помогает, когда время есть. А добрые люди удивляются, как же он живет у такого хозяина. Страсть, да и только.

Хозяин-то Алешин бригадиром в колхозе работал. Он и на работе житья колхозникам не давал. Как придет с утра, так орать начинает, то ему не то, это ему не то. До того распалится бедный, что белый весь делается. Ему уж не перечили, привыкли. Конечно, в добром колхозе его давно бы с бригадиров сняли, а уж в этом...

Говорили, что он всю жизнь такой бешеный. Никого не слушает, все по-своему делает, будто один на свете живет. А уж себя любил... сядет бывало в курилке, и начнет про себя рассказывать. Как он в армии служил, да все ему подчинялись, самым лучшим солдатом был, даже от генерала грамоту получал. Ну а в колхозе он конечно лучше всех все знал, лез везде, указывал всем. В политике все понимал. Иногда до того договорится, что кажись, посади его президентом и сразу жизнь направится. А президентом он часто себя

представлял. Сядет важно и начинает говорить... Он бы всех богатых под корень извел, всех политиков сослал на Магадан, ну а у колхозников опять бы паспорта отобрал. Нечего им в городе делать, пусть в вагоне ковыряются. Всех певцов — в Сибирь, пусть там поют на морозе. Военную дисциплину ввел бы в стране. Всех бы к ногтю прижал. Ходили бы, да оглядывались по сторонам. Но... бодливой корове Бог рога не дал.

Живет Алеша в деревне, работает и все бы ничего, да опять цены на все подниматься стали. Хозяин сильно беситься начал. На всех зверем поглядывает, будто виноваты они. А люди терпят, а что делать — привыкли.

Раз принес хозяин домой газету. Давай читать ее громким голосом. Читает, да через слово матерится. Так никто ничего и не понял. Только прочитал он газету, сразу бросил ее на пол и давай топтать. Топчет и приговаривает: «Сволочи, сволочи!» На другой день он калитку, что со двора ведет, пинать начал. До того допинал, что с петель слетела. Потом Алеше навешивать заново пришлось. К вечеру бригадира оттащили от сторожа, совсем забивал бедного. Домой-то пришел вроде спокойный, а все равно семья опасалась.

Среди ночи хозяин вышел на двор. Алеша забеспокоился, что-то нет его долго. Вышел на крыльцо — нет мужика. Глядь, а калитка открыта. Знать на улицу убежал. Алеша за ним. Бегал, бегал, нет его нигде.

Утром уж узнали: решил бригадир порядок навести, да и сунулся к молодежи, а те гуляли в аккурат. Заскочил он к ним и как обычно давай орать. Слово за слово, драка и разгорелась. Ну и кончили мужика. Пострадал за злость свою нетерпелую.

Опять Алеша в пути, идет по лесам и полям. Идет и думу думает.

— О сколько злости было в этом человеке. Никого вокруг себя и не видел. А в себя-то и посмотреть боялся. Пусто там было, пусто. Нет ничего, одна злоба. А пустого ничего и не родится, ни любви, ни добра, ничего. Вот и мучится такой человек, и других мучает. Не верит он ни во что и, прежде всего в себя не верит, вот от безверия и получаются такие...

Михаил проснулся и не сразу понял, где находится. Комната, обставленная старомодной мебелью, половики на полу, на тумбочке старый цветной телевизор. Да он же у брата в гостях. А где же бухгалтера?

Из кухни слышался голос Натальи, она за что-то ругала Коляна. Вот он и сам заглянул в комнату. Увидел, что Миша проснулся и заговорчески подмигнул. Они вышли во двор. Небольшой морозец градусов пятнадцать приятно охлаждал кожу.

— Ну что, Миш, опохмелимся?

— Коля, хорош! Определиться надо. Ты вот мне скажи, что случилось? Что, действительно в деревне ни связи, ни электричества нет? И выехать нельзя?

— Ну конечно.
 — Тогда, братан, подожди. Надо оглядеться и потом, что-нибудь придумать.
 — А что придумать?
 — Ты знаешь, я последние годы по-другому на жизнь смотрю. Самое главное в жизни, что?
 — Что?
 — Деньги, братан. Деньги — это все! Только их заработать нужно. Вот подожди, я до обеда осмотрюсь, и что-нибудь придумаю. Надо спешить пока меня не опередили.

Наталья удивленно смотрела на мужчин. После трехдневной пьянки братья впервые выглядели серьезными и задумчивыми. Не стали даже опохмеляться.

К обеду Миша придумал. Он собрал небольшое совещание. Наталья по такому поводу постелила новую скатерть на стол и сидела, подперев подбородок руками. Колян сидел, опустив руки на колени, и немного сутулился.

— Так! — Миша оглянулся на дверь, закрыта ли, — Вы знаете, что в деревне все пьют...

— Опять про водку, — вздохнула Наталья.

— Так вот. Ближе к делу. Мы скупаем всю водку, весь спирт и все вино, и даже самогон. У меня денег хватит. Потом поднимаем цены и получаем прибыль.

Наталья с Коляном недоверчиво переглянулись.

— Не усмехайтесь, все просчитано.... Вот вам, нужен новый импортный телевизор? А тебе, Наталья, шуба не нужна? И на Урал тебе, Коля, хватит.

Коля с Натальей сидели оглушенные. Они никогда не занимались коммерцией, и откровенно говоря, побаивались. Да, что еще соседи скажут.

— Не боись! Я все беру на себя. Все сделаю по закону. Если, что — валите все на меня.

Михаил раскрыл мужскую сумочку и начал выкладывать деньги. Вскоре на столе красовалась целая куча рублей и долларов.

— Вот видите! Так, что все получится. Сейчас мы с Коляном пойдем к участковому, а ты Наталья никому ни слова.

Милиционер с семьей жил в двухквартирном типовом доме. Миша культурно постучал в дверь, после приглашения они вошли. После знакомства, Миша с Табакеркиным удалились в другую комнату и минут двадцать разговаривали. Сквозь двери было слышно, как сначала милиционер от чего-то отказывался, потом все-таки согласился.

Михаил вышел довольный, он по-своему похлопывал Табакеркина по спине и радостно улыбался.

— Все, Коля, пошли. Мы все решили. У нас все будет по закону. Правда, по закону? — Миша наклонился к милиционеру.

Тот послешно закивал. Правда, правда.

Со двора Коляного дома выкатил джип и понесся по деревне. В машине кроме Миши сидели милиционер и задумчивый Колян.

А в клубе сидела молодежь призывного возраста. Дышалось. Отопление было разморожено. Молодежи было немного — человек двадцать. Перед рядами уверенным армейским шагом ходил подполковник в отставке Скарлыгин.

— Товарищи, вы все будущие солдаты. Вы должны понимать значение дисциплины. Вооруженные силы в моем лице собрали вас для выполнения серьезной задачи — обеспечение порядка и сохранение законной власти во вверенной мне деревне.

Кто подполковнику вверил эту деревню, и кто уполномочил его на какие-то действия по наведению порядка — осталось тайной.

После того, как Скарлыгин с зятем прикончили весь самогон, подполковник огляделся, встряхнулся, вспомнил, что он бывший военный и приступил к выполнению плана. План он держал ото всех в тайне, тем более он мог под воздействием обстоятельств измениться. Сначала в сельской администрации, он достал списки призывников, потом час сидел, выписывая повестки. Подписывался Скарлыгин просто — уполномоченный по ОП (особому положению) подполковник Скарлыгин. Даже без печати, повестки действовали.

— Товарищи, все сейчас понимают бедственное положение страны, поэтому я приказываю, — голос военного стал властным, — сохранять спокойствие. Вы должны выполнять только мои команды.

Подполковник говорил еще полчаса. Он сначала пугал внешней угрозой, затем внутренней, закончил же, как настоящий политик — лестью.

— Государство и Родина надеется на вас ребята, вы оплот Отчизны. Вы будущие герои....

У многих призывников мелькнула мысль: «Чечня?» Но о Чечне подполковник не говорил. Многие так ничего и не поняли. Знали, только, что завтра им всем надо быть в клубе в десять ноль-ноль.

Скарлыгин снова сходил в администрацию и лестью, но больше угрозами вытянул сведения об отставниках. Оказалось в деревне живет три офицера запаса и два прапорщика, остальные рядовые. Негусто. Но ничего и таким подразделением можно навести порядок. А что потребуется, Скарлыгин не сомневался.

Офицеров Скарлыгин обошел лично. Объяснил им ситуацию, они все поняли и согласились встать в строй. Рядовым запаса подполковник выписал повестки, по ним они должны были явиться к девяти тридцати утра в деревенский клуб.

Все складывалось как нельзя удачно. Скарлыгин великолепно выспался, сделал зарядку, умылся, и плотно позавтракав, пошел в клуб. В зале сидело человек сорок. Бывшие солдаты увидев Скарлыгина, стали возмущаться, но офицеры быстро навели порядок. Время приближалось к десяти часам. В зал клуба стали заходить жители деревни. Их становилось все больше. Что такое? Подполковник занервничал, желваки заходили по скулам. Он скорым шагом направился в кабинет заведующего. Закрыто. Ах, гад! И ничего не

сказал. Что он тут придумал? Кино, что ли?

Но никакого кино не ожидалось. Оказывается, это коммунист Стешин подсутился и столкнулся с завклубом, о том, что снимет на два часа зал для торжественного собрания.

Началась неразбериха, все рядовые запаса, офицера, зеленые призывники перемешались в толпе, и безуспешно подполковник старался навести порядок.

Интересно, то, что демократ Федор тоже договорился о зале на десять часов утра.

Три лидера разных течений стояли сейчас в проходе и негромко выясняли отношения.

Народ прибывал. Всем хотелось узнать свежие новости, да и просто пообщаться.

В проходе страсти накалялись. Давил, конечно, военный, однако демократ и коммунист не поддавались. Они тоже сыпали словами, среди которых слышались: «Родина, Отечество, народ, благосостояние» и другие не менее важные слова.

Первым не выдержал подполковник. Он слегка оттолкнул демократа Федора, слишком уж напирало на него. Тот с нервным криком отлетел в сторону. Скарлыгин посмотрел на свою ладонь, на Федора. Неужели он так сильно толкнул? Подполковник не понимал, что наторевший в политических баталиях, Федор, конечно, воспользуется промахом Скарлыгина. На защиту демократа из рядов уже выбирался брат. Долго не разговаривая, он съездил подполковника по уху. Того снесло на стену. Однако военный тоже не лыком шит, он тоже не подкачал и крепко вмазал солпернику, но по пути зацепил коммуниста.

В клубе началось побоище. Какое там стенка не стенку! Здесь был каждый сам за себя. Дрались ожесточенно, вкладывая всю свою удаль. Трещали ряды стульев, ряды зубов, рвались рукава, отлетали пуговицы....

Миша и Николай, тем временем под шумок свезли к себе всю водку, спирт и самогон. Миша очень гордился блестяще проведенной операцией.

Вчера, взяв участкового, они объехали несколько точек, где продавали спиртное. Милиционер провел небольшой обыск и описал всю водку и спирт.

Вечером, когда в домах затеплились свечи и керосинки, Миша новый русский обошел все точки, а их оказалось не мало, и поговорил с хозяевами. Немного попугав их, он тут же предложил деньги. Продавцы «паленки» для виду поторговались и отдали все разом. Долго еще в домах слышен был шелест бумажек. Некоторые разглядывали на неверном свете свечи зеленые доллары. Поеззло, так поеззло. Никто, так ничего и не понял.

Остаток ночи и часть утра, Миша с братаном занимались перевозкой спиртного. К одиннадцати дня все было закончено. В избе Коляна все комнаты были заставлены ящиками с самодельной водкой. Одна комната была забита канистрами со спиртом. Подполье

тоже оказалось заполненным спиртным. Миша с наслаждением уплетал жареную курицу и довольно посмеивался. На лицах Коляна и Натальи явственно читалась тревога. Что же сейчас будет? Дом-то превратился в склад.

— Ну, все! Мы монополисты, родственнички! Скоро к нам потянутся на водопой....

— А если кто-то оставил?

— Ничего, с ними участковый разберется. Для того он и поставлен. А у меня все законно. Я мента на работу принял, пусть отработывает.

В клубе сражение закончилось. Гошу, заведующего, не нашли, он куда-то скрылся. Возбужденный дракой народ расходился. По привычке потянулись к «точкам». Время подходило, да и душа требовала «дозы», так в деревне называли стакан спирта.

Сунулись в одну «точку» — ничего, в другую — также. Через полчаса у ворот Колиного дома собралась небольшая толпа.

Миша смотрел из окна и улыбался. Ворота открывать не спешил. Пусть еще помучаются, дозреют. Обстановка накалялась. Миша, как опытный актер выдержал паузу и, наконец, вышел.

— Миша, привет!

— Счас, ты торгуешь?....

— Мишаня, «дозу» надо, нутро горит....

Толпа волновалась.

Миша открыл ворота, все замолчали. Он сказал несколько слов ... и началось.

— Побойся бога, Мишаня!

— Живоглот!

— Ты, что ошалел!

— Да шутит он....

Миша на живоглота обиделся и еще поднял цену. Огорченные колхозники горестно расходились. Скоро у ворот осталось два мужика. Они с утра опохмелились и сейчас захотели продолжения.

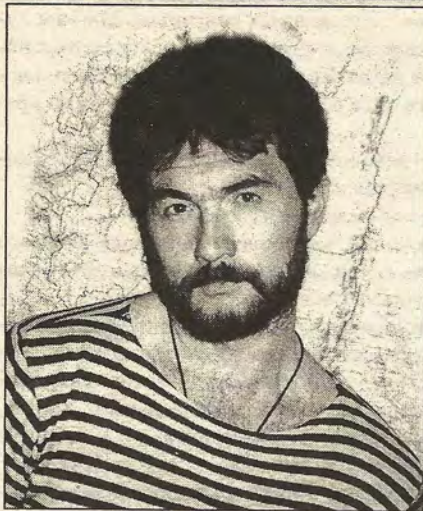
Торговался Миша недолго, как первым покупателям, он сделал скидку, продал «дозу» за двойную против обычной цену. Мужики ушли, матерясь, но, тем не менее, с долгожданной «дозой».

Через час прибежал еще один мужичок, и, оглядываясь по сторонам, выложил мятые десятки. Так же незаметно он скрылся, прижимая в кармане вожделенную «дозу».

До обеда Миша отпускал спирт по тройной цене, после обеда поднял еще. Деревня взвывала, но деваться было некуда, пить-то надо, и смирилась.

Участковый тем временем выловил двоих, подпольно торгующих спиртным, и они сами привезли канистры, и сдали Мише. Тот через милиционера передал им деньги, которые естественно не попали по назначению. Деньги остались у Табакеркина. Как же? За что им платить? У них по закону конфисковать все надо. Что участковый и проделал.

(Продолжение следует)

Мир спасет доброта

Мне не хотелось бы спорить с классиком, утверждавшим: « Мир спасёт красота». Не хотелось бы, но приходится. С вершины своего восьмидесятилетия я свидетельствую: « Мир спасёт доброта». Красота же, точно, как и любовь, неразрывно входит в понятие доброты, она как бы её составная часть. Собственно, всё это хорошо согласуется с народным опытом и христианским вероучением. Искон века живут пословицы: «Добрым путём Бог правит», «Не ищи красоты, ищи доброты», «Во зло жить — по миру ходить».

Доброта всегда побеждает зло, как бы оно не сопротивлялось, каким бы оружием не обладало. Вспомним Великую Отечественную. Большими жертвами, но зло было побеждено. И в литературе, если иметь в виду всю мировую классику, в конце концов торжествует доброта. Если же верх берёт зло, то сердце читателя проникается ненавистью к нему, и это тоже приводит к доброму началу.

Особое место в литературе занимает поэзия как наиболее мобильный вид искусства. Романы, повести нередко пишутся годами, а стихи тут же откликаются на повседневные события. И живёт долго та поэзия, которая до разрыва сердца бьётся за доброту, не приемля и зачатков зла. И мне больше по душе жизнеутверждающие поэты. Многих из них я бы мог назвать поименно, но не буду: они у всех на слуху. Остановлюсь на одном имени: Евгений Бунтов. Знаю его давно. Стихи Евгения легко ложатся мне на сердце.

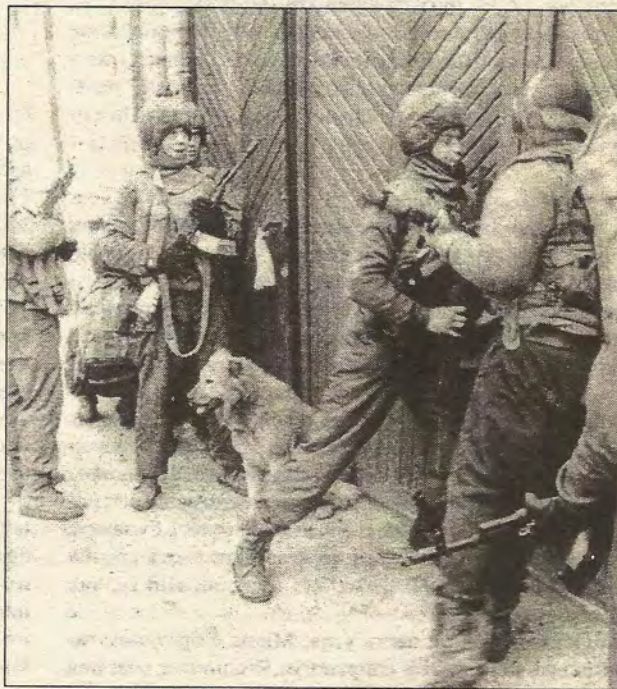
Евгений БУНТОВ

...И в двери эпохи входя,
не споткнись о порог
меж злом и добром —
этот контур размыт и не точен.
На стыке поступков,
на стыке сердец и дорог,
на стыке болит
и сильнее всего кровоточит.

Сердце поэта переполнено любовью ко всему живому. Оно «кровоочит», если видит, как зло поднимает голову и по-сатанински творит свои чёрные дела. Тут поэт бескомпромиссен: он встает грудью на защиту добра. А это присуще только сильному поэту, живущему и творящему по законам доброты и Христовой веры. Другой путь — это путь ко злу и ненависти, которых не приемлет никакой народ. И повторюсь. Добро и только добро, утвердившееся в сердцах людей, принесет на землю мир, благоденствие и счастье.

Пусть помнят это всегда молодые читатели журнала.

*Венедикт Станцев,
член Союза писателей России.*

Чечня. Фото О. Смирнова

Руси забытый голос древний
почудится — свечой сквозь мрак.
Где тело вымершей деревни
с размаху брошено в овраг.

Что мне до скорби этой давней?
Но вниз спускаюсь не спеша...
И в заколоченные ставни
стучится ласточкой душа.

О, это русское безмолвье,
угрюмый прикус языка!
Строки
студёное зимовье,
где простирается рука
крылом
неоперённой птицы,
прочь не способной улететь,
но космос уместившей
в клеть
математической страницы.

На стыке

Выжившим в Чечне

В развалинах храма
ветрище стонал от тоски,
взывая туда,
где небес голубая равнина...
На стыке религий
порублена вера —
в куски! —
кривым мусульманским ножом
и мечом славянина!

Кто истинный Бог на земле?
Хочешь выжить — соври!..
Лишь мытаря плеть
в табуне человеческом властна!
На стыке веков
безнадёжной истории крик
напомнит о чём-то знакомом,
забытом, ужасном...

И в двери эпохи входя,
не споткнись о порог

меж злом и добром —
этот контур размыт и не точен.
На стыке поступков,
на стыке сердец и дорог,
на стыке болит
и сильнее всего кровоточит.

Иную долю поищи
и возвращайся — ниоткуда...
Земли могильные прыщи
таят вселенскую остуду!

И душу нечем веселить,
когда под сердцем млечный омут.
И невозможно по другому —
все беды с Родиной делить!

Из звёздных кладовых
твой беспокойный нрав,
чтоб выкрасть у земли
вкус тайного настоя...
По-своему пойми
подлунный шёпот трав
и полудетских губ
желание простое...

Сквозь бездорожье снов
заклятье повтори,
пока лучиной дня
пространство не разъято.
И неба влажный лист
с потёками зари
опустится к ногам
торжественно и свято...

Учись — словам простым
свет придавать иной.
Оставь — что важным быть
для сердца перестало.
По-своему пойми
свинцовый взгляд сквозной
той жизни, что в петлю
толкнёт рукой усталой.

И взор,
и мысли,
и душа
по птичьей —
трепетно летучи.
А плоть земли
прилежно учит
ходить,
считать
за шагом шаг.
Растить детей,
и строить дом.

И называть его
гнездом.

Дом поэта.
Тупые ножи.
Пыльный грим
шумных клавиш паркета.
Серый плащ уходящего лета,
и по комнате —
мыслей стрижи...

Дом поэта.
Бессонницы плен.
Грусти вздох и
отсутствия эха.
Одиночества зыбкая вежа
и души настроженный крен...

Дом поэта.
Вселенская мгла.
Водопой одичавших созвездий.
Млечный путь —
от вины до возмездий...

Всё,
что ты полюбить
не смогла.

Впрок
тоски запасено,
яма памяти
глубока...

Не в небесном,
а в земном
рассмотреть
хотелось Бога.

Пыль-дорога
в два конца.
Под рукой
раздумий посох.
Сына, Духа и Отца
догоняй
ногою босой!

Как краюху,
раскроши
сердца стук
по светлой роще,
где Расеюшка
лежит,
разбросав
святые мощи.

*На Вознесенской горке в Екатеринбурге
на месте расстрела семьи Николая II
когда-то был установлен белый крест.*

Вздрыгнет гавань небес —
залп!
И души причалят.
Белый свет — в белый крест
вознесенской печали.
Век усыпан костями!
И за гранью терпенья
лики
 царской семьи.
В ночь,
 в подвал,
 по ступеням...
Смерть, как девка, красна —
нам, потомкам Юровских!
Что посеяно в снах
колеи коптяковской,
в нашу явь проросло.
И взошло — воздаяньем!..
Время, правда,.. излом.
Долог путь к покаянью.

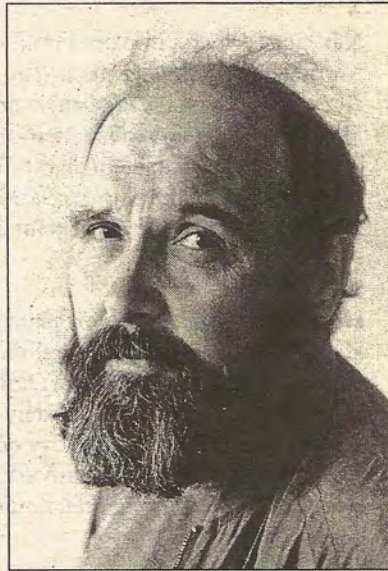
Юрий КОНЕЦКИЙ

Коротко об авторе:

Поэт, переводчик, историк литературы. Родился в г. Серове 25 мая 1947 года. Еще в юности печатался в городской и областных газетах.

Окончил Высшие Литературные курсы СП СССР. Участник европейского и всемирного форумов поэзии. (Франция, Россия). Создал в Екатеринбурге Цех Поэтов. Составил и издал трехтомную «Антологию Цеха Поэтов. Русская поэзия Урала XVIII - XX веков». Руководит литературным объединением «Горный родник» при Уральской горно-геологической академии, главный редактор художественно-литературного журнала «Магический кристалл».

Книга избранных исторических поэм и баллад «Скрижали» была выдвинута на Государственную премию. Академик Поэзии.

Ржевское лето

Я убит подо Ржевом
В безымянном болоте...
А. Твардовский

1
Во Ржеве судьба сберегла колокольню.
На горную твердь вертикальную штольню
Не тронули немцы, не грохнули мы,
Поскольку нуждались в прицельной наводке,
Не зная удобней церковной высоты...
Про это сказали мне местные тётки,
Что ходят во вдовах с военной зимы.

2
Дремотное лето. На выгоне — куры.
Классический памятник архитектуры
Удобен для трезвого взгляда окрест.
Подошвой сминая помёт голубиный,
Всё выше кружу по ступеням старинным,
Но возле небес я восторг не отрину,
В проёме застыв нараспашку, как крест.

3
Где Волги излука и домиков крыши,
Сирень парашоты живые колышет.
Как аэродром — недокошенный луг.
У трактора возится парень в моторе,
И как телефонные трубки в конторе,
Орут петухи вперебóй на заборе,
К себе подзывая заблудших подруг.

4
Привет тебе, мир и простецкий и курий!
Конецкий здесь некогда без вести Юрий
Пропал на незнаемой мною войне.
Молоденький дядя, семейное древо
Собой не продолжив, близ города Ржева
Ушёл бесфамильно в земельное чрево...
Воскресшее имя даровано мне.

5
Стоит среднерусское спелое лето.
... Назад с колокольни, что всё же задета
Огнём пулемётным и просто огнём,
И колокол снят, и пустые глазницы
Глядят, как слепцы, мимо волжской водицы
В окрестную даль в направленьи границы
Ромашковой ночью и яблочным днём...

6
«Памиром» продрав запершившее горло,
Кузнец на рассвете колдует у горна,
Щипцами сгребая малиновый жар,
И кнопкой ракетно включив поддувало,
Глядит, как прутка раскаляется жало —
Я ж молотобойцем, ни много ни мало,
Прицельную силу влагаю в удар.

7

Как сизые птахи, порхают поковки.
Метизы, накладки, подковы, подковки
Летят с наковальни за тёмный порог.
Неделя-вторая проходят в работе,
Такая усталость навалит к субботе:
Дойти бы до койки в поту и замоте
И дрыхнуть весь допонедельничный срок.

8

Но выйдешь из кузни, а рядышком — Волга.
И вплавь одолеть её дело недолго,
Ни Камы ещё нету в ней, ни Оки.
Усталость долой, словно жжёную робу.
Тоска? — Не слышали про эту особу,
Вкушая прохлады роскошную сдобу,
Кольша рыбацких снастей поплавки.

9

«Айда на окопы!» — упорствует Ванька
И машет рукою калеченой: «Глянь-ка,
Вон авиабомба в реке под кустом...»
Лежит смертоносная ржавая щука,
А Ваньке беспалому всё не наука -
«Взорвался запал...интересная штука,
И грохоту было на целый детдом!»

10

В общаге у нас его кличут «матросом» -
Всегда просыпается с мокрым матрасом,
Выносит сушить на верёвку во двор,
Девчата смеются, жалеют старухи,
Ребята обидно дают оплеухи,
Идут про него нехорошие слухи,
Он замкнут и зло переносит позор ...

11

Околица... Раннее утро пастушьё.
На травах — не сбитой росы простодушьё
И где жаворонок неведомый сей,
Что славит поля и тенистый орешник? -
И слушая, сердцем светлеешь, насмешник,
Как после прощенья сияющий грешник,
Отрекшийся от сумасбродных идей.

12

И мимо обугленных сёл, где по плечи
В бурьяне стоят погорелые печи
Большими надгробьями вдоль большака,
С одним рюкзаком в путешествии пешем
Идём вдоль лугов и болотных пропешин

С Иваном, что знает тропинки, как леший,
Где пышут рассветною искрой стога...

13

Мы вышли к окопам вдоль мрачной опушки,
Где вдовий жалкующий голос кукушки
Печаль отряхнул, словно с веток росу,
Где ржавая, крупновской выделки каска
Лежит, как её шибанула фугаска,
А кость из песчаной земли, как указка,
Торчит, указуя на мины в лесу...

14

Здесь столько легло вперемешку народу!
Нашли три запала мы с Ванькою сходу,
Надрали сухой бересты для костра,
И чубчиком взвился огонь настоящий...
Невзорванных мин натаскали из чащи,
И Ванька сопит: «Громыхнёт подходяще...»,
Ладонью без пальца смахнув комара...

15

Бравада? Ребячество? Склонность к корридам?
Нырок и — ползком по окопным корытам...
(А грохнет когда, — неизвестно... «Гляди,
Не лезь на рожон, — держит Ванька за локоть, —
Шарахнет, и нет тебя больше...» — Ни окать,
Ни акать не станешь — в два счёта уокать
Сумеет взрывчатка, — спокойней сиди.

16

Молчим в ожиданье роскошного взрыва!
Неспешная Волга течёт у обрыва —
И перебожблена, да не умерла,
И не затихают былинные волны,
Сбегаются, плещут о берег, задорны...
Но, чу! — хриплый лай пионерского горна
Меняет, как полюсы, наши дела.

17

В окопчике мы, а они — на ладони.
Того и гляди смертоносные кони
Трофейного взрыва размечут отряд...
Колотится сердце, как пленная птаха,
В смертельной тоске от бессилья и страха —
Вмиг, будто под ливнем, намокла рубаха
И холод пронзает с макушки до пят.

18

Ты шел поиграться в войну, как в киношку,
И дымный костёр смастерил понарошку,

Остатками боя повыволожив дно,
Но ждать, чтоб осколками теми стальными
Повыбило тех, кто шагают живыми? —
«Умри, но спаси своё честное имя, —
Успел я подумать, — ведь смерть не кино...»

19
И выскочил я из окопа у Волги,
Почти ощущая, как режут осколки
Мне спину, и как наплывает волна
Взрывная...

«Ложись! — я орал пионерам,
Что к нам приближались походным манером
Убийственным полем, как праздничным сквером, —
Сигайте под берег, иначе — хана!»

20
Едва собрались под обрывом размытым,
Как взрыв развернулся смертельным копытом,
Тринитролуолом плеснув в небосвод,
И эхо, как шар, покатилося ко Ржеву...
...И слушал я, лыбясь, вожатую деву,
Что мне прочитала мораль с перегреву,
Бросая бульжины в мой огород.

21
Салют пионерам, их мирным досугам!
Отделался Ванька бодрящим испугом —
Вполуха оглох, но под вечер прошло.
И возле другого костра, на поляне,
Я слушал в речном поколенном тумане
Секретный рассказ, как ребята-волжане,
Два Вани украдкой ушли за село.

22
Ребята в детдоме украли верёвку,
А бомбу — и тут проявили сноровку! —
За стабилизатор втащили, за хвост.
Верёвку на дуб перекинули сходу,
В ближайший окопчик нырнули, как в воду,
Вдвоём подтянули стальную колоду...
Расчёт архимедов до ужаса прост.

23
О землю шарахнет, лишь выпусти кончик
Из пальцев... Мальчишеский замер окопчик, —
Не стукнулась бомба — весит на весу,
Петлёй захлестнулась верёвка, наверно, —
Болтается медленно невероятно
Со смертью цистерна... Скрипит равномерно
В кладбищенски жутко притихшем лесу.

24
А кончик верёвки за брустверным валом
Лежит как змея с угрожающим жалом,
Схватить бы её поскорей, и — назад...
Там — петлю раздёрнуть рывком настоящим,
Чтоб бомба ударила носом торчащим
О камень, под этою бомбой лежащим,
И вдрызг разлетелась, разбрызгав заряд...

25
Не остережены ребята отцами,
Полез за верёвкой, как за огурцами,
В детдомовской маечке рыжий пацан:
Встал пяткой босою на Ванькину спину,
Бесстрашно ступил на заросшую глину:
«Сейчас я верёвку обратно закину...» -
В беззвучном рыданье зашёлся Иван.

26
«Куски... Схоронил... Что нашёл по округе...» —
Нелепую правду о взорванном друге
Поведал Иван, и зубами стуча,
Глотал кипяток, побелев, как с мороза...
Костёр полыхал что кровавая роза,
К нему, принимая балетные позы,
Летели подёнки по зову луча.

27
Живые снежинки, подобно метели,
Крахмально шурша, из потёмок летели,
Крылатою страстью светлы наяву,
Заряжены генами автопилота,
Пылая огнём продолжения рода,
Те эфемериды в экстазе полёта
Костёр пронизав, упали в траву...

28
Склоняла берёза плакучие пряди
Над лугом, над Волгой, над памятью дяди,
И ночь шифровал на морзянку сверчок..
... Враги появлялись в ночной полудрёме,
Но Ванька стоял с пистолетом на стрёме,
И пальцем, оторванным напрочь в детдоме,
По снайперски мягко цеплял за крючок...

1996-2002

Борис ТЕЛКОВ

Коротко об авторе:

Родился 14 января 1961 года. Окончил Горный техникум в Нижнем Тагиле. Служил в армии в звании старшего сержанта на должности заместителя командира взвода.

Строил дороги, работал в карьере, в отделе снабжения.

Творчество: пишет с 15 лет, печатался практически во всех изданиях. В 1998 году выходит в свет его книга «Время ночного чая».

С 2000 года является членом Союза писателей России. Руководит литературно-художественным клубом «Бонар».

Вечер веселого мецената

Старожилы свиты, эта элитная прислуга, меж собой позволяла себе называть хозяина Слоном, эту кличку, нет! — название придумал бывший учитель зоологии, а теперь дворцовый определитель самочувствия фазанов, собак, рыб и кухонный философ. Связь между неутомимым денгомесом и флегматичным животным, похожим на дирижабль, заключалась не только в их гиперболических размерах и аппетитах, а еще и в том, что оба были не защищены от мира тонкой кожей перерезанного помидора.

Хозяин был по-нероновски чувствителен к мелочам, и дворцовые люди не раз видели, как он нервно бегает по старинному янтарному паркету, раздосадованный чьей-либо бестактностью, совершенной за ужином, и из-под его войлочных тапочек с треском выстреливают длинные зеленые ряды.

Он любил, когда его российскую, крепкую, как неторопливо облизанная после жирного борща деревянная ложка, фамилию Дементьев произносили на французско-дворянский манер с легкой кошачьей растяжкой после первого слога — Дэ Ментьев. Такому славному богачу очень сложно было отказать в подобной бездельнице, которая, если подумать просто, без всяких эквивоков, есть не более, чем краткая, безвредная задержка дыхания и оледенение одной-единственной, чересчур нежной гласной из-за возникшего сквозняка в слове.

Из солидного банкира обратившись в легкомысленного мсье Дэ Ментьева, хозяин упорхнул

во Францию, а когда вернулся, привез с собой тоску по хорошему вину. Подставив под прохладные ощупывания свою пухлую, умащенную благовониями шею, он жаловался своему доктору, что чувствует в горле спазмы всякий раз, как приходится принимать вина с родословной, короче сотни лет.

И вот однажды, узнав о новой страсти своего хозяина, кто-то из слуг, верно, из простого желания угодить, рассказал ему древнюю кавказскую легенду о вражде двух князей, которые повздорили так давно, что никто не помнил причин ссоры. А между тем бесславно гибли воины с той и другой стороны, нищали оба княжества, страдал также и бедный крестьянин, чей виноградник находился как раз на границе этих владений.

Когда бесконечные набеги и пожары сделали тихий, кропотливый труд виноградаря невозможным, он взял два последних кувшина вина и отправился в пространство смерти, по краям которого уже гарцевали всадники. Винодел опустил кувшины на землю посреди поля. «Эй, старик, ты, кажется, перепутал базар с полем битвы?» — громко крикнул один князь, едва сдерживая изувеченной рукой беснующегося коня. «Нет, мой господин. Я хорошо знаю, куда пришел. Когда-то у меня был виноградник и столько вина, что я смог бы утолить жажду и развеселить обе дружины, но с тех пор, как вы враждуете, я бессилен перед своим виноградником. Эти два кувшина — последние, что у меня остались, в одном — вино еще с мирных времен, вобравшее в себя солнце, песни и смех древ-

них застолий, а здесь — вино, познавшее вкус крови. По цвету и аромату они очень похожи, но одно из них, едва попав в рот, превращается в тягучий гной. Я оставляю эти вина вам...»

Эта легенда так взволновала мсье Дементьева, что он вскричал с юношеской пылкостью: «Ах, как это прекрасно! Как поэтично! немедленно разыщите мне потомка этого винодела, у меня есть кое-что предложить ему...».

Отпрыск славного рода, сущий зверь по обилию волос, был вскоре найден возле горного ручья, где он охлаждал свои удивительно розовые, почти младенческие подошвы и играл с крохотным пупырчатым крабом. В селении его ждала перепачканная в муке и саже беременная жена и многочисленные, как арбузные семечки, дети.

Потомок винодела был доставлен на яхту связаный с зажатым в кулаке речным крабом. Мсье Дэ Ментьев легко выбежал на палубу, топоча короткими капризными ножками в добротных, сплетенных из волос черных дикарок, сандалиях. Приказав освободить пленника, он щелчком раскрыл золотую устрицу портсигара. Мсье Дэ Ментьев был деловой человек, он сказал: «Слушай, кацо, я хочу отведать вина, которым славился твой предок, мне нужны погреба этого вина, я привлеку лучших художников, и они увековечат мое имя на этикетках. Вот тебе пятнадцать лет, если надо, возьми тридцать, все это время я буду платить тебе хорошие деньги, но потом — однажды — я спущусь к тебе в погреб с лучшими, брезгливейшими дегустаторами Франции, Италии, Испании, и мы попробуем твоё вино. Если после того, как они глубокомысленно ополоснув рот первым глотком и сплюнув его на пол, пожелают принять в себя второй, знай, дружище, ты родился под счастливой звездой! — тебе, а после тебя — сыну, затем сыну сына я буду выдавать щедрое жалование за благородный труд раз в двадцать лет обнюхивать и менять пробки на всех бутылках в моих подвалах. Но если ты не сможешь сделать мне достойного вина, я прогоню тебя вон и крикну вслед, что твоих предков вообще не существовало, а самого тебя нашли в паутине и пещерной плесени...»

Чтобы скоротать время в ожидании солнечного напитка, примирившего грузинских князей, господин Дэ Ментьев нашел себе новую забаву.

Одна мелкая газетенка, подобострастно прогнувшись и прикрыв худой зад прошлогодней под-

шивкой, назвала его «наш уважаемый меценат» — дело в том, что с некоторых пор банкир ежемесячно отчислял из своего кармана деньги на строительство городского храма, так как ему по секрету намекнули, что это может быть выгодно: церковь в его деле, хоть и не очень реальный, даже мистический, но все же необходимый партнер.

«Меценат Дементьев... Дементьев — меценат...» — бормотал он на все лады, шаркая по своему просторному сумеречному кабинету, порой подходя к зеркалу и оглядывая тугонаполненную фигуру узкими, по-рысьи вытянутыми к ушам прорезями глаз — широко распахнутые, как двери, глаза — последнее достоинство нищих. Уже известно, что господин Дэ Ментьев был очень внимателен ко всякого рода мелочам. В звучании слова «МЕЦЕНАТ» он уловил сухое и ровное дыхание вечности, а гармоническое нагромождение каменных букв этого слова напомнило ему египетские пирамиды с вершиной в букве «Е», той самой букве, что трижды появляется в его российской фамилии Дементьев.

Банкир хотел начать свою благотворительность с того, что дать денег редакции этой разнесчастной газетенки на новые штаны, но вскоре с презрением отверг эту мысль, как не содержащую тонкости, кроме того завистники могли решить, что он просто купил редактора. Лишив себя ужина с одной заказной красоткой из варьете и меланхолически выкуривая трубку за трубкой дорогого, с запахом чуть подвяленного абрикоса табаку, он размышлял о том, как сделать меценатство не только благородным, но и приятным для себя времяпровождением. Во всем, что приходило ему в голову, не хватало изюминки, изыска.

Лишь только через несколько дней во всех газетах появилось объявление о том, что известный меценат господин Дементьев готов за свой счет издать книгу любого страждующего — оговаривалось лишь единственное условие — одинаковый объем, как для стихов, так и для прозы.

Невидимая на шумных улицах города, но стремительная по сырým подвалам и продувным чердакам, прошелестела паника среди пишущих, одинокие литературные волки, вырвав из газеты клочок с объявлением, принялись перетряхивать мешки с заплесневелыми рукописями, другие — традиционно сплотившись стайей вокруг кухонного стола за бутылкой самодельной водки, ударились в бесконечные обсуждения странного предложения. Старые стрелянные писаки, обсыпанные пеплом

сожженных рукописей, как перхотью, видели в этом покушение на свободу, молодые дерзкие всезнайки, ухмыляясь, называли таинственного мецената жирным извращенцем.

Не скоро, но перед банкиром все же возник первый робкий писатель, из тех, кому нечего терять, кроме цепочки рифм, измотанного ночными полетами воображения и обглоданного карандаша. Поэт был испуган, с какой жадностью господин Меценат вцепился в нежно перепеленатую алой ленточкой рукопись и, не спрашивая о содержании, тут же предложил подписать кое-какие бумаги и придти через месяц за книгой. Бедолага с жертвенной покорностью, склонив прибитую вечным встречных ветром голову, ожидал ответных кабальных условий договора, но господин Дементьев, крикнув слуге подать две рюмки французского коньяку, вскоре с кошачьей ласковостью ухватил поэта под локоток и провел его до двери.

Ранним утром следующего дня оставшиеся восемь городских писателей — три прозаика и пять поэтов — уже случайно прогуливались у парадного подъезда дома мецената с одинаковой толщины бандерольками, которые они безуспешно и стыдливо, как анализы, пытались спрятать за спиной. Разговор не клеился, они не знали такого языка. Наконец ближе к полудню, сладко выспавшийся, румяный господин Дементьев радостно принял у них рукописи, также угостил коньяком, после чего писатели по-мышинному разбежались в разные стороны, даже не попрощавшись друг с другом.

Целый месяц они томились в своих норах, ненавидя ночь, подстегивая день, лишь только самый старый из них, пьяный и безобразный, шараялся от одного к другому, уговаривая не ходить за книгой, забыть о рукописи: «О-о, я, кажется, понял, с кем мы связались!..»

Никто его не слушал, некоторые даже сочили помешанным от счастья — ведь это была его первая книга.

В положенный срок — день в день — робкое изображение трех прозаиков и шести поэтов смутно проявилось на пороге кабинета мецената. Излучающий благодушие, он поджидал их, сидя в кресле и деля в ладонях миниатюрную, не более бутона тюльпана, чашечку горячего шоколада. У его ног, обутых в войлочные тапочки, руины свежих книг, резко пахнувших желчью и усталым перегретым металлом.

— Прощу, друзья мои! Это все ваше... — и он царственным жестом победителя указал на развалины.

Писатели мелкими воробьиными шажками, стыдясь своего нетерпения и боясь оказаться позади, протиснулись в кабинет, а затем бледными, мечеными чернильными родимыми пятнами руками благоговейно взяли за книги. Выудив одну, другую, третью книгу, они, недоуменно переглянувшись, тихо зароптали. Мало того, что книги оказались одинаковой толщины, одеты во что-то единое, серо-коричневого цвета, но еще лишены имени автора на обложке. В довершение всего кто-то с изуверской тщательностью так перепутал все книги, что авторы около часа, пыхтя и краснея, как на помойке, копались в этой куче. Наконец, набрав по вязанке книг, они хором, правда, нестройно и невнятно, поблагодарили господина Мецената и разбрелись по домам.

Банкир, пригладив свои бронзовые с золотой, как бы электрической искрой волосы, расхохотался от переизбытка чувств.

В течении нескольких дней писатели в своих коморках поджаривались, шкварча и обгорая, на прогорклом масле позора. Они поняли, что над ними зло подшутили, не пожалев для этого даже больших денег: великолепная, шелковистая, как снежный наст, бумага, изящный, витиеватый шрифт напоминал ходы жука по белому дереву, ни единой поправки, опечатки. Вот только обложка: то, что казалось им серо-коричневой абстракцией, явилось рисунком среза земли в глубину с бледной, нищей бахромой корней растений, полусгнившими щепочками, личинками, камушками и прочим прахом. Все это означало, что для своего благодетеля, они, при всем своем разнообразии странных склонностей, лишь пласты земли с одного садового участка, где скучающий дачник в белой панаме — сам господин Меценат. Трудно вообразить, какие еще более оскорбительные ассоциации вызвала бы подобная обложка у писателя с громким именем, но литераторы этого города — три прозаика и шесть поэтов — не только не ведали о поклонниках, но и не знали в лицо ни одного читателя. В городской управе даже стоял вопрос, нужны ли городу вообще такие писатели.

Годы безвестности и немоты вокруг себя научили их смирению и простоте, поэтому прошло совсем немного времени, и писатели, пережив поодиночке позор, как ветрянку, вновь показались на улицах города. Прихватив с собой два-три томика, размашисто подписанных со сладким замиранием сердца, они отправились с визитами к под-

ружкам и даже просто знакомым. Им хотелось отведать хоть немного славы. Но тут их подкарауливал второй, продуманный и метко направленный удар господина Мецената. Всюду на чужих полках им попадались точь-в-точь такие же томики своих братьев, среди которых собственный мгновенно терялся. Кроме того, в магазины города также поступили книги с землистой обложкой, вызвав у покупателей пуганицу и раздражение — выставленные в доминошный ряд они воспринимались, как собрание сочинений одного из писателей, того, чей томик первым оказывался в руках любопытствующего.

Это было чересчур даже для таких никому ненужных, кроме себя, писателей — с ненавистью детдомовцев они рвали похожие обложки, а при случайной встрече друг с другом спешно перебежали на противоположную сторону улицы.

Год спустя заскужавший господин Дементьев решил отпраздновать юбилей своей издательской деятельности. На вечер были приглашены все те же писатели.

Шестерых поэтов и трех прозаиков встретили девять прекрасных дам: брюнетки с алой розой на роскошной груди сжигали страстью черных роковых глаз прозаиков, пестрая стайка воздушных блондинок, щебеча, запорхали вокруг поэтов. В зале их ослепило сияние хрустального города на белоснежной скатерти, квартет чопорных скрипачей в зеленых камзолах держал на взлете смычки, а сам господин Меценат во фраке и белом галстуке от лучшего европейского портного стоял во главе стола с бокалом красного старинного вина из погребка графа Ротшильда. Благодетель произнес тост в честь гостей, в котором радушие хлебосольного хозяина гармонически сочеталось с холодной сдержанностью солидного человека. Отпив глоток из бокала и сладко почмокав губами, он взмахнул платком, и грянула музыка.

Великолепие зала, сказочные яства, надменность музыкантов в напудренных париках и шаловливость дам — все это разом обрушилось на тихих скромных писателей, придавило их и теперь они сидели, черным частоколом вбитые вокруг стола, роняли ножи с позолоченным лезвием и тут же с испуганной поспешностью поднимали их с пола, дабы никто не заподозрил их в воровстве, расплескивали вина, оставляя на белой скатерти кровавое пятно своего позора. Неловкость, даже угрюмость гостей нимало не огорчила самого господи-

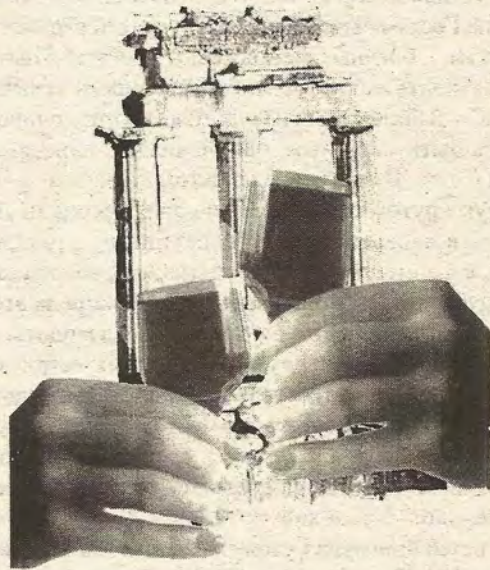
на Дементьева. Предложив писателям произнести ответный тост и увидев на их лицах ужас отличников, впервые не выучивших урок, он церемониально три раза хлопнул в ладоши, и в зал торжественно внесли дичь.

Поняв, что никто из присутствующих не может состязаться с ним в красноречии, он приказал слугам мгновенно подливать в пустые бокалы и теперь уже сам произносил тост за тостом. Время шло, было выпито немало вина, но, не смотря на старание дам и дворцовой челяди, писатели не пьянели, так как предчувствовали: то, ради чего они собрались здесь, еще впереди.

Спасение могло придти лишь в единственном случае, если господин Меценат от чрезмерных возлияний и обжорства рухнет под стол, но на это рассчитывать не стоило — сегодня, как никогда он был в ударе и все толкал, раскручивал карусель дьявольского веселья.

Высокие, под потолок, часы, привезенные из Англии, пробили полночь.

Господин Дементьев, выбравшись из-за стола и слегка покачиваясь, постучал вилок по хрустальному графинчику. Дождавшись тишины, он с характерной для него ухмылкой предложил еще раз выпить за собравшихся писателей, которые, по его мнению, являются хорошо унавоженной, пардон, удобренной почвой, где должна произрасти куль-

тура...

После этого тоста с писателями — шестью поэтами и тремя прозаиками — уже никто не церемонился. Музыканты, эти напудренные палачи в камзолах, натянули на скрипки нервы, прекрасные дамы, обратившись в продажных девок, облепили своего покровителя, а тот, хохоча, все норовил соскользнуть рукой по глубоко декольтированной, увиливающей змейке горячей спины к спокойной, шершавой прохладе округлых ягод. Выглядывая из-за оголенных плеч и локонов, господин Меценат, тыча вилкой куда-то на середину стола, уже кричал: «Эй, ты, Гюго, да-да! — я тебя назначаю Гюго, подай-ка мне вон ту куропаточку, да поживее!...»

Наконец, одурев от духоты и разгоряченных женских тел, он шлепками разогнал девиц, а в музыкантов запустил огрызком банана. С минуту банкир, чмокая губами и отпыхиваясь, разглядывал полуобморочных, потупивших глаза гостей, потом, вскинув руку, как затвором, щелкнул пальцами. Все девять писателей — три прозаика и шесть поэтов — поняли обреченно, что пора примерять белые рубахи, вот оно... Слуга в ливрее с мрачной, каменной торжественностью, с какой подносят топор палачу, прошествовал через весь зал с огромным серебряным подносом, на котором возлежали девять книг в землистой обложке.

Вывхватив первую попавшуюся книгу, господин Меценат распахнул ее наугад и, елозя по странице полуобглоданной костью, принялся читать, то с дурашливым пафосом, а то кривляясь и корчась от смеха. Гостям была видна лишь серая поверхность книжки, и бледные, напряженные писатели пытались угадать имя автора по обреченности в глазах, но самый несчастный из них тоже вертел головой, боясь быть узнанным, обличенным в написании этих строк. Взвизгнув фальцетом на каком-то чересчур крутом словесном выраже, господин Деметьев зашвырнул книгу через плечо — та полетела, взбалмошно хлопая страницами, как курица с отрубленной головой крыльями. Вскоре за этой книгой порхнула вторая, третья, пока в одной из них веселый банкир не нашел нечто такое, что заставило его просто согнуться от смеха. Несколько раз он пытался прочесть это место вслух, но безуспешно: «Ну вот, ага... умора, смотри-ка, что пишет.. ха-ха, ишь ты, пачкун моей гостиной... Нет, вы только... Ха-ха-ха!»

Гостей пригнула к столу каменная минута ожидания, пересохшие губы мелко тряслись в молитве: «Боже мой! Только бы не моя книга...», девицы

с улыбкой недоумения переглядывались меж собой, зябко пожимая прелестными плечиками. Но господин Меценат все хохотал и хохотал, не в силах уже вымолвить даже слова, и, казалось, нет такой силы, способной остановить разрушительную лавину его дикого веселья, как вдруг те, кто в это время смотрел на его багровое лицо, вернее, черную бездонную пасть в спазмах смеха, заметили, что он резко дернулся на вдохе, подавившись какой-то крошкой, пищевой мелочью. Господин Деметьев судорожно взмахнул руками, выронил книжку — стоявший за его спиной квартет вскинул смычки — и хрип хозяина заглушили звуки шальной польки. А Меценат, кровавая шею, уже рвал ногтями ворот дорогой рубашки: стоя по поясу среди немислимых яств, он, выпучив глаза, с лицом цвета сливы, просил, нет! — требовал единственный глоток воздуха... вскоре, пуская пузыри изо рта и носа, он рухнул на спину, волоча за собой скатерть с хрусталем...

Дамочки, пискнув, брызнули от стола. Господин Меценат оказался нечеловечески тяжел, и четверо здоровенных слуг не смогли взять его на руки, а поволокли эту глыбу в кабинет по паркету. Седовласый мажордом, взятый в свое время на эту должность из-за презрительной бородавки на нижней губе, пучком салфеток, глядя в сторону, спешно подтер зловонный мокрый след. Во время всей этой суеты совсем забыли о писателях — шести поэтах и трех прозаиках. А между тем они по-прежнему неподвижно сидели в своих креслах, и как только зал опустел, разом, как нищие за монеткой, бросились к оброненной книге, в надежде первыми прочесть имя автора, до смерти повеселившего своего благодетеля.

Громоподобное падение господина Дэ Ментьева об пол услышал упрятанный в погреб потомок винодела. Со стены над лежанкой осыпался привезенный с родины прах предков, и дикое дитя гор в этом шуршании уловило совет бежать из проклятых мест. До рассвета вместе с бывших учителем зоологии они выкатили во двор бочки с вином и с грохотом пустили их вниз по брусчатке в город. Один кувшин они распили в вольере с дремавшими фазанами при свете луны. «Был Слон и нету...» — неизвестно какой смысл вкладывая в эти слова, буркнул учитель и плеснул себе в кружку остатки вина.

Вино было горьким и как раз созрело для похорон.

Татьяна СУВОРОВА

Коротко об авторе:

Родилась в 1966 г. После окончания школы работала в районной газете «Новая жизнь». В 1991 г. закончила журфак УрГУ. Работала в издательствах, журналах, газетах. Редактировала переводы философских текстов. В 2002 г. в издательстве «АСТ» (г. Москва) выпустила авторский сборник «Сердце бездны». Любит экспериментировать, писать в разнообразных жанрах прозы и поэзии. Не признает только скучных и глупых жанров.

Увлечения: их очень много, и порой они совершенно не совместимы друг с другом. Но мир слишком широк, и замыкаться в чем-то одном — значит безбожно обкрадывать себя...

Провокатор

Глазами Зойки

Зойка проревела всю ночь и еле-еле заставила себя сползти с кровати по звонку будильника. Вместо завтрака втолкала в себя десяток таблеток валерьянки и четыре чашки крепкого «Чибо эксклюзив». Так что теперь ее тошнило от кофеина. Вдобавок голова кружилась от недосыпания, а вместо ног, казалось, были одни мягкие, гнущиеся сапожки. Тащиться на трамвайную остановку оказалось слишком тяжелым делом, и пришлось разорваться на частника.

В офисе, глянув на себя в огромное настенное зеркало, Зойка чуть снова не разревелась. Кожа — цвета дешевой бумаги, и дорогие помада с тенями выглядят на этой морде ну просто как издевка. «Вот так и сидят в двадцать пять лет... Нет, даже не сидят, а умирают от инфаркта...» — Зойка вздохнула и от отчаянья даже не попыталась улучшить свой внешний вид. Пусть все видят, как ей плохо...

Доковыляв до рабочего стола, она врубилась компьютер и положила подбородок на тоненькие, тщательно наманикюренные пальцы. Открылась дверь, и в бухгалтерию заглянула Лидка — менеджер по кадрам и подруга.

— У меня Мишка запил, жених, — Зойка мученически глянула на гостью. — Я теперь боюсь за него замуж идти, понимаешь?

Лидка, естественно, ахнула. И тут же немедленно затараторила про «козлов-мужиков», «мою беденькую девочку». Все это выходило у нее очень

шумно, но беззлобно — так что Зойке не было особенно обидно ни за себя, ни за Мишку. Лидка подошла, села на край стола, стала гладить подружку по короткой, модельной стрижке. Менеджеру было под пятьдесят лет, за своим весом она уже давно не следила — потеряв мужа, махнула на себя рукой и стала «жить для людей». Она тщательно опекала всех и вся, принимая любой стиль обращения к себе — от «Лидии Михайловны» до «Лидки».

В итоге все относились к ней хорошо — но особенно с ней не считались.

Недавно сменившееся руководство фирмы об этом, естественно, пронюхало, и Сергей Олегович — шеф — уже всю ругался насчет всей этой «богадельни», «разгона всей этой драной команды» и т. д. Так что Лидка была в числе тех, над которыми угроза увольнения висела всерьез — но искренне ничего не замечала. И пугала клиентов растянутыми вязаными кофтами, попутно растрачивая свое рабочее время на треп с персоналом фирмы.

И сейчас Зойка хлопала в платочек, а Лидка, забыв о всех нужных телефонных звонках, гладила ее по голове, одновременно переключившись с Зойкиных проблем на свои:

— Устала я ругаться с шефом. Он что, не понимает, что купил полуразвалившуюся фирму? Конечно, все ее работники от таких трудностей будут в плохой форме. Мы ж банкротства тут ждали, мы ж не железные, верно?

— Мишка говорит, что до этого не пил, в первый раз наакался...

— Он не сможет найти никого лучше нас, стайкой гвардии, верно поддерживающей фирму...

— Я тарелку у ног алкаша этого чертова грохнула...

— Сергей Олегович приказал давать объявления о вакансиях...

Как раз на этих словах дверь распахнулась. В комнату влетел Сергей Олегович собственной персоной. Подтянутый, невыспавшийся, злой:

— Зоя Юрьевна, к семнадцати ноль-ноль мне нужна динамика поступления-расхода средств. Лидия Михайловна, вы тут говорили о списках вакансий. Во вчерашней «Карьере» наших объявлений нет. Так?

Зойка съезжилась и перестала размазывать косметику по лицу. Шеф гладил на женщин, поджав полные губы. Плохой признак — это уже успели выучить все сотрудники фирмы.

— Вы понимаете, что судьбы людей, их семьи... — Лидка бесстрашно смотрела на осунувшееся за две последние недели лицо двадцатидвухлетнего парня, ставшего руководителем ее родной фирмы. — Ваша ответственность пред их детьми и материальным благополучием...

— Объявления не написаны, — это был не вопрос, а утверждение, сухое, как оберточка чипсов.

— Я хотела еще раз обсудить с вами проблему увольнений персонала, и...

— Впишите свою должность в список вакансий. Увольняйтесь через двадцать дней, со штрафом, — шеф развернулся на каблучках и уже наполовину из коридора бросил: — Богадельня... (далее шла ненормативная лексика).

Лидка схватилась за сердце и чуть не упала со стола. Зойка, забыв о своих бедах, немедленно стала ее утешать, неся чушь о высокооплачиваемых и общедоступных местах для работы. После получасовых согласованных стонов и жалоб на мир и шефа (что для обеих женщин очень скоро стало одним и тем же) Лидка оправила подлинную, бесформенную кофту и мужественно заявила:

— Так. Идем биться и за людей, и за себя. К Антону! Этот новичок уже стал любимцем шефа. Пусть введет его в ум, а заодно пролоббировать повышение наших зарплат, — слово «пролоббировать» Лидка выговорила с особым вкусом. Она в последнее время принялась за освоение новых терминов, и чоем гордилась своими достижениями в этой области.

Зойка, жизнь которой кончилась вчера вечером, решила, что терять нечего. И позволила Лидке уволочь себя из кабинета бухгалтера.

Поручение шефа вылетело из Зойкиной головы одновременно с первым взглядом на Антона.

Новичок и Лидка говорили о всякой скучище: «низкой производительности», «нуждах работников фирмы», «Сергей вкалывает по семнадцать часов в день», «это не дает ему права материть женщин»... Лидка то и дело начинала возмущенно пыхтеть — кричать на Антона ей почему-то было затруднительно, — и без конца теребила старую, аляповатую брошь, красовавшуюся под самым основанием дряблой шеи. Антон говорил и одновременно щелкал клавиатурой, почти не отрываясь от монитора. Зойка же аварийно и умело, почти не подглядывая в карманное зеркальце, приводила в порядок свое лицо. Она медленно и уверенно превращалась в самонаводящуюся торпеду. Цель — Антон (отчество и фамилия пока неизвестны), время для поражения цели (антонова сердца) — по возможности минимальное.

Этот парень был явно лучше Мишки. Непробиваемо-спокоен, аккуратен. Элегантный костюм подобран в тон к волосам (редкость для мужчины!). Загорелый, табаком не пахнет, одеколон какой-то очень легкий, свежий. Прямо-таки картинка из дорогого иллюстрированного журнала, а не живой менеджер. Пару раз он посмотрел на Зойку, и та была окончательно сражена его глазами: сероватыми, излишне поблескивающими — словно бы их владелец принял какой-то легкий наркотик. Но у нарков никогда не бывает таких четких, быстрых движений пальцев по клавиатуре.

Странный человек: и фальшивым не назовешь, и естественным не выглядит. Ну да ладно, идеала не найдешь. По крайней мере, на его месте Зойка уже выперла бы Лидку из кабинета. А этот после двух-трех минут диалога почти замолчал и только временами бросает свое «Понятно»...

Глазами Антона

Работы было много. Женщины приперлись совершенно не вовремя и совершенно не по делу. Но очень легко одновременно и работать, и создавать вид, что слушаешь. Пусть Лидка плачется в воздух, как в жилетку. И пусть вторая, издерганная и бледная девчонка, пожирает его, Тошку, глазами. Жалко их обоих — но не очень серьезно, а так, немного. И ведь ничего им не объяснишь — бесполезно... что же, блин, тут творится со статистикой продаж, какой раззява ее вел... и, блин, голова болит. Но не дай бог Лидка что-то заметит — тут же удушит своим сочувствием и расспросами на темы болезней...

Не зря Серега вчера напился, как сапожник.

Еще бы, такие показатели... Какой дурак поставил Лидку менеджером по кадрам, она же не может не пригревать всех убогих, а убогие и работают соответственно...

— Понятно.

Что понятно — неизвестно, но видимость создавать надо. Балласт бесполезно бить. Но и работать с ними не стоит. Максимум, что следует делать для таких людей — это временами говорить «понимаю».

Ох, старого шефа фирмы сюда бы, да об эти цифры мордой, мордой!..

Глазами Лидки

Она выложила без остатка — так, как когда выкладывалась на комсомольских собраниях. А этому бессердечному карьеристу по-прежнему наплевать на всех и на вся. Робот у компьютера! Лидка только что пару раз сказала ему о его полном беспорядке, о его зависимости от шефа. Не помогло. Муляж безэмоциональный!

А Зюечка, бедолага, уже на него оба глаза положила. Ну, не везет ей на мужиков! Ума у девки нет — вот и липнет ко всем, кто выглядит достаточно интеллигентно.

Ух, бороться тут надо до конца! И с Сергеем Олеговичем, который из ресторанов не вылезает, и с этим выскочкой. Кроме нее, Лидки, никто старых сотрудников не защитит. Никто не напомнит новым хозяевам о том, какие заслуги и какой стаж эти люди имеют. Ну, не могут они работать так, как от них теперь требуют. И что, теперь будут умирать от голода?

А этот артист еще и спокойно, светло так улыбается. Все для него в этом мире на о'кэй ихнее! Надо Зюечку быстрее отсюда увести и окончательно в себя привести.

Только бы не встретить в коридоре начальство — а то оно, хоть и богатое, а материться будет не хуже, чем последние бомжи. Видите ли, бездельничающих нас увидит. А мы делом заняты, мы ближнему помогаем!

Глазами шефа

Так. Бухгалтерия пуста.

Всех этих идиотов порву на клочки! Где эта чертова Зюя?! Она сейчас тут должна торчать, как приклеенная, считать деньги — а, видимо, удрала реветь к черту в угол! Порву!!! Уволю! Не могла другого времени для личных трагедий найти, ...! Как мне с кредиторами при этих идиотах рассчитаться? Они что, дети, ..., что такое работа, ..., не понимают?

Пор-рву!!!

Коридор. Фигура человека и запах водки. Так. Надо стать холодным, вежливым и сказать:

— Доброе утро, Михаил Герасимович.

Глазами Мишки

Мишка (он же Михаил Герасимович) стоял перед шефом и смотрел в паркет. Паркет был чистым — в отличие от Мишкиной совести.

— Почему вы опоздали на полтора часа?

В ответ — вздох и попытка найти тот поворот головы, при котором помятое лицо будет видно хоть чуть-чуть меньше.

— Дышите.

Парень, мысленно помолвившись и кому-то там в небе, и создателям «антиполицая», дыхнул.

Ох, не надо такие таблетки покупать с рук у железнодорожного вокзала — гарантированно всучат подделку...

— Уволен без зарплаты!

... Удаляющиеся четкие шаги шефа. Мишка стоял посередине коридора и держался за голову. В жестком, холодном свете ламп дневного света его лицо выглядело не лучше, чем у больного в реанимации. Ему уже ничего не хотелось: ни говорить с Зюей, ни оправдываться перед Сергеем Олеговичем. Уйти, завербоваться на вахту куда-нибудь к белым медведям. И деньги будут, и работать, авось, там полегче.

Глазами шефа

Блин, что я с ними со всеми могу сделать?! Моя первая фирма, и... Я же в этом бардаке беспомощнее последнего щенка... что скажет отец... я же еще почти не бизнесмен, так, на экономическом учусь... Бред! Я бизнесмен! Я справлюсь, я наработаю опыт, я...

Глазами Зюйки

Кофейник кипел, по комнате плыл горьковатый аромат. Зюйка знала, что от такого питья ей станет еще хуже, но не было сил отказаться от опеки Лидки. Потрясающая женщина! Ее саму вышвыривают, а она так заботится. Вон, шебуршит по всему кабинету, как большая добрая мышь. Заботится...

Зюйка начала нервно, бесцельно копаться в своей сумочке. На записку шефа с объявлением об увольнении без зарплаты она старалась не смотреть. Что делать, что делать... К Мишке? Она же вчера сказала, что никогда, что она раззнакомилась с ним... Он не простит... А хозяйке квартиры надо платить через десять... нет, через одиннадцать дней. Устроиться на новую работу, получить деньги там... Не успеть, все пропало, надо ехать в свой родной поселок...

Только Лидка и может пожалеть...

Пожалеть...

Зойка внезапно подобралась. Антон. Он спокойный и сильный. Он наверняка может пожалеть. Ох, как-нибудь надо сделать так, чтобы он увидел, как ей плохо. У порядочных мужчин вид слабой, несчастной женщины срабатывает, как нажатие кнопки: сразу же начинают помогать... И это можно использовать очень даже неплохо.

Зойка вздохнула. Конечно, не совсем красиво, но выживать-то надо? Итак, задача: попасть в ситуацию, в которой Антон будет просто вынужден пожалеть, вмешаться...

На обдумывание этой проблемы ушел весь конец рабочего дня. Сергей Олегович, на счастье, куда-то убежал и не мог проверить результаты (точнее, не-результаты) Зойкиной деятельности. Уходя домой, Зойка тоскливо поглядела на отключенный, слепой глаз монитора. Вздохнула: ох, как трудно работать. Вот и еще один день прошел, а ничего не сделано.

Нет, надо срочно замуж. Иначе ей не справиться со всеми этими задачами, которые без конца подсовывает жизнь.

Как хорошо, что она девушка, а не парень. Что у нее есть возможность решить одну-единственную проблему — создать семью, а затем перекинуть все свои хлопоты на мужа...

Лидка, вошедшая в комнату, оказалась очень кстати. Они вдвоем обсуждали эту тему еще часа два. Остановились на том, что самый беспроблемный вариант — подбить Мишку на то, чтобы он при Антоне закатил Зойке скандал.

Будущее стало безоблачным. Зойка, что-то мурлыкая и помахивая сумочкой, прошла по коридору.

На обледенелом крыльце фирмы было темно. Но под фонарем невдалеке света хватало — и Зойка явно увидела Антона. Он спокойно стоял около потрепанной, черной «шестерки» и о чем-то говорил с Сергеем Олеговичем.

Зойка притормозила, поправила беретик. Нацепила на лицо страдающее выражение (то самое, которое вечно раздражало слабака Мишку) и двинулась по направлению к машине.

Внимания на то, чтобы следить за своими ногами, у девушки не осталось. Модный сапожок поехал по льду, а Зойка заметила это на доли секунды позднее, чем следовало бы. Растерялась, испугалась, попыталась поймать поручень, но смогла, только чуть-чуть коснуться его пальцами.

Может быть, все и обошлось бы — но в момент соприкосновения кожи и перил в Зойкиной голове сверкнула мысль: «Если я упаду, он кинется меня

поднимать!» — и ее пальцы не стали цепляться за тоненькую ленту пластика...

Зойка кубарем полетела по крыльцу, закричав несколько театрально. Потом — падение на асфальт и боль в левой ноге, вспышка чего-то пронзительно алого в голове, чей-то истошный, нечеловеческий вопль...

Две другие точки зрения

Сергей помчался к крыльцу вслед за Антоном. Зоя Валентиновна лежала лицом на грязном льду и не двигалась. Ее правая нога была подогнута в каком-то неправильном месте.

Антон наклонился над этой ногой, что-то сделал. Зоя Валентиновна страшно заорала, дернулась, и снова легла неподвижно. Теперь ее нога вроде бы выглядела нормально, а Антон бросил:

— «Скорую!» Открытый перелом!

Сергей слепо зашарил по карманам, ища треклятый, вечно теряющийся мобильник. Антон, матерясь как сапожник и отчаянно вспоминая все, что знал о первой помощи, добежал до ближайшего дерева и двумя резкими, отчаянными рывками отломал две ветви — на изготовление шин.

На повязку пошли рукава его рубашки. Сергей, дозвонившись до «02», сидел на корточках рядом с девушкой и мрачно глядел в ее затылок. Он предвкушал разбирательства по теме нарушения безопасных условий труда (обледенелая прилегающая к фирме территория), выплаты компенсации сотруднице, пострадавшей в момент ухода с работы, и т. д. «Ох, и попляшет этот ... дворник у меня!»

Хлопнула дверь. На крыльцо вышла Лидка, до этого переждавшая время после истошного женского крика снаружи. («Ох, страшно, ох, дела! Как быстро эта шпана уберется отсюда? Минуты три? Подожду-ка я подольше, ох, страшно...») Лидка, естественно, тут же постаралась устроить бардак, попыталась ворочать Зойку. Антон рыкнул на женщину, и ей этого хватило.

«Скорая» подъехала на удивление оперативно. Вокруг Зойки засуетился врач. Антон подхватил своего шефа-приятеля под локоть, оттащил в сторону. Тихо сказал:

— Не хочешь неприятностей, оформляй ее увольнение сегодняшним утром. Иначе она, очухавшись, тебе задаст жизни... По судам находишься из-за нее.

Сергей хлопнул глазами, ошалело поглядел на Антона:

— Послушай, ты же только что ради нее пиджак дорогой в грязь швырнул...

— Боялся, что до приезда «скорой» девчонка слишком много крови потеряет. Но та ситуация кончилась, понимаешь? Теперь другое положение, нам надо уже себя от этой... как ее там зовут... защищать. Знаю я таких, все все им вечно должны... Прицепятся к тебе, как клещ. Помнишь Адку?

Адку Сергей помнил — так же как и то, что зайтись с этой стервой ему помог именно Антон.

Лидка крутилась рядом с врачами, причитала. Антон, поправляя одетую поверх искалеченной рубашки испачканную куртку, мотнул головой в ее сторону:

— О ней Лидка позаботится. Она любит несчастеньких. А тебе что, своих проблем мало?

Сергей махнул рукой даже с некоторым облегчением. Хоть одним головняком меньше... Проворчал:

— Плевать... Разделю ее зарплату между теми, кто хоть как-то шевелится на фирме... Премия этим нашим двум бегунчикам будет, хоть маленькая... Слушай, а если попытаться повернуть такой трюк с процентами менеджерам...

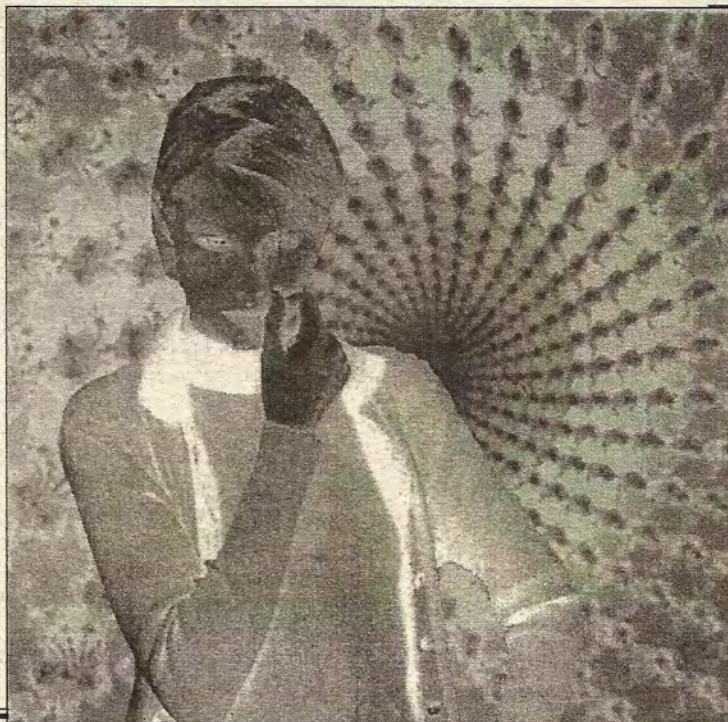
Под этот деловой разговор два начинающих бизнесмена засовывались в потрепанный, непрестижный автомобиль. Впереди на тротуаре разво-

рачивалась машина медиков.

Антон вздохнул. Паршивая история, конечно, вышла. Но единственный способ избежать таких моментов — гнать подобных девиц из фирмы. Скорее выдирать причину будущих подобных эксцессов. Блин, надо быть такой душой, как эта Лидка, чтобы принять на работу такую девицу, у той же все ее методы воздействия на окружающих плакатными буквами на лбу написаны! Черт, все понимаешь, а все равно из-за этой особы такое ощущение, будто грязь только что наелся. Умеют же такие существа нормальных людей в положение уродов ставить...

Зойкина точка зрения

... Зойка, оглушенная наркозом, ничего не чувствовала и ни о чем не думала. Впереди у нее была больница, а потом — свадьба с Мишкой, который к тому времени давно пристроился работать вахтовым методом где-то на Севере. И был счастлив — зарплаты ему хватало, а ответственности было много меньше, чем на фирме. Ему же, Мишке, хватит долгов и перед женой — вечно печальной и вечно неудачливой девушкой с огромными синими глазами...

Николай МЕРЕЖНИКОВ

Коротко об авторе:

Николай Яковлевич Мережников родился 15 декабря 1929 года в селе Мосино, Пермской области. Окончания факультет журналистики Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. В 1968 году был принят литсотрудником в редакцию журнала «Урал», где и работает по сей день.

Николай Мережников - член Союза писателей, автор нескольких сборников стихов. Его стихи печатались в различных журналах, в том числе в «Уральском следопыте», «Урале», «Юности», «Огоньке», «Октябре», «Неве» и других.

Шанс

Был у него шанс остаться в живых —
Он на год моложе был всех остальных,
Но он отказался от этого шанса —
И в армию вместе с другими призвался.
Был у него шанс остаться в живых,
Но он не захотел жить без остальных.
И хоть был он слаб и, может быть, несмел,
Но вместе с другими
Не уцелел.

Когда, смеясь, он потирал ладони,
Как ловко-де провел он дядю Джо,
Не вспомнил он про русское «ужо».
А что его главнее в обороне?

Когда он сам себе шепнул: «Пора!»
И длань взметнул к российским тучным далям,
Забыл он про российское «ура!»,
А значит, и не вспомнил об Урале.

Когда сказал он «Фас!» своей броне,
То не увидел в плане «Барбароссы»:
Конь подрастает в вольном табуне,
Чтоб на граните вздыбиться в Свердловске.

Поют, и пляшут, и смеются...
Ни сострадания, ни стыда...
Но я опять могу вернуться
В те баснословные года,

Чтобы найти себе спасенье,
В те возвратиться времена,
Где в справедливом уравниеньи
Соединила всех война.

Там у любой опять соседки
И в неоговоренный срок
Мне, что и каждому, в загнетке
Живой найдется уголек.

В ночи опять там запылает,
Запышет искрами костер:
Он, как и прежде, собирает
Людей, как братьев и сестер.

И живы все, и пламя выше,
И лица, лица мне видны.
Я свой ребячий голос слышу,
Где мы бедны — и не бедны.

Их именами улиц не назвали,
Не выбили имен их на медали.
И поросли могилы их травой.
Лишь небо светит той же синевой.

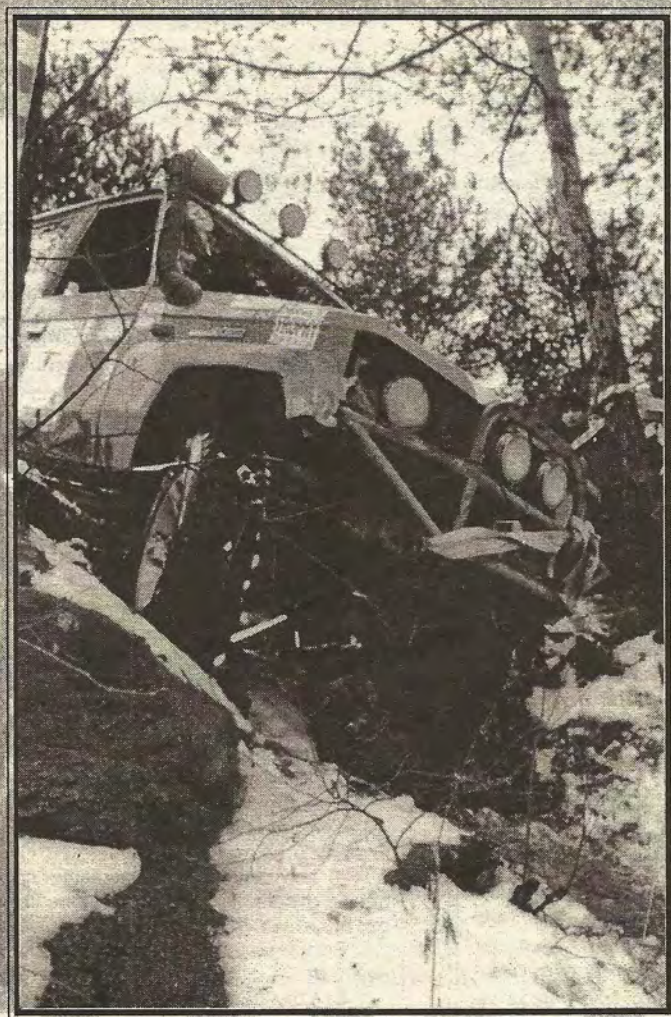
И жизнь идет. Ее не взять в кавычки.
Жить — у людей хорошая привычка.
И вместе с ними эти имена
В иные да продлятся времена!

Кого и как спросить об этом?
Так этот день уже далек...
Но есть такая мера света —
Простой солдатский фитилек.

Он все горит в ночи, и светит,
Выхватывая скоски строк,
И повторяет строки эти:
— Живи, сынок! Живи, сынок!

В них столько правды и любви,
Под стать святому гимну:
— Живи, сынок! Сынок, живи!
Авось, не зря погибну...
Авось, не зря погибну...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	65
Татьяна КРАФТ «Немного об автомобилях»	66
Анатолий ПОНОМАРЕВ «Заходи - не бойся, выходи - не плачь»	70
Светлана ПАНИНА «Древние сокровища Няксимволя»	74
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Бушуй»	76

Ну, вот и май! Масса праздников дает массу свободного времени для подготовки к лету, самому лакомого для большинства экстремальщиков и туристов времени года.

Природа просыпается, и одновременно с этим из гаражей выводятся машины для трофи. Всю зиму они ремонтировались, переделывались. А теперь им пришло время показаться на свет божий... Странные это автомобили, честно говоря. А о том, что в них конкретно необычного, вы сможете прочитать в статье Татьяны Крафт.

Также начинается сезон сплавов по рекам. Правда, прямо сейчас, во время паводка, оседлать любой поток — забава, предназначенная исключительно для очень опытных людей. Мало того, что только что пробудившиеся реки переживают свой обычный период весеннего бешенства — они, вдобавок, запросто могут выйти из берегов, и невнимательный турист рискует начать сплавляться прямо по тайге. Со всеми плохими последствиями от этого... Так что ему придется, скорее всего, даже тяжелее, чем героям очерка Анатолия Пономарева «Заходи — не бойся, выходи — не плачь».

А еще приближается летний охотничий сезон. Радости зимних погонь за зверьями временно остались в прошлом. И теперь за теми же зайцами, например, придется лазать уже не по сугробам, а по траве. А с какими собаками охотиться, или обходиться без этих традиционных четвероногих помощников — это уже дело вкуса. Тем не менее, начало очерка «Бушуй» (его продолжение будет публиковаться в нескольких номерах), заинтересует многих охотников. От этого материала на них повеет таким знакомым, родным...

И, наконец, мы предлагаем вашему вниманию небольшую статью про тайны древних, почти забытых культур. Люди живут на Урале многие и многие столетия. Но сейчас нам остается только рассматривать скудные следы их быта и культуры, пытаться по ним хоть что-то восстановить... Так что добро пожаловать в очень давнее прошлое — вместе со Светланой Паниной, написавшей «Древние сокровища Няксимволя!»

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЛОВУШКИ

Психологические ловушки используются в наш век достаточно широко. Увы, любителей обманом затаскивать людей в свои фирмы, общества и т.п. достаточно много. Как же обнаружить такую ловушку?

Основная характеристика любой ловушки: вам пытаются внушить (или доказать), что у вас якобы **НЕТ ВЫБОРА**. Этот подводный камень бывает скрыт в путанице слов, действий, идей и т. п. Но есть ряд четких признаков его наличия:

— нет выбора времени (то есть составляется неоправданно жесткое расписание, без которого можно было бы обойтись — «Встречаемся в 16-32, и ни минутой позже!»);

— нет выбора внешнего вида (униформа или нечто к ней близкое);

— нет выбора источника, из которого вы можете получить информацию, услуги («Мы и только мы можем дать вам...»), «Они все плохие, только мы знаем и можем, и обращать внимание на кого-либо другого — неразумно»);

— принудительный выбор символа (распространено в политических, общественных и религиозных организациях: «Все символы кроме нашего — атрибуты врагов!»);

— нет выбора пространства («Этим можно заниматься только здесь»);

— нет возможности подумать над «хорошо» и «плохо» («Мы уже все знаем, все продумали, и мы вам говорим, что именно для вас полезно, а что — вредно»); при этом ваша способность вещи самостоятельно жестко подавляется: вас высмеивают, порицают;

— постоянное использование обобщающих слов типа: «каждый», «мы», «все» и т.д.;

— постоянно указывается на то, «что есть что»: злоупотребления глаголами «быть», «являться»: «Это является тем-то и тем-то»;

— постоянное упоминание неограниченных промежутков времени или пространства: «всегда», «вечность», «никогда»;

— тактика ошеломления собеседника противоречивыми предложениями без четкого, разумного прояснения их смысла: «Добро и зло — это одно и то же...»;

— формулирование фраз в виде внушения — для этого очень часто используются слова «мы», «вы»: «Мы легко забываем о таком».

— постоянное подталкивание собеседника к подтверждению отдельных моментов речи: «Не так ли?», «Теперь вы это видите?» (так называемый «цыганский гипноз»);

Есть и многокомпонентные ловушки: «каждый неизменно хочет...»; «вы никогда не сможете сделать это без...».

Все эти ловушки построены на хорошем знании человеческой психики. Некоторых предложений, используемых в них, достаточно трудно избежать в повседневной речи — они являются фигурами языка. Ошибки в оценке ситуации (пытаются ли вас заманить в ловушку или с вами просто говорят) предотвращаются достаточно легко: если предмет разговора мало важен, а вышеперечисленных признаков много — значит, ваш собеседник хочет по-маленькому вас обмануть. Если разговор неважен, а признаков ловушки мало — значит, скорее всего, все в порядке, и этот человек просто излишне пунктуален (назначая время) или слишком эмоционален.

Но если речь идет о чем-то важном и долговременном — то лучше очень внимательно присмотреться даже к немногим из вышеперечисленных признаков (если они возникнут).

Татьяна КРАФТ

Немного об автомобилях

Солнечный день, коварная дорога...

Машина, предназначенная для трофи... Она начинает свою жизнь на заводе, рождаясь обычным, надежным внедорожником. Потом ее продают в руки какого-либо любителя экстрима — и начинается! Автомобиль кромсают и перестраивают, превращая в нечто такое, что и родной конструктор не узнает.

Переделывать автомобиль можно как дома, так и в специальной мастерской. Это зависит от желания и умения его владельца. Впрочем, конечно, все-таки (если вы не отличный инженер) лучше прибегнуть к услугам специалистов: любая машина — это конструкция, все узлы которой тщательно сбалансированы друг с другом. И любое их изменение сказывается на конструкции в целом, неизбежно делая ее менее надежной.

А все-таки, что можно сделать с этой самой конструкцией? Да все, что вы хотите (и что позволяют ваши финансы, кстати). Каждый участник трофи изменяет свой внедорожник так, как ему подсказывает личный опыт и опыт других водителей. Не существует никаких специализированных справочников, журналов. Отдельные публикации есть — но они разбросаны по самым разнообразным журналам. И из-за своего ма-

лого количества не могут быть серьезным источником информации. Так что — присоединяйтесь к тусовке, слушайте, советуйтесь, пробуйте на свой шкуре — то есть на шкуре своего автомобиля, так сказать, пожалуй, вернее.

И, конечно, у каждого участника трофи есть свои секреты — которые держатся в тайне аж до следующего сезона. А во время соревнований, в доверительной, с вином беседе у костерка выплывают все новые, придуманные за зиму трюки — и на следующий сезон самые удачные из них уже широко применяются.

А еще бывалые лесо-болотные водители говорят, что тут ценен любой опыт — как хороший, так и плохой. Все усовершенствования приходится пропускать через себя, набивая шишки за шишками. Пока не обзаведешься своими синяками, ничего не поймешь. А так как каждый человек — индивидуальность, и требования предъявляет к своему авто специфические — то заслушаетесь вы... У каждого отдельного водителя — личное мнение, которое приносит ему хорошие результаты. И оно нередко полностью противоречит мнению другого, не менее опытного автолюбителя, ко-

торый тоже добивается успехов. Так что если начнешь просто всех копировать — такого наворочаешь....

Кому-то нужны колеса самого большого размера, кто-то удовлетворится средними. Двигатель помощнее делает машину тяжелее, а кому-то необходим автомобиль полегче. База делается и покороче, и подлиннее — так, как это комфортно для владельца, и ни для кого другого.

Кому-то удобнее пожертвовать частью проходимости, кому-то — отказаться от части надежности.

Чем больше по диаметру колеса — тем лучше проходимость. Но возрастает нагрузка на двигатель и на трансмиссию. А они на это не рассчитаны. То же самое и с энерговооруженностью: ставишь генератор помощнее, заменяешь аккумулятор — машина тяжелее. Лебедка нужна более сильная — получаешь ты ее, а она быстрее высасывает электричество. Механическая в токе не нуждается — но зато гораздо слабее. Конечно, придется усиливать каркасы безопасности кузова — но это утяжеляет внедорожник, ему теперь легче застрять в болоте. Очень много таких моментов, и поэтому надо искать золотую середину...

Но основной пункт преткновений и споров — это колеса. Они — не только самое первое, что бросается в глаза у машины для трофи. От них напрямую зависит лифт кузова, подвески. Чуть выше поднял кузов — машина стала легче преодолевать препятствия. Но начала и легче падать, чаще кувыряться. Чем шире колеса — тем больше устойчивость. Но вторая сторона этой ширины — авто стали нужны более широкие просветы между деревьями. И вопрос вопросов — резина. Например, если шины широки, мягки и отлично служат для повышения той площади, на которую опирается машина при езде — то есть уменьшают ее давление на грунт. Для болот — идеально, на каменистой же местности может и порваться. А жесткие шины для скал — гораздо хуже на болотах. Середина же — она везде середина, и нигде не дает настоящих, серьезных преимуществ. К тому же резина бывает и тяжелой, и легкой. Что опять-таки влияет на мотор — так как увеличивает вес машины. И этот самый вес, вдобавок, влияет и на мосты. Если сделать колеса слишком тяжелыми, то у «уазика» могут не провернуться колеса. Или полуось сломается — от слишком большой нагрузки. «Тойоты» и другие иномарки, конечно, крепче, так что на них можно поставить колеса посерьезнее.

Несколько легче дело обстоит с приборами управления. Они не особо тяжелые, не энергоемкие. Что можно здесь сделать? Например, на одном из внедорожников ассоциации «Экстрим» установили десять клавиш для включения всех дополнительных приборов, установленных на машине. Это клавиши: вклю-

чения нагрева свечей, управления блокировкой клавиш замка зажигания, клавиши лебедки — чтобы мог водитель, когда штурман бежит снаружи с лебедкой, мог управлять ей не по тросу; включение-выключение дополнительных фар, компрессора, компьютера заднего моста.

И, конечно, достаточно легко оборудовать в машине отсек для еды, спальников, запасной одежды. Это надо потому, что на трофи машина регулярно ныряет в воду. А кому нужен, например, основательно подмоченный спальник?

И еще одна проблема, связанная с теми же переправами через реки. Вода ни в коем случае не должна попадать в двигатель. На автомобиль в обязательном порядке приходится ставить всасывающий коллектор, а также защищать выхлопную трубу. Во время езды вода по ней двинуться не сможет — но если машина вдруг заглохнет во время переправы, то двигатель таким образом может и «подмокнуть».

И, конечно, машина должна быть хорошо защищена снизу — чтобы разные несознательные камни не так легко пропарывали ее днище. Приходится укреплять мосты, защищать снизу все бензобаки — как основной, установленный на заводе, так и дополнительные, на которые можно переключиться в случае необходимости.

В двигатель тоже придется залезть. Конечно, перебирать коробку передач для участия в трофи абсолютно незачем. Но вот все на том же «уазике» придется защитить коммутатор и генератор — чтобы вода ни при каких обстоятельствах не смогла пробить высоковольтные провода свеч. Тут тоже поступают по-разному: кто-то из водителей берет экранированные свечи и провода, помещенные в водонепроницаемые резиновые кожуха. Кто-то — просто одевает на них резину, (перчатки, например), кто-то обрызгивает их специальной водоотталкивающей пеной.

На иномарках можно установить дополнительный двигатель атмосферного давления, турбину — в итоге происходит увеличение мощности мотора. Но и она может оказаться несколько сомнительным благом: на спецучастках (тем, где надо двигаться с пониженной передачей) колеса не пробуксовывают. А при маломощном двигателе тут нет особых проблем: поставил на пониженную передачу, на 1-2 и скорость — двигатель поддерживает обороты, колеса постепенно вращаются, машина выезжает. А турбина при таких условиях может отключиться — и все, машина зарылась, не едет. Зато на прямых, скоростных участках турбина — великолепный помощник.

Подвеска меняется полностью. Стандартная слишком слаба для условий трофи. Амортизаторы, пружины — все это не годятся для таких дорог и для

новых, больших колес. Ведь в среднем колесо переделанного автомобиля на 20 см выше стандартного. И его необходимо запихнуть под крылья машины.

При выборе подвески учитывается, что же именно вы хотите: лучше делать повороты, увереннее ездить по пересеченной местности. Есть несколько стандартных способов лифтовки. Один из них: между кузовом и рамой ставятся самые обычные хоккейные шайбы. За счет этого сам кузов поднимается над рамой, появляется место и для колес, и более мощных амортизаторов. Но можно и поставить просто более высокие и мощные пружины. Тогда сами мосты поднимаются, уходят от кузова, и появляется возможность поставить эти же колеса на рессорных автомобилях. Переносятся крепления рессор, устанавливается комплект дополнительных амортизаторов.

Естественно, нужно разобраться и с дифференциалом в заднем мосту. Если одно колесо будет на шершавой, а другое — на гладкой поверхности (что для трофи — не редкость), то весь вращающий момент уйдет на то колесо, которое стоит на гладком. Устройство, жестко связывающее два колеса и блокирующее дифференциал — за счет него машина в такой ситуации тронется с места.

Можно перевести мотор с 76-бензина на 93 (на все тех же родных «уазиках»). Увеличивается мощность двигателя. Но кто-то из водителей предпочитает экономичности, а не силу мотора.

Ну, вот, пожалуй, и все основные переделки. На машинах для ралли перебирается коробка передач, меняется система тормозов, и т. п. Но для трофи, где средняя скорость движения - 7-10 километров в час, такое не нужно. Нет необходимости даже заботиться о перегреве двигателя при таких темпах движения: на Урале климат нежаркий, на самый крайний случай водитель включит печку — и все в порядке. В трофи гораздо важнее надежность. И именно поэтому, как уже говорилось в начале статьи, лучше свести все изменения в автомобиле к минимуму. Ведь практически любая кустарная переделка все равно где-нибудь да вылезет. Недаром после каждого сезона машины для трофи встают на очень серьезный ремонт: полностью перебирается подвеска, меняются подшипники, прокладки, т. д. На случай поломки любители экстрима везут с собой вполне стандартный ремонтный набор — его хватает на неболь-

шие проблемы. А на случай серьезных поломок за спортсменами идет техничка, и вот на ней есть все необходимое: сварка, болгарка, дрель, много другое...

Солидный список изменений? Конечно. Одной покупкой стандартного внедорожника любителю трофи ограничиться практически невозможно. Каждое изменение в машине стоит денег — одной, полутора тысяч долларов... Таких трат может избежать только тот человек, который совершенно не будет претендовать на победу и просто проедет по лесу столько, сколько сможет — в полное свое удовольствие. Некоторые, кстати, так и делают — при полном уважении к ним тех экстремальщиков, чья техника позволяет бороться за победу.

Так что думайте, сможете ли вы заняться трофи всерьез, или вы пока просто можете лишь прокатиться по лесу...

P.S.: Автор материала выражает искреннюю признательность ассоциации «Экстрим», предоставившей материалы для этой статьи.

С благополучным переворотом вас!

Анатолий ПОНОМАРЕВ

Коротко об авторе:

Пономарев Анатолий Иванович родился в 1937 г. в селе Арамашево Свердловской области. Работал на заводе, служил в армии, окончил Свердловский государственный педагогический институт в 1964 г., доктор физико-математических наук, ведущий сотрудник Института физики металлов УрО РАН. Увлечение: водные и пешие путешествия. Участник походов высшей категории сложности.

Заходи — не бойся, Выходи — не плачь

Редкой красоты стоял вечер! Пылающий закат нежно окрасил в розовые тона снежные склоны диких гор, позолотил тайгу, спускавшуюся от гор к озеру, и алым пламенем разлился по огромной, зеркальной глади воды. Все вокруг было насыщено живыми закатными красками неба, которые, играя, создавали тонкие неуловимые переходы, бередящие и размягчающие душу. Небо, горы, тайга и озеро — все было так крупно, емко, сильно, что люди, сидящие на берегу у костра, казались себе мелкими, беспомощными существами. Неспособными повлиять на происходящее вокруг ни в кося, даже самой малой, мере. Казалось, грустил в природе кто-то большой и мудрый, и в такт движениям своей души перебирал лады неведомого инструмента, извлекая из него величественно-грустную цветовую мелодию. Хотелось молчать и тихо, светло плакать, хотелось раствориться в этом безмерном цветовом безмолвии. И ты уже растворился, тебя больше нет, есть только маленькая невидимая частица, находящаяся во власти этой мощи, парящая в мире грез, где все необычно и удивительно. Удивительно осознание исчезновения собственного «я», осознание того, что осталась одна лишь мысль, свободно летящая в безмерном океане света. И трудно понять обращенные к тебе голоса товарищей, странно и чудно как бы снова очутиться у костра с кружкой уже остывшего чая в руках.

— Ох, не нравится мне вон та гостья, — говорит Лена.

Над перевалом, через который мы пришли на озера Фролиху с Байкала, показалась иссиня-черная туча с ослепительно-белым верхом. Своим непробиваемым синим брюхом туча скоро заслонила от глаз еще недавно полыхающее там, над Байкалом, небо. Горы, вода, лес — все быстро теряло теплые, золотистые, нежные краски и приобретало какой-то ледяной, трагический оттенок. Природа резко изменилась, словно оскорбившись за то, что люди узнали о ней нечто сокровенное, воспользовавшись ее временной слабостью. Она словно затаила дыхание и побледнела от еле сдерживаемого гнева. Костер прижался к земле. Ни одного звука не было слышно, кроме глухого ропота горной реки, впадающей в озеро в двадцати метрах от нас. Надвигалось что-то грозное, еще неведомое. Мы спрятали рюкзаки под тент, натянутый поверх палатки, перенесли две наших байдарки подальше от воды и положили их днищами вверх.

— Шквал идет!

Все повернулись к воде. Со стороны Байкала, зловеще сверкая белым гребнем пены, во всю ширину озера на нас летел косматый водяной вал. За ним вставала непроглядная стена мрака. Это было страшно! Я невольно напрягся, как перед неизбежным ударом.

Ветер налетел с воем и свистом, и началось что-то

неистовое, дикое, враждебное. Полиэтиленовый тент с треском взмыл в небо, и только ключья его остались на растяжках. Отчаянно пыталась взлететь вверх палатка, и я едва удерживал ее, словно взбесившегося коня. Вода яростно, как цепной пес, бросалась на берег, и ошметки водяной пены с ладонь величиной летели по воздуху. Ветер выл так, что нельзя было разобрать, что кричат люди. Из костра огненным снопом летели угли и головешки, летели в кусты котелки и чашки, секло песком лицо. Лес травой мотался под ветром, деревья стгибались буквально до земли, и неожиданно открывались дали. Видеть все это было и жутко, и удивительно.

— Берегись! — раздался чей-то крик.

Прямо над нами высоко в воздухе кувыркались два огромных черных тела. Это летели наши байдарки! Одна из них, пролетев по воздуху метров тридцать, шлепнулась в кусты на другом берегу реки, другая упала у нашего берега. Я схватил бьющуюся в кустах байдарку, выдернул ее на берег, осмотрелся. Люди, низко нагнувшись, как под огнем врага, бегали по берегу и ловили вещи, словно больших бабочек.

Ветер стих так же внезапно, как и возник, и только багровое небо кровавыми глазами отрешенно и холодно смотрело на землю. Потрясенные, мы лазили по кустам, разыскивая разлетевшиеся вещи. Удивительно, что обе байдарки после перелета остались целыми. Мы снова развели костер, вскипятили чай и, подтрунивая друг над другом, закончили ужин. Сгущались багровые сумерки. Низко над водой нависли рыхлые морозящие облака, стало сыро и холодно. Мы затащили байдарки в кусты, крепко привязали их, посидели у догорающего костра и укрылись в палатке. Нас четверо: мы с Ленией и два Володи — черный и рыжий. Командир у нас Ленья. Мы зовем его командором. Оба Володи моложе нас на целых десять лет, задора и сил у них — невпроворот. Высокие, статные, мускулистые, оба заядлые спортсмены. Они так и рвутся вперед. За спиной у них десяток рек, которые они прошли на байдарке. Им страшно хочется потягаться с нами в гребле, но мы пока не принимаем вызова. Дело в том, что мы с Ленией ходили раньше по великим рекам на морских шлюпах, гребли трехметровыми дубовыми веслами, а тут эти дюральки — надо привыкнуть. Но байдарка — снаряд хороший, мобильный, тут виден результат каждого гребка, работа азартная, и мы уже подолгу держим высокий темп. Как-никак, «вламываем» уже две недели.

Первую неделю мы провели на Байкале, вторую — здесь, на озере Фролиха. Немногие туристы добрались сюда в то жаркое лето. Мы пришли на Фролиху с Байкала за полдня, протащив на себе обе байдарки через перевал, не разбирая их. И открывшееся зрелище по-

истине стоило затраченных усилий.

Глухое, безлюдное, полное рыбы озеро привольно раскинулось среди диких гор, вершины которых и сейчас, в конце лета, были покрыты снегом. Это была голубая жемчужина, вознаградившая нас за трудный путь. За неделю мы обшарили каждый уголок озера, знали все речушки, впадавшие в него, любовались многометровыми водопадами, кристальной чистотой воды. А какая тут ловилась рыба! А закаты — Бог ты мой! Это была музыка цвета.

Озеро Фролиха, подобно Байкалу, принимало в себя воды многих рек и речушек, но отдавало ее только по одному руслу, связывающему его с Байкалом. Завтра мы уходим на Байкал по этой реке — тоже Фролихе. Сегодня на байдарке мы разведали ее исток, чтобы оценить хотя бы видимые опасности. Прошли недалеко, иначе нам было бы не подняться обратно — таким сильным было течение. Река показалась нам полноводной. Длина ее по карте — 10-12 км, а потому мы должны были «скатиться» быстро, часа за три. Дойдем до бухты Хакусы, погреемся в горячем источнике, сутки отдохнем, затем на теплоходе «Комсомолец» доедем до порта «Байкал». Потом на «метеоре» по Ангаре до Иркутска, а там — на самолет и домой. Отпуск кончается, пора на работу.

Сплав привлекал нас гораздо больше, чем повторение перевала с таким грузом. Неожиданностей, конечно, не избежать, но зря, что ли, мы пропахали такие реки, что не чета этой? После Волги и Оби, Днепра, Енисея и Лены уж как-нибудь справимся мы с этой Фролихой. Так думали мы, усмехаясь в усы, после осмотра ее истока. Особенно рвались в сплав Володи, так как именно в этом деле опыт их был гораздо больше. И Ленья дал «добро».

Забарабанил по палатке дождь. Это было вторым предостережением после шквала.

Встали в шесть утра. Видимость плохая, туман. Дождь хлюпал по воде, оставляя на поверхности пузыри — верный признак затяжного ненастья. Получалось, что «кругом вода». Мы привязали к корме и носу байдарок прочные капроновые шнуры — с тем чтобы в трудных местах провести байдарки по воде, идя по берегу. Не разжигая костра (чтобы не терять время) вышли в путь, рассчитывая к обеду быть в бухте Хакусы.

Ну ж, был денек! Нормальное русло быстро кончилось, река разбежалась по сторонам, обнажив огромные, черные, шероховатые, как наждаки, валуны. Плыть стало невозможно, и пришлось тащить байдарки через камни волоком. А река словно взбесилась. Она ревела и пенилась, бешено неслась меж громадных валунов, сбивала с ног. Тут без байдарки пройти было трудно, а с ней...!

Впереди шли Володи, за ними мы с Леней. Мы валялись в воду один за другим. Вот оступился Володя-черный. Его тут же сбило течением и поволокло под деревья, что лежали поперек реки. Он же, приняв вызов, даже не сопротивлялся, как бы давая реке фору. Это было в его правилах — давать соперникам фору. Бойко нырнул под первое дерево, он, весело фыркая, вынырнул и тут же оказался перед вторым. Чуть опоздав, он снова нырнул — и невидимый сук дерева подцепил его за ворот фланелевой рубашки, вода забурлила вокруг него, как кипяток. Володя — могучий парень, чемпион района по лыжам, многоборец, а тут кака-то Фролиха, да он сейчас... Но его крутило и полоскало, как котенка. Все силы он тратил на то, чтобы держать голову над водой; а стремительное течение неотвратно накрывало его. По его взгляду было видно, что он растерялся. Второй Володя что-то кричал ему, удерживая рвущуюся из рук байдарку, но, кроме шума реки, ничего не было слышно. Оставив нашу байдарку Лене, я поспешил на помощь и «отцепил» Володю. Через пару секунд он вновь стал прежним, уверенным в себе чемпионом.

Ожидая Леню, я стоял у злополучного дерева и с трудом держал спину, чтобы ее не согнуло потоком — так силен он был. Но вот и я оступился, попал ногой между камней и даже возопил от резкой боли в голени. Закричал от ужаса, что сломал ногу. Нога оказалась крепко ободранной, но, слава Богу, целой. Забрались с Леней на валун, достали аптечку, залепили рану пластырем. Пока возились, Володи оторвались от нас, и мы потеряли их из виду. Входить в стрезень мы не решались: казалось, что нас унесет к чертовой бабushке. Мы шли по воде немного стороной, и часто нам приходилось волоком тащить нагруженную рюкзаками байдарку по мелям или между сплошными валунами.

Скоро байдарка продырявилась, так как была без протекторов. Давно уже мы были мокры до самых макушек, стучали зубами от холода — вода-то почти байкальская!

Шел дождь, но нас он уже не смущал. Дождь был теплым и в какой-то степени даже согревал нас. Все тяжелее редела река, и мы могли уже объясняться только знаками или крича в ухо друг другу. Пробуем выйти на берег и тащить байдарку на руках по звериной тропе вдоль реки, но скоро застреваем в непроходимом буреломе перед горячей еще медвежьей кучей, пораженные ее величиной. Река шумела слева, но пройти к ней по бурелому было невозможно, и мы пошли назад своим следом.

Вернувшись к воде, спустили на нее байдарку рюкзаки одели на плечи.

Идти стало адски трудно. Прыгать по камням, сры-

ваться, падать в ледяную стремнину, выбираться наверх, держа в руках шнур, на котором — рвущаяся байдарка; а на плечах — рюкзак, в котором 20 кг рыбы и продукты на всю команду — это надо испытать. Но у нас даже мысли не возникало выкинуть рыбу, которую мы сами наловили, закоптили и мечтали доставить домой.

Река дробилась на рукава, сливалась снова, но становилась от этого только злее. Была уже вторая половина дня. Мы кувыркались уже часов девять, основательно вымотались, промерзли до костей, были голодны, как бездомные собаки. Стало ясно, что при такой скорости мы и к вечеру не доберемся до Байкала. Решаем плыть на байдарке прямо по стремнине, так как хуже быть уже не должно.

Но сначала надо починить байдарку. У подножья горы на кромке леса разводим костерок, сушим байдарку по частям, закрывая ее собой от дождя, глотаем дым, заклеиваем дыры. Не хватает резины — режем голенища сапог, кончается клей — заклеиваем дыры перцовым пластырем из аптечки. Мелкие дыры зашиваем нитками, швы обмазываем пластилином. «Перекусываем» сухим пайком стоя, накачиваем надувной матрац, кладем его на дно байдарки, пристегиваем к бортам рюкзаки, выводим байдарку на стремнину, садимся — и понеслась душа в рай!

Уклон был таким, что по нему не каждый съехал бы на лыжах, а мы летели по нему среди камней и деревьев, пены и брызг. В душе зарождался восторг — но вот крутой поворот, вода в высокий обвалившийся берег. Корнями на берегу, кроной в реке лежит сосна — перегородила поток. Нас несет под ствол, где вода бурлит, вспучиваясь на ветвях дерева. Нам туда никак нельзя! Гребем отчаянно — и пролетаем сквозь ветки, но, слава Богу, поверх ствола. Тут же река разбегается на несколько рукавов, и мы влетаем в один из них. А там...

Поперек русла высокий — в несколько метров — глухой завал из вывернутых с корнями деревьев, камней, коряг. Вода с ревом уходила вниз, где, словно в ласти свирепого зверя, билась на ветвях желтая пена злобы. Слева высился крутой обвалившийся берег, подмытые, склонившиеся над водой стволы деревьев.

Мы гребанули к берегу, вцепились руками в нависающие над головой древесные корни и остановились в нескольких метрах от завала. Как по канатам, выбрались по корням на крутой склон и, держась за кусты и корни вышерастущих деревьев (чтобы не свалиться обратно), на шнурах вывели байдарку на более спокойное место. На это ушло около двух часов, а с начала сплава прошло уже часов четырнадцать. Где-то близко должен быть Байкал, и мы хотели добраться туда до темноты.

Уже смеркалось, дождь не прекращался, мы торопились. Было удивительно, что мы на такой скорости летим с крутой водяной горы, благополучно минуя повороты, коряги, камни, мели. Казалось, мы уже сами стали частью этой реки — слились с ней воедино, без слов понимая друг друга. Но коварная река устроила нам такое испытание, где конец нам, похоже, был гарантирован.

Как пясть в пальцы, она вновь разбежалась по рукам и, работнув во всю силушку, мы сумели попасть в самый мощный из них. Довольные, не успели мы еще облегченно вздохнуть — как тут же оказались в завале, среди хаотически нагроможденных друг на друга деревь-

евьев. Инстинктивно хватаемся за сучья дерева, выступающие из воды, байдарка кренится, и нас накрывает стремительный, мощный водяной поток. Вода пошла вверх! Все, что произошло дальше, длилось, наверное, секунды — но это были «длинные секунды бытия». Я успел отметить, что совсем нет страха, что сознание работает абсолютно четко. Вижу сквозь воду впереди изломанный силуэт Лени, его белую кепку. Как мы сработаем с ним сейчас? Будем держаться вот так под водой за сучья, либо...

Резко выпрямляюсь и — раз-раз-раз, наматываю и закрепляю капроновую веревку за обломок дерева над головой. Чую: сук ядерный. И — откуда эта звериная ловкость? — обезьяной взлетаю наверх. Шнур натягивается струной, но удерживает байдарку за корму. Ее развернуло и прибило днищем к здоровенному стволу, наискось уходящему в воду. Верх струи бьет прямо внутрь байдарки, ее согнуло крутой дугой, но она видна и — о, чудо! — цела.

Где же Ленья? Я с опаской смотрю туда, где клокочет, скрываясь под деревьями, вода — и чую, как волосы дыбом встают у меня на загривке. Там, среди корней и веток, зацепившись за сук, бьется белая кепка.

— Ленья! — ору я, уже не владея собой и, как лунатик, по стволу дерева перебегаю туда, готовый расшвырять этот чертов завал, ломать и грызть бревна.

— Ленья! — в ужасе кричу я, склонившись над самой струей.

— Толик, я тут! — слышу я Ленин голос внизу,

Недалеке от Байкала...

совсем рядом.

Не похожий на себя Ленья по уши в воде толкает байдарку снизу и близоруко щурится — очки сорвало водой. Иногда его накрывает с головой, но он отказывается вылезать наверх, пытается вытолкнуть байдарку из воды. Я, стоя наверху, вцепился в верхний борт байдарки, Ленья толкает снизу, мы отчаянно пытаемся поднять ее на завал, но это выше наших сил. Полная воды и придавленная мощным потоком, байдарка словно впаяна намертво. Однако мы не сдаемся, тянем по-звериному, рвем жилы, уже отупев от бесконечных попыток. В глазах круги, спина трещит, тянут так, что кажется: я поднял бы паровоз. Но все впустую, совершенно глухо! На Леню страшно смотреть — так вздулось от натуги и почернело его лицо.

Стоп! Надо подумать. Решаем рискнуть: совсем утопить байдарку, в воде повернуть ее днищем к потоку и уже потом тянуть наверх. Вода должна вылиться, да и поток будет выталкивать байдарку — то есть работать на нас! Повозившись в тугой струе, страхуя друг друга, мы повернули байдарку днищем к потоку и почти без усилий подняли ее наверх. И не было в тот момент на земле людей счастливее нас! Мы обнялись.

Байдарочка доверчиво лежала на завале у наших

(Окончание следует)

Светлана ПАНИНА,
археолог, старший научный сотрудник
Свердловского областного краеведческого музея

Древние сокровища Няксимволя

Медальон с изображением плывущих бобров. Бронза, литье.

Памятник, известный в литературе под названием «городище Няксимволь», был открыт в 30-е гг. краеведом А. Трапезниковым. Часть сборов с него хранится в фондах Свердловского областного краеведческого музея. Валерий Николаевич Чернецов, археолог, этнограф, создатель мансийского букваря, опубликовал коллекцию с городища Няксимволь в своей работе «История Нижнего Приобья в I тыс. до н. э. — I в. н. э. И отнес большую часть находок к усть-полуйской археологической культуре.

В коллекции Североуральского краеведческого музея представлены фрагменты орнаментированной глиняной посуды. Костяные наконечники стрел и гарпунов для охоты на морского зверя и рыбной ловли, железный нож, медный втульчатый наконечник стрелы, бронзовая коническая бляшка, две стеклянные бусины, костяная пуговица для верхней одежды. Среди бытовых вещей в коллекции выделяется группа предметов (11 единиц) из металла культового характера, применявшаяся в обрядовых действиях обских угров — предков народности хантэ.

В фондах Североуральского краеведческого музея хранится коллекция, собранная в 90-е гг. XX века на территории поселка Няксимволь, по берегу реки Северной Сосьвы одним из первооткрывателей «черного золота» в этих местах и переданная им в дар музею.

Коллекцию изделий чугунного литья по сюжету можно условно разделить на отливки зооморфные — изображения зверей — бобров, медведя, мелких пушных зверьков; и антропоморфные — изображения людей в полный рост и личины. Исключение составляет бронзовая пластина с орнаментом в виде цепочки крупных перлов (жемчужин) в центре, окаймленных веревочным орнаментом (каннелюры).

Все культовые находки отливались в односторонних, возможно глиняных формах. После отливки поверхность металла — неровная, ноздреватая — дополнительно не обрабатывалась. Исключение составляют пластина с орнаментом, личина и плоская прорезная бляха с парным антропоморфным изображением — они тщательно отполированы с внешней стороны.

Среди изображений животных — парные фигурки мелких пушных зверьков (куница, соболь?) в распластанной симметричной позе. На овальной бляхе (медальоне) композиция повторяется — те же парные фигурки, но тщательно выполненные плоские рельефные хвостики не оставляют сомнения, что

Парная или двухголовая антропоморфная отливка. Бронза, литье.

Танцующий медвежонок.
Бронза, литье.

Это фигура, стоящая фронтально с нижними конечностями неодинаковой длины; создается впечатление, что изображение приплюсывает. Руки или лапы подняты к голове, голова большая, с медвежьими ушами. На лице ясно видны глаза, прямой нос и улыбающийся рот. «Приплюсывающий медвежонок» — уникальный экспонат коллекции, не имеющий аналогий в изделиях бронзового художественного литья Урала и Западной Сибири.

Сюжеты с изображениями людей в художественной пластике коллекции представлены двумя личинами, двумя парными отливками и одной фигуркой прямо стоящего человека с изображением совы над головой. Человек с птицей над головой очень похож на фигурку из Лозьвинского клада, найденного в конце XIX века. Близка к ним по стилю и технологии изготовления парная или двухголовая (?) отливка антропоморфного существа, стоящего в профиль с развернутыми в фас личинами.

Версией прочтения этого образа может быть фигура взрослого человека, несущего на спине другого. Обе версии не имеют аналогий в сюжетах уральской и западносибирской художественной пластики рассматриваемого периода.

Еще одна парная отливка в этой коллекции — односторонняя прорезанная бляха в виде прямоугольной пластины. На лицевой стороне изображены фронтально два стоящих человека, возможно мужчина и женщина (правая фигурка выглядит более изящной), над головами которых проступают две личины птиц (совы?). под ногами у людей — изображение распластанного зверя (ящера, змеи?). Бляха плохой сохранности, покрыта патиной, изображения едва угадыва-

перед нами плывущие бобры.

Прорезная фигурка из оловянистой бронзы, плоская, односторонняя — профильное изображение медведя на четырех лапах с опущенной головой. На боку медведя выгравированы три стоящих друг за другом наклонных фигуры (людей, животных?). еще одна отливка сочетает в себе черты медведя и человека.

Верхняя часть пластины утрачена. Трехчленная композиция этой бляхи, символизирующая картину мира обских угров, широко распространена в культовом литье Прикамья и Урала.

Верхний мир воплощают совы над головами людей, являясь, по-видимому, тотемами-первопредками. Средний мир — это главные персонажи, стоящие на распластанной внизу ящерице или змее — символе Нижнего мира.

Две личины в коллекции Североуральского музея во всем отличны друг от друга. Одна выполнена в технике высокого литья, представляет собой лицо классических пропорций, обрамленное прической или остроконечным шлемом. Черты лица лишь угадываются — прямой нос, глазные впадины.

Вторая личина имитирует маску. Лицо вытянутой формы, косо поставленные глаза, прямой нос. Резными линиями обозначены брови и скулы. На лбу — изображения трех фигур, стоящих друг за другом в наклонной позе. Они аналогичны изображениям на боку медведя, отливки из этой же коллекции, описанной выше.

В коллекции с памятника Няксимволь обращает на себя внимание большое количество отливок с парными изображениями людей и животных. Повторяющиеся сюжеты с тремя стоящими друг за другом существами на лбу человеческой личины и профильное изображение медведя позволяют предположить смысловую зависимость между этими отливками, что косвенно указывает на совместное залегание находок на

одном археологическом памятнике. Исходя из размеров, плоской формой отливок и отсутствия на обратной стороне предмета петель, при помощи которых они могли прикрепляться к одежде, можно предположить, что большая часть этих находок использовалась как жертвенные подношения, т. н. «прикладь» на святилище.

Личина-маска.
Бронза, литье, шлифовка

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Бушуй

Еще перед самым моим уходом в армию мы с отцом и тестем поехали в лес, на природу, отдохнуть, набрать сок с березок. Я взял старших, Анто-на с Павликом, а тесть — щенка русской гончей, Бушуя.

— Собаку пора уже натаскивать, а все в лес не могу выбраться, — говорил Адам Самойлович, тя-желовесный мужчина, еще крепкий для своих шес-тидесяти восьми лет. — Да и староват стал, тяжел на подъем.

В принципе, это по его просьбе мы в лес и собра-лись. Как не уважить родственника. На старень-ких «жигулях» забрались подальше, в глубь леса. Самойлович с собакой сидел впереди, и Бушуя сто-ялило.

— Говорил бабке не кормить перед дорогой, а накормила. Баба — она баба и есть!

Вылезли из машины. Самойлович стал убирать за собакой, а я держал ее на поводке. Бушуя уже было месяца четыре. Худой и длинноногий, крас-новатой масти, с намечающимся черпаком на спи-не, он спокойно наблюдал за хозяином, еще отходя от укачивающей поездки. С гончей я столкнулся впервые, и поэтому разглядывал собаку, не зная толком, какой от нее прок. Так, слышал, но не ви-дел.

Самойлович прибрался в машине, подошел ко мне, спустил собаку с поводка и, улюлюкая и по-свистывая, отправился с ней дальше в лес. Бушуй, почувствовав свободу, пошел галопом, как любой щенок в его возрасте, подзадориваемый хозяином.

Тесть ушел, а мы, натаскав хворост, затеплили костерок, что для детей забава, сами же с дедом пошли за соком. Поставили посуду под сток, над-рубленный на березах, и вернулись к костру.

Я прислушивался к легкому шуму леса, но ни-какого лая так и не услышал. Весна. Тепло при-гревало солнце, на деревьях набухали почки, а кое-где уже начинали пробиваться сочно-зеленые лис-точки, острый запах от которых приятно переби-вал аромат прелых трав и хвои. От болота тянуло сырой тиной, а на деревьях вовсю щебетали птахи. Дети играли с огнем у костра, а я поставил коте-лок для чая; готовил бутерброды.

Скоро вернулся и тесть. Ребята стали бегать с молодым, игривым псом, а дед подсел к нам.

— Что-то не слышно было ничего, — сообщил я ему заинтересовано.

— Молодой еще, не понимает. А может, и зайца здесь нет, — солидно пояснил тесть. — Натаски-вать надо. К осени должен пойти. Крови хорошие. Должен.

Мы пили чай, ели бутерброды. Отец болтал без умолку, вспоминая деревенские детство и юность. Тесть помалкивал (он вообще был малоразговор-чив) и думал про свое. Дети носились с собакой, а я наслаждался отпущенными мне днями свободной жизни, стараясь не думать об армии. Душа у меня к ней не лежала. Никакой войны нет — а, поди ж ты, «долг» родине отдай! Это все равно что срок за здорово живешь получить. А, ничего, армия все-таки не тюрьма...

После армии я занимался своими собаками, но это только до снега, а потом тосковал по осени. Конечно, катался на лыжах, гулял с собакой, деть-ми. А в общем — дом-семья-работа. Тесть на охоту ездил со своей компанией. Приглашал несколько раз — но так, для вида. Да и по времени мы как-то не совпадали. Он, как-никак, пенсионер, а у меня работа. От него я и узнал, что Бушуй начал понем-ногу «работать», то есть гонять зайцев, но до ста-рых собак ему еще далеко. Так, зайчишку-двух возьмет — и то ладно.

Но года через два тесть стал сдавать. Возраст брал свое. Как врач, я видел, что у него прогресси-рует паркинсонизм. Он стал скованнее в движен-иях, лицо становилось анемичнее, замедлилась и речь. Но это были возрастные изменения. К тому же он проработал всю жизнь водителем, дышал парами бензина, которые тоже могли послужить причиной заболевания. Я уважал Адама Самойло-вича как хозяина, старого охотника, а еще больше — за его жизненный опыт. Десять лет он от махал, как сын раскулаченного. Были у его семьи хозяй-ство, лошади, дом. И неизвестно, как сложилось бы все (в лучшую, конечно, сторону), если бы не гольтуба: ленинско-сталинские комбеды, с семнад-цатого года грабившие российский народ, уничи-тожавшие и ссылавшие умных, честных и хозяй-ственных людей — всех тех, на ком держалось Рос-сийское государство.

Тесть заскочил к нам в деревню погонять соба-

ку летом. Туда-обратно на машине — удобно. А в деревне мы с ним выходим в лес. «Ты иди, смотри за собакой, привыкай к ней, а она к тебе. А я что-то тяжело себя чувствую», — и возвращался он домой. Я понимал, к чему он меня готовит, и не был против, так как не просто интересовался работой гончей, но и хотел с ней охотиться.

Бушуй бегал по кустам, тьякал: иногда ровно. Словно гнал кого-то, иногда на одном месте. Пока я не очень понимал смысл его работы, так как не видел, чтобы он за кем-то гонялся.

— Ну что, перевидал зайца? — спрашивал Самойлович, когда мы возвращались с псом из леса.

— Нет. Никого, — отвечал я без особого интереса. Мне еще надо было выгулять и Кэрри (мою собаку).

— Лето, — пояснял тесть. — Трава высокая, запахов много, поэтому скальвается часто. Но к осени выправится. Еще поохотимся.

Осень пролетела незаметно. Выпал снег. Мой сезон закончился, а от Адама Самойловича не было приглашений. Теща звонила, говорила, что он иногда выезжает на охоту, но редко, когда кто-либо из друзей на транспорте. Что тесть постарел, ходить ему тяжело, но иногда привозит зайцев. Я загорелся, но напрашиваться гордость не позволяла. Только жене иной раз говорил: «С собакой гулял летом, натаскивать помогал, а теперь меня побоку? Не очень это, чтобы очень с его стороны. А?»

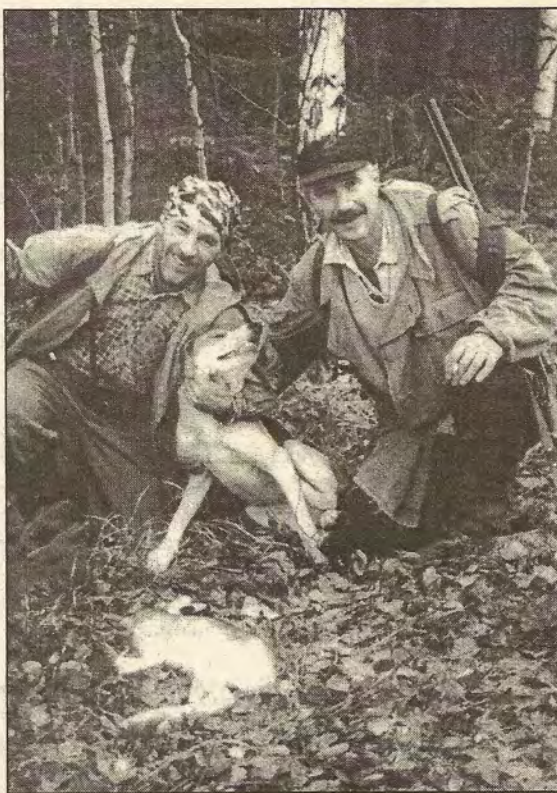
Может он, как и все люди, надеялся на лучшее — в смысле, что Бог еще даст ему силы, и он еще сам поедит в лес, в своей компании проверенных друзей (я, хоть и родственник, но чужой на охоте). Но после ноябрьских праздников дошли, видимо, до него мои жалобы: все-таки позвал он меня в лес. И тогда я быстро сообразил, почему он старался воздерживаться от моей компании.

Николай, его приятель, маленький и лысый мужичонка, оказалось, не раз бывал в отсидке. А тесть тоже оттянул десятку — хоть и за политику, но все же была у него с Николаем особая внутренняя связь. Ружья своего Николай не имел, — отобрали в последнюю ходку за хулиганство, — собаки тоже. Поэтому он и тянулся к Самойловичу, как к старшему, более бывалому, к тому же в «законе», по сравнению с ним «баклану». И за единственно оставшуюся в жизни радость — охотничью страсть — прямо был благодарен бате.

Уже в электричке он достал бутылки и закуску.

— Перекусим? — предложил тесть солидно. — Все равно сегодня не на охоту идти.

Я не возражал. Святое дело! Впервые выпить с тестем в узком кругу, познакомиться с Николаем,

Добыли!

дорога, охота... Как не выпить? Вечерней электричкой мы добрались до станции, на которой должны были переночевать до утра. Разлили, выпили, закусили не торопясь. Но разговор не клеился. Тесть с Николаем говорили о своих знакомых и делах вяло, полунамеками — но я и не вслушивался, так как все это меня ни с какой стороны не касалось и поэтому не интересовало. Когда поели, я вздремнул немного, прислонясь к окну.

Станция на Пастушном была маленькой, всего около двадцати квадратных метров, с печкой-голландкой посередине и лавками вдоль стен, поэтому казалась уютной и вполне подходящей для ночевки. Я до этого много раз проезжал мимо нее, но, не зная мест, не обращал на нее внимания.

Теперь же Николай показал мне поленицу дров за станцией, и мы быстро растопили печку, пока дед выгуливал собаку. Я достал свою бутылку, чем приятно удивил мужчин (за кого они меня до этого считали, за маменькиного сынка, что ли?), и мы сели вечерять. Они стали вспоминать прежние охоты, рыбалки, и мне оставалось только слушать, выпивать да закусывать. Благо снеди они набрали

предостаточно: сало, колбаса, огурцы, помидоры, копченая рыба, лук, чеснок, консервы. Прямо будто не ан охоту собрались, а на пикник какой-то.

Достали еще бутылку. «Ну, — думаю, — оттянуться мужики решили. Оторвались от семьи, жен да прочих лишних глаз и — давай газу до откату!»

Печка быстро нагрела маленькое помещение так, что можно было раздеться до рубашек. На углях, прямо в печке, заварили чай в котелке. Мы были одни, никто нам не мешал, не сковывал своим присутствием. Только перед последней электричкой зашло несколько человек обогреться — и все, до самого утра никто не беспокоил.

Мы разлеглись по лавкам сытые, пьяные и разморенные. Бушуй дед привязал возле своей лавки.

— Охраняй! — приказал он ему. — Спи спокойно, — сказал он мне. — Собака свое дело знает, предупредит, если надо, разбудит.

Я и не волновался на этот счет, так как не впервой ночевал на станциях в глухих местах. Тем более, у нас была собака. Но на всякий случай все же положил под голову все, что поценнее: ружье, патроны, рюкзак.

Старики есть старики. Я проснулся от того, что Николай уже затапливал печку, брякая дверцей, и готовился заваривать чай. На улице, как было видно сквозь окна, еще стояла темнота. Времени — шестой час утра.

Не торопясь, основательно позавтракали и затемно вышли в лес. Прошли по еще сонной деревеньке, и по дороге двинулись в сторону Сарги. Дед отставал, и мне хотелось помочь ему, облегчив его рюкзак. Но он отказывался и крепко держал за поводок собаку, рвущуюся вперед.

— Вон помощник. Видишь, как тянет? Только ноги успевай переставлять, — усмехался он.

Рассвело. По краям дороги стали видны заячьи следы.

— Ну что, спускаться не пора? — не терпелось мне начать охоту.

— Погоди, до места дойдем, там спустим, — успокаивал мой пыл дед. — Чего зазря собаку сил лишать. Набегается еще.

Наконец пришли к старым вырубам, заросшим осинником. Здесь действительно было больше следов, они образовывали чуть ли не тропы. Спустили Бушуй, сами разложили ружья. Свое дед отдал Николаю:

— Мне за собаку порадоваться, а вам пострелять, — пояснил он мне. — Собаку, опять, наставлять кому-то надо, молодая еще. А ты привыкай. Главное: если в твою сторону гон идет, замри и будь внимателен, не шелохнись. Увидишь — стре-

ляй; но если зверь далеко, то лучше его пропусти. Он либо вернется, либо на Николая выйдет. Заяц он такой, кругами бегаёт. А нам главное не суетиться.

Погода стояла мягкая, снега было немного, всего по щиколотку. На нем четко отпечатывались следы. Солнце только смутным, размытым пятном обозначивалось на мгlistом, сером небе, обещая снег и непогоду. Но пока стояла тишина, и воздух был не морозным и сухим, а слегка влажным.

Бушуй залаял сначала на одном месте. Дед показал мне, где надо вставать, а сам пошел помогать молодой собаке распугивать заячьи наброды. Вскоре лай перешел в гон, но тот оказался недолгим. Потом снова скол, снова гон. Я уже стал мерзнуть, стоя на одном месте и напряженно сжимаю ружье. Вглядывался в осинник так, что в глазах рябило. «Да, это не та охота, не ходовая с подружейной собакой, — отмечал я про себя. — Одеваться, а особенно обуваться, на нее надо потеплее!»

Я стал передвигаться, стараясь идти ближе к гону и останавливаться, когда лай приближался, но зайца так и не увидел. Николай тоже не стрелял — значит, и он никого не видал. Пару раз я наткнулся на деда, но тот только жестами показал мне, что надо стоять, ждать. И, тяжело ступая, ломился сквозь ветки на очередной скол. Так мы пролазили часа два, и все напрасно. Прибежал Бушуй, довольный и уставший. Кругом все было избегано зайцами и собакой.

— Пора на другое место перебираться, это ему не раскопать, — махнул рукой дед. — Ты так и не видел никого? — спросил он меня. Я отрицательно покачал головой. — Бегать меньше надо. Я пару раз перевидал, но далеко. Думал, на кого-нибудь из вас выйдет, но Колька тоже на месте стоять не любит.

— Не пора ли пообедать? — предложил подошедший Николай. — Да и собака отдохнет.

— Можно, — согласился Самойлович, поймав собаку на поводок.

Мы прошли дальше и вошли в лесок, где было побольше сушняка. Развели костер, и я стал топить снег в котелке, так как ручки все уже промерзли основательно. Старики достали снедь из рюкзаков — а также бутылку водки, один вид которой вызвал у меня изжогу и удивление: «Еще охотиться да охотиться, а тут опять выпивка!»

(Продолжение следует)

БЖ Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Конкурс «Большие надежды-2001» получил большой отклик; в связи с этим редакция журнала «УС» приняла решение сделать его **ежегодным**.

С 1 марта 2002 года начинается литературный конкурс «Большие надежды. Уральский следопыт.2002».

Условия участия в конкурсе (от конкурсантов обязательно требуется):

1. Прислать в адрес редакции
 - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
 - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
 - копию подписного абонемента, (не менее 6 месяцев в 2002 г.)на журнал «Уральский следопыт»;
 - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор или разборчивый почерк).
 2. Творческий подход и желание победить.
 3. Работы принимаются только от авторов не старше 18 лет.
- Работы, присланные без соблюдения условий конкурса, в конкурсном отборе не участвуют!!!

Номинации:

1. Сказка.	3. Поэзия.
2. Проза.	4. История и краеведение.

На конверте обязательно делать пометку «Большие надежды. Уральский следопыт. 2002».

Работы принимаются до 1 ноября 2002 года. Победителей ждут достойные призы, и не только...

Удачи вам!

УРАЛЬСКИЙ следопыт

5,2002

Директор редакции Сеницын Александр

Отдел истории и краеведения
Отдел прозы и поэзии
Художественный редактор, верстка
Корректор
Отдел по работе с письмами
Отдел по связям с общественностью
Рекламная служба

Юний Горбунов
Петр Родимов
Татьяна Суворова
Елена Тришкина
Анна Родимова
Элла Сеницына
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Бульчев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев

Наблюдательный совет:

Председатель — Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.

Министерством печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 30 рублей.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. 22-36-62

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 5-2002

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 408
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести», г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ

ГНЕЗДО ВЕТРОВ — ТЭЛ-ПОЗ-ИЗ

Облака над Тэл-По-Изом

Плато на Тэл-Поз-Изе необычайно красивы. Это ровные столбовидные поверхности, усыпанные курумником, протяженностью в сотни метров, представляющие собой остатки древнего выровненного рельефа. Растительности на них почти нет или она очень редкая, в виде невысокой травы и цветов. Но уже на спусках к долинам, чуть ниже поверхности плато появляются разноцветные поляны цветов, в том числе таких, как знаменитый золотой корень — родиола розовая.

Края плато изрезаны карами — полуцирками, крутыми уступами обрывающимися в долины с запада и с востока. Иногда они близко подходят друг к другу, так, что образуются узкие перешейки. Идешь по такому перешейку по краю обрыва сумрачным ненастным вечером, дождь оглушает тебя через полиэтиленовую накидку, порывы ветра такие мощные, что, кажется, вот-вот подхватят тебя вместе с плащом-парусом и скинут под крутой обрыв на сотню метров вниз в угрюмый холодный июньский снежник.

В этих каровых цирках часто находятся озера или верховья ручьев, дающих начало рекам, таким как Пятидырка: пять каровых озер — пять истоков одной реки. Причем, озера идут каскадами, один за другим, через несколько сотен метров вдоль русел ручьев.

Протяженность плато Тельпос-Из достаточно велика. По мнению некоторых ученых начинается оно южнее вершины, примерно в 45 километрах, и имеет на своем протяжении несколько гор со своими названиями. У подножья плато и его горных вершин много снежников, часто не успевающих растаять за лето; под вершиной Тельпос-Иза есть даже небольшие леднички.

Холодный массив концентрирует над собой огромные облака, которые невозможно охватить широкоугольным объективом аппарата, и только сверхширокоугольник помогает объять это несобьятное чудо. Великолепное, в полнеба, в ярких лучах заходящего солнца, то рубиново-красное, то лимонно-желтое огненное создание, насыщенное мириадами микроскопических капелек влаги, растет, растет... и медленно, как бы нехотя, отрывается от поднебесной вершины и, постепенно набирая скорость, уходит на Юг.

А мы идем дальше, на Север, где на горизонте уже ждет нас суровый и сказочно красивый Приполярный Урал.

Согласно мансийской легенде бог запретил манси подниматься на вершину этой горы.

Мы же решили подняться на нее, но не смогли. Низкая облачность, сильнейший ветер и дождь, огромные камни и полное отсутствие ориентиров уже в пяти метрах заставили нас сойти с маршрута.

Тэл-Поз-Из — самая северная вершина Северного Урала. Завершением границы, отделяющей Северный Урал от Приполярного, является дуга реки Щугор, опоясывающей гору с севера.

Самое поэтичное название горы пришло от коми — «Гнездо ветров», в чем убедились и мы за несколько дней пребывания на плато. Ненцы дали ей свое, необычное, несколько даже хохочущее название — «Нэ-Хэхэ», хотя, в переводе это означает — «Женщина-идол».

Женщин на Тэл-Поз-Изе мы не встретили, а вот мужчины посетили нас среди полярной ночи, когда мы стояли лагерем на плато. Это были местные охотники с маленькой собачкой. Когда мы спросили, почему такая маленькая, они сказали, что она очень чуткая, предупреждает их о приближении диких животных, в том числе и медведей. Ходили они по ночам потому, что ночью нет комаров (которые заставляли нас даже на высоте 1000 метров есть стоя, лицом против ветра).

Тэл-По-Из

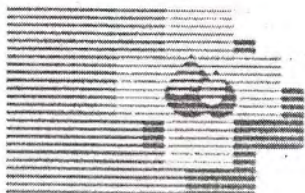

*Евгений Савенко.
Фото автора.*

*Начало серии заметок «Уральская горная страна»
в № 3, 2001 год*

Хочешь двинуться — ищи попутчика!

Журнал издан при содействии:

**Свердловский областной клинический
психоневрологический госпиталь
для ветеранов войн
Начальник госпиталя — Семен Исаакович Спектор**
